E 43
209

K 1002 42

Брак переплета!
стр. 145-160 перевернуты. !
19-XII-89г. [illegible]

9 : 3232 (47) „1905“ (082) — 9171

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

1905—1925

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ АГИТАТОРОВ

СОСТАВИЛ
П. АНАТОЛЬЕВ

Под редакцией и с предисловием
В. И. НЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№_____ г.

23165-25

Типо-Цинкография
Кооперативного Издательства
„Пролетарий“

23165
20/I 1925

Зак. № 281. Тир. 10.000

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯНВАРЕ 1905 ГОДА.

I.

Изучение массового движения в январе 1905 г. представляет огромный интерес для всякого, кто желает изучать динамику массовых выступлений пролетариата в революционные дни.

Действительно, уже на выступлении рабочих в Петербурге эта динамика выявляется очень выпукло и резко. Уже здесь мы замечаем, как рабочие массы в самом процессе движения переходят все к новыми и новым формам борьбы и как они выходят из этого выступления не теми, что вошли в него, обогащенные опытом, расставшиеся с вредными старыми иллюзиями и изжившие веру в царя. Еще до кровавого воскресенья рабочие массы начинают жить особой, непохожей на обычную, лихорадочной жизнью совместных, коллективных действий, никем неорганизованных и неруководимых. Помимо той жизни, какая обычно катилась в районах и собраниях Гапоновского общества, пролетариат Петербурга в течение дней, предшествовавших шествию ко дворцу, проявил необыкновенную активность и самодеятельность. То, что было предложено Гапоном и его ближайшими помощниками на обсуждение отделов, послужило только поводом к той большой работе, какую проделали сами массы. При чтении проекта петиции рабочих, тысячные массы охватывала какая-то лихорадочная творческая деятельность: масса не только не оставалась пассивной, молча выслушивавшей чтение и поднимавшей руки в знак согласия с нею, но и сама прибавляла, уточняла, выбрасывала или изменяла те или другие требования так, что тот текст петиции, который мы знаем, был проверен, просмотрен, исправлен и, наконец, одобрен всей толщей рабочего класса Петербурга. Мало того, рабочая масса сама училась на этих собраниях во время этого коллективного творчества, поднималась и росла буквально по часам.

Всем известно, с каким недоверием, ожесточением и прямо враждебностью в некоторых районах рабочие встречали социалистов-ораторов и в том числе большевиков. Кое-где были случаи насильственного удаления таких ораторов, а уничтожение социалистических листков было заурядным явлением. И вместе с тем во многих местах, уже в течение этих дней, накануне выступления, рабочая масса начинала прислушиваться и к голосам, исходящим не от гапоновцев, а из среды социалистов, к призывам и лозунгам, бросаемым в массу революционерами и, в особенности, теми „героями", руководителями, которых выдвигала сама масса в эти лихорадочные дни. Однако, этот процесс роста самосознания масс был еще не велик: рабочие в своем движении пошли и утром 9-го января по проторенной веками дорожке, — к царю, с хоругвями, иконами и попом.

Развитие событий двинуло гигантски и массу вперед. Придя на площадь с наивной верой в царя, масса потеряла там эту веру. Но этого мало, еще утром, еще днем эта масса была мирной и покорной толпой рабов, а во вторую половину дня и особенно вечером эта масса превратилась в бунтующую революционную стихию готовых к бою людей. Больше того, (и это важнее всего) в ходе самих событий без руководителей, без революционных организаций, масса делала колоссальные успехи в своем развитии и организованности: от мирных способов протеста (а чем, как не мирным способом протеста в самодержавном государстве было уже самое шествие ко дворцу) рабочие перешли к самым решительным революционным действиям: то вступая в борьбу с казаками, то поджигая киоски, то разыскивая оружие и расхищая запасы его (быть может, и негодного для борьбы против винтовки, это не так важно), масса в своем революционном творчестве дошла до постройки баррикад под руководством минутных вождей, выдвигаемых ею самою. А вместе с ростом этой организованности, рождавшейся в хаосе стихийности и борьбы, росло и сознание масс.

II.

Еще лучше эти черты движения проявляются в выступлении масс по всей России. Здесь, если обозреть картину движения во всей ее грандиозности, еще больше бросается в глаза это огромное значение самодеятельности и творчества масс.

Но прежде, чем остановиться на этой стороне движения, необходимо подчеркнуть, что из всей пестроты и разнообразия форм, какие приходится наблюдать, изучая это движение, вырисовывается определенная правильность, почти закономерность выступлений.

Прежде всего можно установить, что движение, охватившее так или иначе буквально всю Россию, наиболее массовый интенсивный характер и напряжение принимает на окраинах: в Польше, Прибалтике, на Кавказе, в Донецком бассейне (за исключением только Урала и Сибири, не имевшей достаточно большой массы пролетариата). В центре России и даже в таком крупном районе, как Иваново-Вознесенский, движение не в состоянии было подняться не только на такую высоту, как, напр., в Варшаве, но даже на такую ступень, как в Харькове или в Саратове,

Это обстоятельство находит свое об'яснение прежде всего в составе пролетариата центра и окраин: в Варшаве, Домброве, Риге, Ревеле, Екатеринославе, в Донецком бассейне, отчасти на Кавказе, где принимали участие в забастовке, главным образом, железнодорожники, как и в Саратове забастовка была наиболее организованной и наиболее сознательной прежде всего потому, что главные массы пролетариата, шедшие во главе движения, были передовой частью рабочего класса вообще, были металлисты. В центре же, в Иваново-Вознесенске, Москве и других городах коренной России главную массу рабочих составляли либо текстильщики, либо ремесленники, наименее организованные и сознательные или наиболее распыленные.

Вот почему толчок, полученный рабочей Россией на такой окраине, как Петербург, стал распространяться наиболее интенсивно по окружности, по периферии через Ригу, Ревель, Варшаву, Донецкий бассейн и Кавказ.

Землетрясение в российском самодержавном строе шло наиболее бурно и катастрофически не по центру, а по окраинам.

Вторая интереснейшая черта движения состоит в том, что и движение в пунктах его наибольшего напряжения носило различные формы и приобретало различную остроту и напряженность: в то время, как в Польше выступившие на улицу

массы поражали своей организованностью и сознательностью выступление в Прибалтике, Донецком бассейне, несмотря на свой кровавый исход здесь, и даже на Кавказе, не говоря уже о Харькове, и менее грандиозно, и менее организованно, и менее сознательно.

Причины понятны: Польша уже тогда обладала и наиболее сознательной массой, и наиболее прочной и могущественной классовой социалистической организацией, чем где бы то ни было. Вот почему в Польше, в ее крупнейших центрах вся масса пролетариата забастовала по директиве партии день в день и час в час, как это было указано в листках комитетов. По этой же причине, несмотря на особенно кровавый исход движения в Польше и в Риге, если сравнивать по количеству масс, участвовавших в движении, польское и северо-западное движение потерпело меньший урон, чем в Донецком бассейне, где и интенсивность, и размах забастовки были более слабы.

Польские рабочие вышли из движения менее дезорганизованными, чем Донецкий пролетариат и рабочий класс других городов.

Третьей замечательной чертой январьского движения является факт массового выступления с особой, новой, правда, еще зачаточной формой борьбы—с железнодорожной забастовкой: несколько железных дорог Польши прежде всего, затем Закавказские жел. дороги и Рязано-Уральская магистраль прибегли к железнодорожной забастовке, распространявшейся, хотя и временно, почти на всю линию. Это факт величайшей важности, ибо и в революциях, которые изобилуют внезапными взрывами и скачками, новые формы движения рождаются не сразу, а переживают какой-то своеобразный процесс развития, своего рода революционный отбор, когда из тысячи приемов и форм постепенно выкристаллизовывается наиболее прочная, удобная и полезная форма борьбы, легко охватывающая тысячи, десятки и сотни тысяч человек, причем движение идет все к высшим и высшим формам его.

Великая октябрьская забастовка 1905 года и была той высшей формой, до которой тогда выросло движение.

Наконец, четвертой характерной чертой январьского движения является впервые вовлечение в массовое движение наиболее отсталых слоев пролетариата и наиболее глухих пунктов: это

вовлечение таких отсталых слоев только что начиналось, но начало его здесь: бастуют, например, не только железнодорожные рабочие (они бастовали и прежде), но и самые отсталые железнодорожные служащие.

III.

Самодеятельность и революционное творчество рабочих масс, как ясно из предыдущего, были повсюду главной чертой движения, причем в этом творчестве и самодеятельности рабочие массы очень быстро находили те способы и приемы борьбы, которые помогали им, тотчас же, изживая одну фазу движения, переходить к следующей высшей ступени борьбы. И это наблюдается везде. И в Варшаве, и в Лодзи, и в Домброве, где массовое организованное выступление, в виде простого ухода с фабрики, тотчас же переходит в движение масс на улицах, чтобы в следующий момент перейти в демонстрации и, наконец, в организованные вооруженные столкновения с войсками. И в Донецком бассейне, где простой отказ от работы выливается в планомерную забастовку, и на Кавказе, где первоначальная забастовка солидарности шаг за шагом превращается в репетицию будущей грандиозной всероссийской стачки с настолько решительными действиями, что в некоторые моменты движения пахнет порохом и кровью настоящего восстания; и, наконец, даже в Москве, где из простых экономических забастовок выростает большая стачка, в которой массы доходят до планомерного столкновения с полицией.

Движение не стоит на месте, а идет все вперед и все выше, охватывая все большие и большие массы, расширяя свой базис и, только достигнув максимума напряжения, медленно сходит на-нет.

Эти разнообразные формы движения, эти волны рабочих масс, переливающихся из улицы в улицу, с площади на площади, при всей пестроте и различии фаз, все же подчиняются некоторым закомерностям.

Даже в том случае, когда движение стихийно захватывает массы, оно идет и развивается в общем почти одинаково, останавливаясь в одном месте на одной ступени, в другом—на другой, в третьем—на третьей и т. д.

Так почти повсюду начинает забастовку самое крупное предприятие города, района и т. д.; так почти повсюду металлисты идут впереди, за ними текстили, потом ремесленники;

так почти повсюду, для приведения в движение наиболее отсталых масс, пролетариат сам, не по указке, не по мертвой схеме, образует ударные группы наиболее организованных и революционных товарищей, передовые колонны, которые берут на себя инициативу привести в движение самую толщу еще малосознательного пролетариата; так почти везде, где сильна партийная организация, она идет впереди масс и по мере развития движения обростает новой извлекаемой из самой гущи пролетариата армией боевых революционных сил.

Таким образом, при всей пестроте движения оно само, развиваясь путем столкновения пройденных и новых форм, идет все выше, все шире и все глубже.

IV.

Необходимо остановиться еще на одном обстоятельстве.

Без сомнения, январьское всероссийское движение российских рабочих было вызвано причинами, изменениями, коренящимися в самой глубине капиталистического общества. Начавшись с чисто экономического выступления во многих местах, это движение очень скоро приняло характер огромной, массовой, политической забастовки всего пролетариата России, характер политического выступления против самодержавия. Начавшись мирным шествием рабочих к царю в Петербурге, оно во всей России, в целом, становится бурной политической стачкой, которая, по меткому выражению польских соц.-демократов, превращается в восстание, носящее характер политической стачки.

И что важнее всего, это то, что, рассматривая январьское движение 1905 года во всероссийском масштабе, начинаешь понимать, какую огромную непобедимую силу уже тогда приобрела революционная соц.-демократия и в первую голову большевики: ведь, если в первые дни выступления пролетариата в Петербурге движение перелилось через головы даже революционной социал-демократии, то затем, как и в столице, по всей России движеиие проходит исключительно под влиянием партийной организации.

Партия всюду начинает движение, выпускает листки, призывает рабочих к выступлению, руководит ими, ведет их в бой, и вместе с ростом самодеятельности масс растет и крепнет сама и, сливаясь с массами, ведет их за собой.

Ленин назвал январьские события в Петербурге „поворотным пунктом истории России“, и мы, действительно, знаем, что, начиная с этого пункта, история России путем беспримерной борьбы трудящихся масс, столкновений, поражений и побед пришла к логическому завершению движения,—к октябрьским дням 1917 года.

В. НЕВСКИЙ.

Москва
4/XII 1924 г.

Канун первой Русской революции

ИСТОРИЯ ЗУБАТОВЩИНЫ
и
ГАПОНОВЩИНЫ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ.

В последние годы XIX века набрасывалась программа того, что расцвело, сначала в Москве, а потом и по всей России, в первые годы нынешнего столетия, под всякому известным теперь именем *зубатовщины*. Начальник московской охранки, давший всему „учреждению“ свое имя, вовсе не был единолично его изобретателем. „Идея „носилась в воздухе“. 14 февраля 1902 г. в Москве был утвержден устав „Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве“. Общество должно было быть чисто-пролетарской организацией — в его ряды отнюдь не допускалась „мелкая интеллигенция“ (иначе „агитаторы“); в виде исключения только членами-соревнователями могли быть чины фабричной инспекции и полиции, лица, принадлежащие к составу администрации фабрик и заводов, а также священно- и церковно-служители *). Изолированные таким путем от всяких „вредных“ влияний, московские металлисты были за то окружены самым близким, самым нежным, можно сказать, попечением главного начальника московской полиции—тогда знаменитого обер-полицеймейстера Трепова. Обер-полицейместер следил за сохранностью кассы общества, предварительно просматривал и утверждал все издаваемые им инструкции, посылал на все заседания своих представителей—мог ставить на этих заседаниях любые вопросы, и, если удостаивал явиться сам, получал... двадцать голосов. После этого совершенно ясно, что полицеймейстер не мог оставить общество на кого-нибудь, что он должен был следить и за выборами в правление, и для простоты дела он это правление по-просту назначал из избранных общим собранием кандидатов.

14 февраля был утвержден этот устав, а 19 февраля того же 1902 года 50.000 рабочих присутствовали в Кремле при

*) Буржуй, шпик и поп, как видим, об'единены в одно целое вовсе не злодеями-большевиками в 1917 году. За 16 лет до этого они сами себя об'единяли в трогательном содружестве, как товарищи по общей работе.

„торжественном молитвословии“ у памятника Александра II. „Такая громада“ — как с гордостью называл это сборище Зубатов,—даже несколько испугала министерство внутренних дел, которое разослало особый циркуляр, где говорилось, что это очень хорошо, конечно, но чтобы больше не повторялось.

Опасения министерства внутренних дел, как очень скоро обнаружилось, были отнюдь не без оснований. Для малосознательной политически массы, — а *политически* в это время малосознательно было еще большинство рабочих, — не смущавшейся фигурой полицеймейстера (прикрытой, вдобавок, более „почтенными“ фигурами профессоров московского университета, которые занимались „просвещением“ рабочих и вообще непосредственно „вели дело“), зубатовщина была огромным толчком вперед в деле развития *классового* сознания—понимания классовой противоположности интересов рабочего и фабриканта. Аляповато подражая революционным агитаторам—мы помним, что вся затея была сплошной *подделкой* под социал-демократическую агитацию, в этом была суть дела—агенты Зубатова договаривались до обещаний, что правительство скоро велит отобрать фабрики у хозяев и передать их рабочим. Правительство-де готово все сделать для рабочих, если те не будут слушать „мелких интеллигентов“. В отдельных забастовках полиция прямо поддерживала стачечников, выдавала им пособие и т. п. Под влиянием всего этого рабочие-зубатовцы начинали говорить, что „прошло теперь время, когда были рабовладельцы и рабы, и когда рабы, уподобляясь пчелам, кормили своих господ даром: теперь и рабы будут жить, как господа“. Английские предприниматели, в числе прочих средств для сохранения своего господства, между прочим, тщательно оберегали рабочих от развития у них классового сознания, всячески поддерживали в рабочих мысль, что интересы их и предпринимателей не противоположны, что работник и хозяин всегда могут столковаться. Русский предприниматель, не идя ни на какие уступки, толкал как раз в противоположном направлении.

Эта неуступчивость российского предпринимателя и сорвала окончательно „зубатовщину“. Казалось бы, нетрудно было понять, что „полицейский социализм“, будучи страховкой от социализма настоящего, требует страховой премии: за страховку надо платить. Тем не менее, как только фабриканты почувствовали зубатовщину на своем кармане, они завопили.

Мы помним, что у нас всячески старались привлекать в русскую промышленность иностранные капиталы. Их владельцы смотрели, разумеется, на Россию, как на дикую страну, население которой на то и существует, чтобы своим трудом набивать их, капиталистов, карманы. Когда случалась забастовка на их заводе, и полиция ее „усмиряла", они еще терпели—это была картина, им знакомая. Но когда полиция поддерживала забастовку, этого они ни понять, ни стерпеть не могли. Зубатовская забастовка на фабрике, принадлежавшей „французским гражданам", вызвала огромный скандал, доходивший до вмешательства французского посла и т. п. Московские текстильщики, принадлежавшие, как мы уже знаем, к самым жадным и тупым эксплоататором, воспользовались скандалом и усилили свои вопли. Страх „полицейского социализма" сделал их даже на минуту европейцами—пусть уж лучше у нас, как во Франции, рассуждали они, российская манера дороже обходится. Под их давлением министерство финансов выступило с проектами учреждения *фабричных старост*, выбираемых рабочими—и даже с проектом узаконения в России стачек. Первый закон и был издан (10 июня 1903 г.), проект второго остался памятником паники, охватившей предпринимательские круги. Но панику успокоили более простым средством: в том же 1903 году Зубатов был уволен. Как всегда, неудачу отнесли на счет отдельного лица. С идеей не расстались, и зубатовщина была даже перенесена в Петербург, где для нее нашлись более „надежные руки" в лице священника Георгия Гапона...

Какую роль сыграла эта новая попытка полицейского социализма в развитии рабочей революции, мы увидим ниже. Роста классового сознания, на почве все обострявшегося промышленного кризиса, зубатовщина остановить не могла. Напротив, помимо своей воли, она способствовала этому росту.

С первых же лет нового столетия рабочее движение делает два новых шага вперед. Во-первых, оно выходит за стены фабрик и за пределы рабочих кварталов и поселков, *выходит на улицы больших городов*. Во-вторых, оно принимает характер открытой борьбы уже не только с фабрикантами и их слугами, а со слугами царского правительства. Стачки начинают осложняться *демонстрациями*. Кто не видал этих *первых* выступлений русской народной массы против вооруженной силы, против полиции, казаков и жандармов, тот с трудом представит себе

то впечатление, какое производили демонстрации и на самое массу, и на ту буржуазную и интеллигентскую толпу, которая была (кроме студентов) больше свидетельницей, чем участницей движения. Точно плотину какую-то порвало, ледоход какой-то пошел. „Да, кажется, у нас дело пойдет по-французски, а не по-немецки!" — говорили среди интеллигентской публики. Вид толпы, которая явно *не боялась* казаков, которая не разбегалась при первом же явлении „защитников порядка", но отвечала им ударом на удар, уступив, наконец, силе оружия, являлась на следующий и еще на следующий день все в большем и большем числе, эта картина сразу унесла куда-то вчера еще всеобщую веру в несокрушимость самодержавия. Все понимали, что падение этого последнего теперь только вопрос *количества*: то же движение раз в пятнадцать-двадцать „погуще", помассивнее и пошире — и революция налицо. И даже буржуазия, для которой невозможность революции в России была догматом, оправдывавшим и ее холопскую трусость перед царской властью, и ее бесстыдство и жадность по отношению к рабочим, даже она усомнилась в прочности ее идеалов и заговорила... о конституции.

Демонстрации начались харьковской, 19 февраля 1901 года, по поводу сорокалетия освобождения крестьян, но особенно внушительны были московские демонстрации 23—26 февраля того же года. В них-то именно и почувствовалось впервые дыхание революции. Организованы они были студенчеством, но революционными их сделали рабочие, в Москве участвовавшие в демонстрации десятками тысяч и отбившие целый ряд казацких атак „в нагайки". Впервые на улицах Москвы появились баррикады,—отдаленные предвестники декабря 1905 г. Демонстрации продолжались потом в Петербурге (в марте и, в особенности, в мае, когда дело дошло до грандиозного побоища рабочих Обуховского завода с войсками, причем было 6 убитых и 8 раненых со стороны рабочих). Но досталось и полиции в Тифлисе (в апреле), в Екатеринославе (в декабре) и в ряде других городов. Это были лишь первые порывы шквала; поздняя осень следующего 1902 года была свидетельницей события, которое в истории русского рабочего движения может считаться таким же переломным пунктом, как морозовская стачка 1885 года в свое время. То была знаменитая *ростовская забастовка* ноября 1902 года, начавшаяся, как

водится, в железнодорожных мастерских и захватившая скоро все крупные предприятия города. Настроение рабочих было таково, что целую неделю начальство не решалось к ним приступиться. „Происходило нечто невиданное и неслыханное в России", рассказывает один современный отчет: „ежедневные многолюдные митинги под открытым небом, многотысячная толпа, с замиранием сердца внимающая смелым речам о самодержавии, о чиновничьем произволе и насилии, о пристрастии судов, о капиталистической эксплоатации, толпа, громкими криками отвечающая „да" на вопрос оратора: „нужна ли нам политическая свобода?". Тут же самая разнообразная публика, сбегавшаяся со всего Ростова на невиданное зрелище: рабочие, оставлявшие мастерския, чтобы пойти „послушать" на сходку, мещане, купцы, чиновники, дамы в экипажах с лорнетками в руках. И тут же растерянное начальство, не знающее, что предпринять, полиция и казаки, слушающие речи социал-демократического оратора". Придя в себя понемногу, начальство поняло, что тут нужны уже не нагайки и шашки, а пули: залпом в толпу казаки положили 6 убитых и 12 тяжело раненых. Но сейчас же ускакали, а расстрел даже не положил конца митингам. Русский рабочий уже в 1902 году решительно переставал быть верноподданным...

Год спустя, летом 1903 г. этот рабочий встал на ноги уже не в одном городе, а на всем юге России, от Одессы до Баку. Это был первый пример в России *всеобщей стачки*, во всех производствах захватившей, как мы уже говорили, более 200 тысяч человек. Если весною 1901 года перед московскою публикой впервые промелькнула тень будущих декабрьских баррикад, то теперь Одесса, Киев, Екатеринослав и Баку имели перед собою первый набросок картины, окончательно дорисованной октябрем 1905 года. „Своеобразен был вид больших городов во время стачки",—рассказывает тот же цитированный нами выше современный отчет: „Все магазины, конторы, пекарни, мастерские закрыты; конки и трамваи не ходят; извозчиков почти не видно; газет нет; поезда стоят на станциях; горы товаров заваливают платформы; пароходы и шхуны стоят на рейдах приморских городов без движения. Продукты дорожают. Нет ни хлеба, ни мяса. Небольшое количество хлеба берут с боя. Нет ни электричества, ни газа, вечером на улицах темно, а в квартирах плохое освещение свечами. Улицы

не подметаются, нет ни разносчиков, ни носильщиков, ни даже чистильщиков сапог (!). Полный застой торговой и промышленной жизни в городе, но зато огромное оживление и возбуждение города в общественном отношении. Тысячные толпы рабочих ходят по улицам, устраивают сходки, митинги, на которых социал-демократические ораторы произносят речи, демонстрации с красными знаменами в руках. Раздаются революционные песни и крики. Масса патрулей, полиции, городовых и солдат".

В Москве в 1901 году была еще *толпа* почти исключительно рабочая по составу, но шедшая рядом и отчасти *за* мелкобуржуазной интеллигенцией. В Петербурге, в обуховской стачке, налицо были уже *восставшие рабочие*, но пока еще *одного города*, и даже одного—двух предприятий (кроме обуховцев, в выступлении участвовали ткацкие фабрики Выборгской стороны). На юге России летом 1903 года был *класс*, были уже не „рабочие", был *пролетариат*. И как бы для того, чтобы подчеркнуть его полное классовое единство, в Одессе чрезвычайно деятельное участие в подготовке стачки приняли местные зубатовские организации, возглавлявшиеся там некиим Шаевичем. Когда этот последний выступил перед рабочим собранием и, пытаясь вразумить своих недавних „птенцов", спросил их: „чего вы хотите? головой об стену или сверлить ее?" Раздался единодушный ответ: „головой об стену". Полицейский социализм сам выкопал себе могилу...

М. Н. Покровский.

„Русская история в самом сжатом виде". Ч. III.

1901—1904 г. ЗУБАТОВЩИНА.

Начало нового столетия ознаменовалось в России новым под'емом политической борьбы.

За границей в это время (декабрь 1901 г.) основывается газета „Искра" возвратившимися из ссылки основателями первого „Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса" Лениным, Мартовым и Потресовым. „Искра" призывает к политической борьбе и к общероссийской крепкой партийной организации, борется с „экономизмом", с „кустарничеством" и разбродом, и вокруг „Искры" сплачиваются лучшие социал-демократические силы; ее агенты едут в Россию,

и общепартийная организация делает крупные шаги, как в смысле широты размаха и революционности, так и в техническом отношении: появляется в большом количестве литература, как заграничного, так и местного происхождения.

1901 год отмечается распространением новой формы массовой борьбы—политических демонстраций. В начале года происходят студенческие волнения с требованиями „политической свободы", к ним примыкают рабочие, происходят демонстрации в Петербурге, Харькове, Киеве, Казани, Томске. В Москве демонстрирующие студенты были арестованы и заперты в манеже; вокруг манежа собрались громадные толпы рабочих и интеллигенции, выражая им сочувствие. Разгоняемая полицией и казаками, толпа рассеивается по городу, устраивает из фонарей и бульварных скамеек баррикады, выбивает стекла во дворце генерал-губернатора. „Уличные беспорядки" продолжаются в Москве в течение трех дней (23—26 февраля).

Маевки этого года ознаменовываются волнениями, принявшими большие размеры в Петербурге: на Выборгской стороне и на Обуховском заводе.

В Москву приезжают в это время „искровцы" Бауман и др., ставят „искровскую" организацию, широко распространяется „искровская литература".

Полиция, напуганная широким размахом рабочего движения, усиливает свою энергию в борьбе с ним. Зубатов, в противовес революционному движению, старается усилить свои организации и овладеть рабочим движением.

* * *

Зубатов был одним из самых талантливых охранников царского самодержавия.

Начав свою охранную карьеру в средине 80-х г.г., втираясь в студенческие кружки и затем проваливая их, он вскоре перешел на работу в Московское охранное отделение, и в средине 90-х г.г. сделался начальником его.

Увидев, какой большой успех среди рабочих имела пропаганда и агитация, начатая московскими марксистами в 1893—95 г.г., он понял, что растущее рабочее движение является серьезной угрозой самодержавию.

„Рабочий класс—коллектив такой мощности, каким, в качестве боевого средства, революционеры не располагали ни

во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений",—писал Зубатов („Былое", 1917 г., № 4).

Так, верно оценивая силу рабочего класса, он понял, что путем голых репрессий невозможно справиться с растущим рабочим движением, а надо постараться примирить рабочий класс с самодержавием путем удовлетворения его мелких экономических нужд и разрешения его чисто экономических организаций под бдительным полицейским надзором. Этим он надеялся вырвать почву для политической агитации у революционеров и легко справиться с ними.

„Едва ли подлежит сомнению,—писал он,—что экономика для рабочего человека гораздо существеннее всяких „основ" (политики). Удовлетворите их потребности в этом отношении, и они не только не пойдут в политику, но выдадут вам всех интеллигентов поголовно"; „революционеры без массы—генералы без армии". (Из писем Зубатова к Мане Вильбушевич).

Став на такую точку зрения, наш „просвещенный" охранник и начал свою работу.

В 1896 г. летом, произведя большие аресты среди московских соц.-демократов, он на допросах начал проводить свою тактику.

Вообще, надо сказать, что его допросы носили своеобразный характер: Зубатов вел беседы на самые различные темы в непринужденном тоне и увлекал искренной беседой собеседников. Многим арестованным казалось, что это просто столкновение двух мировоззрений, и они, излагая свою точку зрения, тем самым выдавали часто все, что касалось их личной и революционной деятельности.

Он давал арестованным читать книги, газеты и журналы; особенно рекомендовал он книги Бернштейна, горячим поклонником которого он являлся; отпускал иногда арестованных под честное слово в город; освобождаемым предлагал взаймы денег на расходы, заводил с ними дружескую переписку и т. д. В своих беседах он обещал арестованным легализацию рабочего движения под условием отказа от политики.

Рабочих при допросах он всегда старался восстановить против интеллигентов, говоря, что они пользуются рабочим только, как орудием для достижения собственных целей.

совершенно чуждых рабочему классу, который, только при поддержке надклассового самодержавия, может прочно улучшить свое экономическое положение. Он с торжеством читал рабочим откровенные признания некоторых раскаявшихся или „запутавшихся“ интеллигентов и тем сеял среди рабочих недоверие к интеллигенции.

И надо сказать, что многие, недостаточно стойкие и убежденные, арестованные шли на удочку Зубатова: одни искренно уверовали, что под полицейско-охранной опекой можно организовать рабочее движение на почве борьбы за „экономические свободы“, другие, испугавшись репрессий и соблазненные „30 сребренниками“, становились обыкновенными предателями и провокаторами.

Итак, Зубатов начал „работать“ в Москве.

Продержав в 1896 г. несколько недель арестованных членов московского рабочего союза и заручившись среди них „добрыми друзьями“ (Рума и, повидимому, некоторыми другими), Зубатов их вскоре всех выпустил (история эта темная, ждущая еще своих исследователей).

С этого времени начинает приносить свои плоды новая зубатовская тактика в Москве, приводящая, с одной стороны, к постоянным провалам революционных организаций, а с другой—к попыткам организовать рабочих под опекой охранки.

Вскоре же Зубатов начинает распространять свою работу и на другие местности России и, прежде всего, на Западный край, на район деятельности Бунда.

Надо сказать, что тамошняя жандармерия, прозевала организацию еврейских рабочих, возникшую с начала 90-х г.г. и к этому времени глубоко пустившую корни в еврейскую рабочую массу. Бунд (союз еврейских рабочих) имел в это время разветвления во всех городах и местечках с еврейским рабочим населением, выпускал массу прокламаций и регулярно издавал свою нелегальную газету.

Зубатов взял на себя „ликвидацию“ этой организации. Воспользовавшись первым с'ездом в Минске Российской соц.-дем. раб. партии в 1898 г., о котором он узнал через своих московских „друзей“. Он командирует вслед за московскимиделегатами на этот с'езд самых опытных филеров и с помощью внутреннего и внешнего осведомления производит массовые аресты

в районе Бунда. Арестованных привозят в Москву, и здесь Зубатов ведет с ними свои хитрые, вкрадчивые беседы. Несколько второстепенных работников Бунда идут на его удочку и становятся его агентами (Т. Вильбушевич, Шаевич, Волин и др.).

С их помощью Зубатов организует в Минске в конце 1899 г. „независимую еврейскую рабочую партию".

В Минске среди всеобщего бесправия „независимцы" стали пользоваться всеми свободами: они устраивали массовые собрания—общие и профессиональные, в самых обширных залах г. Минска, вели агитацию за профессиональные нужды, организовывали и проводили стачки, причем пользовались прямой поддержкой жандармского полковника Васильева, который оказывал давление на хозяев, вынуждая их делать уступки рабочим. В результате—в Минске разыгралось большое стачечное движение.

Эта тактика имела сначала некоторый успех. Зубатов хвалился, что из союза щетинщиков из 800 членов—600 ушло к „независимцам".

Но этот успех был непрочен. Бунд начал энергичную кампанию против „независимцев", предостерегая рабочих от полицейской ловушки.

Эта агитация Бунда вскоре увенчалась успехом, особенно в связи с неудачами „независимцев" в их работе. Дело в том, что против Васильева минская буржуазия нажала все кнопки, и его жандармское рабочелюбие было „сокращено": уступки рабочим хозяева взяли назад, рабочие клубы и артели перестали утверждаться администрацией. Рабочие поняли, что они обмануты, и влияние „независимцев" в Минске и вообще в северо-западном крае пошло на убыль. Рабочие еще теснее сомкнулись вокруг своих нелегальных организаций.

В 1901 году московская администрация утвердила устав „Совета рабочих механического производства", а затем—и „Совета ткачей". На устав этих обществ полиция, конечно, наложила свою яркую печать. В эти советы члены общества выбирали лишь кандидатов, из которых полиция назначала членов совета; не могли быть членами общества поднадзорные; пособий лишались также лица, подвергавшиеся административным наказаниям. Эти советы должны были намечать желательные

для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и, вообще,—в правилах внутреннего фабричного распорядка.

Во главе Советов стояли убежденные рабочие зубатовцы (Слепов, Афанасьев, Жилкин, Красовский, Янченков и др.). Вскоре Советы стали играть большую роль в московском рабочем движении; они вмешивались в конфликты рабочих с фабрикантами, вынуждали у них уступки рабочим, пользуясь давлением полиции на фабрикантов, а когда фабрикант Гужон выгнал из своей фабрики членов Совета, то был, как французский подданный, приговорен к высылке из России, и только могущественное заступничество капиталистических организаций пред высшей администрацией спасло его от этого. Был организован в Москве ряд стачек, пользовавшихся полицейской поддержкой и даже субсидиями из охранки.

С целью отвлечь рабочих от политики и привить им свои взгляды на нее, Зубатов организовал в московских народных домах беседы и лекции для рабочих, привлекая к ведению их благонамеренных профессоров (Озеров, Ден и др.), а также и попов. Рабочих, выступавших на этих беседах с критикой зубатовщины, арестовывали и высылали из Москвы.

Апогеем этого движения была манифестация нескольких тысяч московских рабочих 19 февраля 1902 года с возложением венка на памятник Александра II.

Как отражалась вся эта тактика в умах серых рабочих, показывает история с рабочим-зубатовцем Янченковым, который при аресте заявил: „Рабочие об отводе им помещений для собраний не станут спрашивать разрешения ни в конторе, ни у хозяев, ни у станового пристава, а сами выберут подходящее место и будут там собираться. Прошло время, когда были рабовладельцы и рабы, и когда рабы уподоблялись пчелам и кормили своих господ задарма; теперь и рабы будут жить, как господа".

„А некоторые фабричные хулиганы,—как пишет чиновник Морской в своей книге о зубатовщине,—открыто проповедывали, что скоро, мол, хозяев скрутят в веревочку, и тогда надо будет посмотреть, как они станут выколачивать с рабочих дивиденды, а потом и фабрики у хозяев отберут в казну,—чтобы народу тесноты не было, а была воля во всем".

Но царское самодержавие изменило бы своей классовой сущности, если бы оно далеко пошло по этому пути.

Против опытов Зубатова был двинут весь аппарат классовых московских капиталистических организаций и ведомства, наиболее тонко отражавшего их интересы—министерства финансов, которое все время вело борьбу против Зубатова и добилось, наконец, в августе 1902 г. перевода его из Москвы.

После его отъезда из Москвы, его организации стали хиреть экономические завоевания рабочих брались назад, агитаторы стали высылаться из Москвы. Рабочие увидели себя и здесь обманутыми, загнанными в ловушку.

„Эти факты революционизировали умы более, чем сотни агитаторов, взятых вместе,—пишет проф. Озеров.—Я никак не думал,—продолжает он,—что правительственная власть будет столь близорука, чтобы допустить такой опыт. Но по пословице: бог лишает разума того, кого хочет погубить".

Итак, несмотря на все усилия полиции подавить революционное движение, оно растет и в следующем 1902 году принимает все более революционный темп и значительно расширяется: в него втягиваются крестьянство и либеральная буржуазия. Среди крестьянства, кроме социал-демократов, развивает работу партия социалистов-революционеров. Либералы-земцы и городские деятели организуются в „Союз освобождения", во главе которого становится перебежчик от марксизма—Струве.

В 1903 году по всему югу России разливается широким потоком стачечное движение, начатое на экономической почве одесскими зубатовцами (Шаевич), но быстро принявшее ярко-политический характер с демонстрациями, митингами, разгоняемыми нагайками и пулями. Число бастовавших на юге России дошло до 250 тысяч. В Москве отголоском этих событий явилась всеобщая стачка типографов; во время нее был образован полулегальный профессиональный союз типографских рабочих и стала издаваться нелегальная газета.

С. Мицкевич.

„На заре рабочего движения".

9-е ЯНВАРЯ.—ГАПОНОВЩИНА.—КОМИССИЯ ШИДЛОВСКОГО.

Народные массы отнеслись сначала к войне в далекой Манчжурии равнодушно. Только, когда одна мобилизация за другой стали выхватывать из крестьянских семей работников, так что в иной деревне скоро не досчитались трети, а то и половины взрослых мужчин, только тогда массы начали глухо роптать. Но правительство Плеве действовало хитро: при мобилизациях намеренно обходили промышленные центры и вообще крупные города. Там, где население было наиболее сознательно, где лучше всего была поставлена революционная пропаганда, война чувствовалась всего слабее, и меньше всего было поводов для ропота.

Несколько иначе отнеслось к войне „общество“, т. е. буржуазия и интеллигенция. Здесь в последние месяцы перед войной широко было распространено относительно правительства то же заблуждение, какое у самого правительства было относительно японцев. Как правительство Николая II было убеждено, что японцы „не посмеют“ начать войну, так „общество“ было убеждено, что ее не посмеет начать правительство Николая. Причиной этого заблуждения были ходившие в публике преувеличенные слухи о денежных затруднениях правительства: люди, совершенно „осведомленные“, уверяли, что в казне не найдется денег больше, чем на три месяца войны, четвертый месяц будет началом государственного банкротства. „Общество“ не догадывалось, что за спиною Николая и его правительства стоит в этом деле парижская биржа, и что она уже, конечно, не откажет Николаю помочь в достижении на Дальнем Востоке его целей, которые на самом деле были целями именно этой биржи. Так и случилось: за время войны Николаю удалось „перехватить“ за границей 1.210 миллионов рублей и покрыть этим способом $^{9}/_{10}$ всех расходов (всего война стоила 1.300 миллионов рублей золотом). Правительство не только не обанкротилось от войны, как ожидало „общество“, но даже не прекратило размена бумажек на золото. Только платить по долгам теперь приходилось больше: прежде русские займы заключались номинально из $4^{0}/_{0}$, а в действительности из $4^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$, теперь на словах брали $5^{0}/_{0}$, а в действительности приходилось платить больше 6. Парижские друзья попользовались от беды своего петербургского друга.

Когда, вопреки ожиданиям „общества“, Николай „посмел“, русское правительство подняло перчатку, брошенную ему японцами, „общество“ в первую минуту струсило. Несколько земств выступило с „патриотическими“ адресами к царю. Струве в издававшейся левыми земцами за границей газете „Освобождение“ советовал кричать: „Да здравствует армия!“ Побед японцев на суше никто не ждал: общее мнение было такое, что на море, конечно, „они“ „нас“ потреплют, ну, а на сухом пути где же „им“ с „нами“ справиться? Поэтому, когда японцы стали бить армию Куропаткина, „общество“ испытало новое разочарование, но уже в обратную сторону. Стали надеяться, что поражения заставят правительство Плеве пойти на уступки, и стали готовиться эти уступки принять, а в случае нужды и подтолкнуть к ним колеблющееся правительство. „Союз Освобождения“, основанный левыми земцами еще в 1903 году, но скоро оказавшийся в руках не столько земцев, сколько так называемого „третьего элемента“—земских врачей, статистиков, учителей и т. д., которые были гораздо радикальнее самого либерального из помещиков,—быстро рос и стал даже издавать прокламации по поводу войны. Плеве со скрежетом зубов говорил по этому поводу, что „при земских управах образуются когорты санкюлотов*), которые приобретают доминирующее (господствующее) влияние на ход земских дел, отстраняя от них те элементы, которые призваны к самоуправлению законодателем“.

Два события окончательно переломили настроение в сторону „пораженчества“ и революции: то были, во-первых, убийство Плеве в июле 1904 года, и, во-вторых, ляоянское сражение месяцем позже, в августе.

Плеве был убит боевой организацией социалистов-революционеров (непосредственным исполнителем, бросившим бомбу, был Сазонов, сам при этом сильно раненый), при ближайшем участии известного Азефа. Последний вошел сначала в боевую организацию, как шпион департамента полиции. В глазах заправил этого учреждения он был надежнейшим человеком. Но атмосфера тех дней была такова, что общество революционеров подействовало даже на этого закоренелого

*) „Когорта“—отряд солдат в древнем Риме, в роде нашего батальона; „санкюлоты“ (бесштанники)—презрительное прозвище, которое давали революционерам белогвардейцы во время французской революции.

сыщика. Он стал изменять своему департаменту и участвовать в делах эсэровских боевиков уже не только для виду. Кишиневский погром окончательно сделал его „неблагонадежным". Азеф был еврей. Разговаривая о погроме с другим, известным нам, сыщиком Зубатовым, Азеф „трясся от ярости и с ненавистью говорил о Плеве, которого считал главным виновником" погрома. Великий организатор погромов и сыска попался в свои собственные сети и пал, в сущности, от руки своего агента. Но публика не знала тогда этой закулисной стороны, ее на знали даже люди, по своей „службе" близко стоявшие к Азефу, который и долго после этого продолжал двурушничать, пока его не разоблачили уже революционеры (в 1908 году). Для публики убийство на улице, среди белого дня, всесильного министра внутренних дел, фактического самодержца, было явным доказательством могущества революции. Настроение в буржуазных и интеллигентских кругах снова начало подниматься.

Правительство, наоборот, было выбито из колеи. Плеве приучил Николая к мысли, что он, Плеве, знает секрет борьбы с революцией, что, пока он у власти, нечего ее бояться. И вот, теперь этот волшебник не сумел сам себя спасти. Николай растерялся, и преемника Плеве нашли только через месяц. Выбор этого преемника тоже свидетельствовал о растерянности. Назначен был опять сыщик, бывший шеф жандармов Святополк-Мирский, но сыщик-„либерал", давно советовавший действовать не столько грубой силой, сколько „лаской", стараясь обойти как-нибудь народную массу и не дразнить ее. Назначенный министром, он прежде всего поспешил обласкать запуганное и обозленное его предшественником земство. В своей первой же речи он заговорил об „искренне благожелательном и искренне доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще".

По старой памяти, Святополк-Мирский думал, что нескольких ласковых слов будет достаточно, чтобы земские либералы побежали к нему навстречу. Плеве их гнал, не допуская самых невинных собраний, ссылал земских гласных за одно упоминание о конституции, отстранил от службы одного из самых влиятельных земцев, председателя московской губернской управы Шипова—даже не конституционалиста, а славянофила, мечтавшего о слиянии царя с народом (под которым Шипов

разумел, прежде всего, конечно, помещиков). А теперь говорят *о доверии*. Чего же еще нужно? Но времена переменились, и „доверия“ сразу же оказалось мало.

Между смертью Плеве и назначением Святополк-Мирского произошло ляоянское сражение. Оно окончательно решило и выбор, сделанный Николаем—в сторону „мягкости“. Но от него же окончательно осмелели и либералы. Для „общества“ стало ясно, что с японцами „не справятся“. Правительство, казалось, было в тупике. Ему ничего, как будто, не оставалось, кроме заключения позорного мира. Но позорный мир,—тут вспоминали, конечно, Крымскую войну и Парижский мир 1856 года,—означал, разумеется, уступки внутри страны, уступки „общественному мнению“. Когда к Святополк-Мирскому обратились за резрешением созвать земский с'езд (запрещенный в свое время Плеве), он наивно согласился, воображая, что земцы будут очень рады собраться потолковать о своих делах. Каково было его смущение, когда он узнал, что земцы собираются просить *конституции*,—одно упоминание о которой преследовалось Плеве, как государственное преступление. Первым движением этого мягкого и нерешительного человека было хоть бы отсрочить с'езд до января. Но осмелевшие земцы напирали. Они указывали, что приглашения уже разосланы и откладывать поздно. Святополк-Мирский должен был согласиться на с'езд в начале ноября.

В кругах либералов и „освобожденцев“ было такое ликование, как будто революция уже произошла. Земский с'езд стал казаться чем-то вроде учредительного собрания. На самом деле, с'езд, собранный с разрешения министерства внутренних дел и тщательно охранявшийся полицией от вторжения студентов и рабочих, представлял довольно смешную картину. Уже эти полицейские заботы ясно показывали, что земцы далеко отстали от масс и вовсе на выражают желаний и стремлений большинства населения. Основных вопросов, которые волновали это последнее, земельного и рабочего, с'езд вовсе не коснулся. Он занялся исключительно вопросом о конституции, при чем и по этому вопросу раскололся: крупное меньшинство (38 человек из 98) высказалось только за *совещательный голос* народного представительстна в государственных делах,—т. е. это меньшинство было убеждено, что *самодержавие еще необходимо для ограждения интересов*

помещиков и буржуазии, что ограничивать царскую власть для этих классов вредно. Это была старая земская точка зрения, выразившаяся еще в адресах, подававшихся Николаю по случаю его вступления на престол (в 1895 году). Влияние начинавшейся революции и выразилось в том, что большинству членов земского с'езда этого было уже мало: большинство высказалось за *решающий* голос народных представителей в законодательстве.

Но чтобы ограничить царскую власть, нужно было обладать какой-то настоящей, реальной силой. Этого у пугливо сторонившихся от „толпы" земцев, разумеется, не было. Вся их надежда, в сущности, могла основываться лишь на остатках „ляоянского" настроения в высших сферах. Этих остатков хватало на то, чтобы Николай согласился „потолковать" со своими приближенными о постановлениях с'езда (сообщенных правительству неофициально—как неофициальным, частным делом считался и самый с'езд). Столковались на том, чтобы издать высочайший манифест, где в конце должно было говориться и о народном представительстве, разумеется, по формуле меньшинства, т. е. о представительстве совещательном. Но в последнюю минуту Победоносцев и Витте, спешивший исправить свою испорченную перед войною репутацию, отговорили и от этого. Манифест, вышедший 12 декабря ст. ст. 1904 года, говорил только об административных реформах и о некотором, весьма неопределенно выраженном—расширении прав населения и свободы печати: о народном представительстве не было ни звука. А одновременно с манифестом изданное „правительственное сообщение" формально запрещало поднимать в общественных собраниях вопрос о конституции.

Манифест 12 декабря поставил земцев в крайне глупое положение. Стало совершенно очевидно, что заговорить самодержавие словами не удастся. Между тем, кроме слов, в распоряжении земцев ничего не было. Слова лились водопадами—„Союз Освобождения", в связи с земским с'ездом, развил по всей стране обширную „банкетную кампанию". Придирались к разным случаям, например, к 40-летию судебной реформы Александра II, чтобы устраивать торжественные обеды, на которые собирались тысячи интеллигентов и кое-кто из либерально-настроенных представителей буржуазии. Рабочих старались не пускать, однако, они, при поддержке студенчества,

обыкновенно прорывались и несколько портили настроение обедающих своими, совсем уже не „либеральными“ речами. Но и интеллигенция говорила, разумеется, резче, чем земцы на своих деловых совещаниях. За обеденным столом люди, ведь, всегда менее воздержаны на язык, чем за столом, покрытым зеленым сукном. Но там ли, тут ли, кроме слов, в распоряжении и „либералов“, и „радикалов“ ничего не было. А Николай, как кот Васька, слушал да ел.

Но немногим лучше шло дело и у революционных партий. Они переживали в это время мучительный период первоначальной организации—в своем роде не менее мучительный, чем период первоначального накопления—и были почти парализованы тою массою усилий, которая на эту работу требовалась. Социал-демократическая партия только что, в сущности, организовалась: о настоящей партии можно было говорить только со времени *второго* с'езда, в августе 1903 года. На с'езде впервые был поставлен тов. Лениным вопрос об образовании действительно революционной, боевой рабочей партии, связанной железной дисциплиной и бьющей всеми силами в одну ближайшую цель—низвержение царизма. Почин Ленина встретил поддержку старой группы „Освобождения Труда“, в лице Плеханова, пророчески предсказавшего в своей речи некоторые основные черты будущей Октябрьской революции. Но значительная часть марксистской интеллигенции не только из „экономистов“, но и из „искровцев“, уже тогда понимала „буржуазную революцию“,—а буржуазного характера ближайшего этапа революций не отрицал и Ленин,—так, как впоследствии стал понимать ее и Плеханов: как революцию, по крайней мере, в союзе с буржуазией, если не под ее руководством. Ленину удалось собрать незначительное большинство. Но почти все старые „вожди“, с недавно умершим Мартовым во главе, оказались в меньшинстве, их авторитет был еще громаден, без них не умели обойтись, и скоро, несмотря на поражение на с'езде, они оказались полными хозяевами в Центральном Комитете и в „Совете партии (совещание Центрального комитета и редакции „центрального органа“, „Искры“). Хуже всего было, что и Плеханов перешел на их сторону. Ленин должен был выйти из редакции „Искры“, одним из создателей которой он был, но ленинцы или *большевики*, как они стали называться (по большинству, полученному ими на с'езде), конечно, не сдали

своих позиций—и все русские организации сделались театром ожесточенной борьбы „большевиков“ с *меньшевиками* (мартовцами). Влияние этой борьбы на рабочее движение можно оценить по одному конкретному примеру: в конце ноября 1904 г. большевики решили организовать большую манифестацию в Петербурге. Была поведена агитация в рабочих массах, напечатано несколько тысяч воззваний. Но в последнюю минуту меньшевики взяли в петербургской организации верх, манифестация была отменена, и заготовленные листки сожжены. Часть партийных товарищей, главным образом, из интеллигенции, все же вышла на улицу в назначенный день, но рабочие, до которых, естественно, не дошли сожженные возвания, отсутствовали. Полиция могла на досуге избить собравшихся студентов и курсисток, одержав таким путем, легкую победу над революцией*).

Но немногим удачнее была и московская манифестация, несколько дней спустя: на нее пришло всего *триста* рабочих. И это показывает, что эпизод с сожженными листовками, как он ни характерен сам по себе, не может считаться главной причиной неудачи. Главное было, что „склока“ большевиков с меньшевиками лишала тех и других доверия в глазах рабочей массы. Сущность и важность спора даже в партийных рядах тогда отчетливо понимали немногие: со всею очевидностью она выяснилась только после декабря 1905 года. Беспартийные же рабочие просто недоумевали, о чем спорят между собою товарищи-интеллигенты, и в отчаянии от отсутствия единого партийного руководства готовы были пойти за кем попало.

А человек, готовый вести—или провести—рабочих, уже был налицо. Это был петербургский наследник Зубатова, Гапон.

Мы уже говорили, что московскую неудачу Зубатова его начальство склонно было рассматривать, как признак личной его, Зубатова, неумелости или недобросовестности, а отнюдь не как доказательство несостоятельности самой идеи зубатовщины. Идея, наоборот, продолжала быть популярной, искали только наиболее подходящего исполнителя. В 1903 г. петербургской охранке показалось, что такого исполнителя она нашла в лице молодого, только что кончившего тогда духовную

*) Напоминаю, что я касаюсь истории партии лишь мимоходом, в связи с общей историей революционного движения.

академию священника Георгия Гапона. Человек живой, с демагогическими наклонностями, которые его впоследствии и погубили, Гапон оказался прикосновенным к какому-то политическому делу и таким путем попал в лапы Зубатова и его помощников. Его „выручили“ и дали ему понять, что на службе полиции он гораздо легче найдет удовлетворение своим инстинктам и склонностям, чем на службе революции. Гапон впоследствии уверял, будто он с самого начала надувал полицию, но это было уже долго спустя после того, как история возвела его в звание революционера, независимо от того, хотел он этого или не хотел. Поэтому доверять особенно его словам не приходится. Во всяком случае доверием полиции он пользовался очень долго. Несмотря на противодействие заведывавшего тогда фабриками и заводами министерства финансов, Плеве не только разрешил Гапону открыть в Петербурге подобное московскому „Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве“, с уставом еще более „либеральным“, но пошел и на открытие общества с еще более широкими задачами, под названием „Собрания русских фабрично-заводских рабочих“. Это „собрание“, получившее, между прочим, право „учреждать разного рода просветительные предприятия, как-то: библиотеки и читальни, народные чтения, беседы и лекции по общеобразовательным предметам, образовывать различные благотворительные и коммерческие предприятия“ и т. д., было форменным „желтым“ рабочим союзом. Чтобы правительство пошло на такой рискованный опыт, нужно было, чтобы оно очень верило в способность „своих“ людей бороться с легко могшей, казалось бы, проникнуть в такую организацию революционной пропагандой. Несомненно, что тут был даже не один Гапон, а целая шайка провокаторов, которые потом тоже, конечно, не прочь были изобразить себя ловкими революционерами, умевшими дурачить власть. На самом деле эту последнюю одурачил стихийный рост пролетарской революции в России.

Устав „Собрания русских рабочих“ был утвержден в феврале 1904 года, а колоссальный рост его приходится на осень этого года, когда один за другим стали открываться его „отделы“ в различных районах Петербурга. Чем привлекало оно в свою среду рабочих? Во-первых, чисто внешними приманками. Жизнь рабочего, даже в Питере, была необычайно сера и убога. Для самого рабочего развлечением были трактир и портерная,

семья же его лишена была какого бы то ни было развлечения. Когда „Собрание“ начало устраивать для своих членов общедоступные концерты, это было настоящим откровением. Концертные залы бывали переполнены до того, что полиция иногда совершенно серьезно начинала тревожиться: не провалилось бы? „Вот как у нас, совсем как у аристократов!“—с гордостью толковали между собою жены рабочих, расходясь по домам после концерта. Жалкие крохи, падавшие со стола буржуазии, казались неслыханным лакомством для этих несчастных людей.

Но понемногу гапоновская организация приобретала в глазах рабочих и более серьезное значение. Не *сознавая* пагубного влияния войны, рабочие не могли его не *чувствовать*. Цены на все необходимое быстро росли: за один 1904 год они поднялись процентов на 20, на отдельные продукты даже на 30—40. Заработная же плата в среднем выросла всего на 3%, а всякие сверхурочные заработки петербургских металлистов сразу сократились, как только ушла в море, в октябре 1904 года, вторая тихоокеанская эскадра. „Общество“ и „Собрание“ из средства общаться и сообща развлекаться быстро стали превращаться в нечто, неизмеримо более серьезное — в орудие защиты рабочих интересов от натиска капитала. В Питере повторялась московская история.

Но на этот раз дело было с самого начала серьезнее. Московская агитация зубатовцев падала на совершенно незатронутые революционной агитацией слои рабочих. Классовое сознание в них пробуждалось, когда они уже стали зубатовцами. Вокруг Гапона стали группироваться *бывшие члены революционных организаций*. Это были, конечно, не наиболее сознательные партийные рабочие, большею частью из крайнего правого крыла, мечтавшие о легальном рабочем движении, на манер старых „экономистов“, но еще более аляповато. Но были тут и бывшие большевики, не сумевшие разобраться в склоке и наивно думавшие, что демагог Гапон „шире социал-демократов“. Как-никак, это были люди, затронутые политикой, которых Гапон должен был подкупать политическими обещаниями. Уже в марте 1904 г. он читал своему „штабу“ проект петиции, которую рабочие должны были представить царю. С самого начала дело было сложнее московского. Сложнее была и вся обстановка.

За два года, которые прошли с московской истории, революция страшно ушла вперед. Тогда достаточно было предпринимателям обратиться к начальству, и Зубатов слетел, а связанное с его именем движение сразу сникло. Предприниматели зашевелились и теперь. В средине ноября было собрание петербургских фабрикантов и заводчиков, которые толковали о том, что необходимо „положить конец", „принять меры" и т. п. Но на этот раз мер никаких не последовало: правительство не чувствовало в себе силы бороться сразу на трех внутренних фронтах,—и с рабочими, и с революционерами, и с либералами. И, считая правильно самым опасным врагом революционеров, оно делало поблажки либералам и терпело рабочие организации—лишь бы все его враги не соединились. Причем соединения рабочих с либералами оно не боялось—опять-таки правильно. Оно только не сообразило, что либеральная болтовня может быть использована революционерами для наиболее безобидной и невинной с виду пропаганды среди рабочих. А между тем, так и случилось: на рабочих собраниях, в том числе и гапоновских, не таких, конечно, широких, как концертные, читались статьи освобожденческих газет, резко критиковавших самодержавие. Это не была еще революционная агитация, но для серых рабочих, не затронутых социал-демократической пропагандой, статьи открывали совершенно новую сторону дела. Эти серые рабочие начинали видеть, что мир притеснителей и угнетателей не кончается хозяином, его приказчиком и городовым, что на стороне угнетения вся власть—кроме, может быть, царя. Николая даже лево-либеральные газеты трогать в те дни еще не решались, и у рабочих как раз ни этот счет могли сохраняться иллюзии.

Так создалась благоприятная почва для осуществления мысли, давно бродившей в голове Гапона: повести рабочих прямо к царю, не затрудняя себя разговорами не только с городовыми и приставами, но и с градоначальником, и с министром. Имел ли при этом Гапон в виду *революционную* манифестацию? Одно маленькое обстоятельство совершенно устраняет подобное предположение: первоначально Гапон имел в виду устроить свою манифестацию *19 февраля*. Но мы знаем, что происходило в Москве 19 февраля 1902 года. День, когда рабочие должны были вспомнить „благодеяние" одного из „Романовых", был малоудобным днем для начала революции.

Если социал-демократы, действительно, имели в виду принять участие и в такой манифестации, как говорили и писали в зарубежной печати в те дни, они или забывали московскую историю, или надеялись повернуть дело по своему, несмотря на Гапона. Но что последний в это время еще не был революционером, едва ли можно сомневаться. Что толкнуло его влево дальше, чем он когда-либо сам воображал? В основе, без сомнения, то, что рабочее движение, само подталкиваемое начинавшеюся безработицею и давно уже чувствовавшейся нуждою, становилось все левее; а ближайшим образом, вероятно, и трусость, только что обнаруженная правительством Николая перед земцами. Плеве не хотел с ними и разговаривать, не допускал даже их разговоров между собою. А теперь не только терпели нелегальный земский с'езд, но и считались с его постановлениями, созывали по их поводу совещания, терпели газеты, говорившие таким дерзким языком, каким раньше либерал не посмел бы и думать. С земцами разговаривают, а почему с нами не будут? Такие мысли должны были придти в бойкую, живую и — не забудем этого — весьма наклонную к демагогии голову Гапона.

Этот поворот в настроении Гапона и отметился изменением *дня* манифестации: с декабря, примерно, когда его „Собрание" стало особенно бурно расти (к этому времени в нем было не менее 7—8.000 членов, цифра огромная для времени, когда члены с.-д. организаций считались сотнями), он сроком для нее начинает ставить не 19-е февраля, а *падение Порт-Артура*. Вместо дня торжества самодержавия выбирается день его унижения. Из выражения верноподданнических чуств демонстрация превращается в суровое напоминание верными подданными царю о его обязанностях.

Как всегда бывает в настоящей истории, а не в романе, устроить все так, как хотелось бы Гапону, не удалось. К тому времени, когда пал Артур и наступил выбранный Гапоном для манифестации момент, движение шло такими бурными волнами, что оставалось только плыть по течению. Повод к началу движения был совсем такой же, как и в мирное время, при прежних столкновениях зубатовских организаций с хозяевами и администрацией. Заводское начальство, уже с ноября готовившееся перейти в наступление, в конце декабря решилось нанести удар. На Путиловском заводе были уволены,

вследствие столкновения с мастером, трое рабочих, членов „Собрания". Несмотря на все хлопоты Гапона и перед мастером, и перед директором завода, заводская администрация, решившаяся „дать урок" „зазнавшимся" рабочим, стояла на своем. Рабочая масса начала глухо волноваться. Гапону ничего не оставалось, как или примириться со своим поражением и опозорить себя в глазах всего „Собрания", или идти напролом.

Если бы он не пошел, движение просто отодвинуло бы его в сторону и нашло бы себе других вождей. Путиловский случай переполнил чашу терпения питерского пролетариата. Путиловцы забастовали, за ними начали останавливаться, одно за другим, другие крупные металлургические предприятия Петербурга. Центрами движения стали отделы гапоновского „Собрания", опять-таки, почти поневоле: других центров у рабочих не было. Вот как описывает одно из рабочих собраний очевидец, очень правый социал-демократ, в те дни не революционно настроенный, свободный, поэтому, от подозрений, что он окрашивал события слишком красным цветом: „В собрании царил все время какой-то мистический, религиозный экстаз; в страшной тесноте и жаре часами стояли друг возле друга тысячи народу и жадно ловили безыскусственные, поразительно сильные, простые и страстные речи измученных своих ораторов-рабочих. Содержание речей все время было бедное, на все лады повторялись фразы: „мы не можем уж больше терпеть", „нашему терпению уже пришел конец", „страдания наши превзошли уже всякую меру", „лучше смерть, чем подобная жизнь", „нельзя драть с человека три шкуры" и т. д. Но все они произносились с такой удивительной, трогательной искренностью, настолько выходили из самых глубин измученной человеческой души, что та же фраза, произнесенная в сотый раз, вызывала слезы на глаза, заставляла глубоко ее чувствовать и вливала твердую уверенность, что действительно нужно на что-нибудь решиться, чтобы дать выход этому переливавшему через край рабочему горю..."

В конце концов, в этом неудержимо рвавшемся к лучшей жизни пролетарском настроении от Гапона с его прежними проповедями осталось одно: вера, что счастья можно добиться непосредственно от Николая II. Что этот последний, если бы даже и хотел, не мог бы дать таких вещей, как 8-часовой рабочий день и „нормальная заработная плата", о которых

говорила петиция,—не понимали не только рабочие, не понимал и сам их вождь. Гапон был искренне убежден, что 8-часовой день — это наименьшее, чего могут ожидать рабочие в случае успеха своей манифестации. „Его программа-минимум" состояла из трех пунктов: всеобщей амнистии „политическим", созыва „всенародного земского собора", который бы составил конституцию, и вот этого самого 8-часового дня. И ему в голову не приходило, что этот 8-часовой день,—который он упоминал между прочим, как нечто мелкое и само собою разумеющееся, — не могла бы вырвать даже полупобедоносная революция, как это показал ноябрь 1905 года.

Эту свою „программу-минимум" Гапон излагал в частных разговорах, в „петиции" было написано гораздо больше — тут были и „меры против невежества и бесправия русского народа", и „меры против нищеты народа", и „меры против гнета капитала над трудом", и требование учредительного собрания, выбранного всеобщей, тайной и равной подачей голосов.

Откуда взялась эта петиция? Мы очень ошиблись бы, если бы сочли ее произведением коллективного рабочего творчества, а тем более произведением лично самого Гапона. Последний, по общим отзывам, был человек настолько политически невежественный, что он просто не сумел бы сколько-нибудь стройно и последовательно изложить какую бы то ни было политическую программу. Рабочие же, даже стоявшие во главе движения, „штабные", впервые услыхали изложение основных мыслей петиции от Гапона, по их собственному признанию. Откуда же пришли эти мысли?

Тут приходится припомнить имевшиеся, несомненно, у Гапона связи не только с петербургской охранкой, но и с освободженческой интеллигенцией. Один из „штабных" рабочих рассказывает в своих воспоминаниях, что в начале ноября 1904 года у Гапона и его „штаба" было свидание с „интеллигентами", причем по именам называются Прокопович, Кускова и Богучарский. Это был „центр" тогдашнего „Союза Освобождения". „Интеллигенты", будто бы, были поражены необыкновенной политической мудростью Гапона и во всем присоединились к „его" проекту петиции. Это было, разумеется, ловко разыгранной комедией, с целью подсунуть рабочим любимые мысли именно этих самых интеллигентов

Приглядевшись к петиции, мы видим, что она отчетливо носила внеклассовый — или всеклассовый — характер, вполне в этом точно отражая проповедь Струве и „освобожденцев". „Повели,—говорила петиция, обращаясь к Николаю,—немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской, *от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и доктор, и учитель*". Рабочие едва ли так заботились о том, чтобы и капиталисты были представлены в учредительном собрании (притом собрании чисто кадетского типа, созванном не революционным правительством по низвержении царя, а созванном царем).

Был понятен и интересовал массы 8-часовой рабочий день, но казался рабочим такою же само собою разумеющейся вещью, как и Гапону. И они заранее высчитывали, сколько должны им „вернуть" хозяева за „лишние", отработанные ими в прежнее время часы. Глубоко-революционного значения этого лозунга никто не понимал, кроме немногих партийных рабочих, пошедших с массой не во имя Гапона и его „петиции", а во имя пролетарской солидарности. Политическое содержание петиции, несомненно, отражало настроение не рабочих, а интеллигенции, и для нее, мы сейчас увидим, 9-е января явилось переломом именно этою своей стороной.

У рабочих переломилось в этот день другое. Нет никакого сомнения, что 99 из сотни твердо верили, что царь может им помочь, больше того, что это *единственная и последняя надежда*. Не может быть сомнения в этом потому, что *сам Гапон в это верил больше, чем наполовину*. Обсуждая возможные последствия начинавшегося выступления, он рисовал себе дело так: или царь меня примет и удовлетворит мою просьбу (т. е. именно его „программу-минимум"), тогда я выйду на площадь с белым платком, махну им и начнется народный праздник, а откажет царь, я махну красным платком, и начнется бунт. Но второе, по словам передающего это его собеседника, казалось Гапону гораздо менее вероятным, чем первое. Впрочем, передавали и другое. По этим другим рассказам, речи Гапона были гораздо решительнее. „Устроим баррикады,—говорил бодто бы он,—разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телефон и телеграф—словом, устроим революцию. Эсэры обещали бомбы, *демократы—деньги*, и наша возьмет".

„Освобожденцы", таким образом, снабжали Гапона не только „внеклассовыми" идеями—они обещали снабдить и кое-чем посущественнее. Но все эти мелкие расчеты тонули в колоссальном потоке стихийного движения. Поток нес Гапона неудержимо. У движения 9 января, строго говоря, не было ни вождя, ни вождей, потому что революционные организации тоже не вели, а неслись по течению вместе со всеми. Именно потому и приходится 9-е (а по новому стилю 22-е) января 1905 г. считать началом русской революции, что действующее лицо тут было одно: сама народная масса.

Эта масса, сама того не сознавая, шла не только против *старого* порядка, она шла против *буржуазного* порядка вообще. Не только самодержавие, но и буржуазное общество не могло ей дать того, о чем она просила. На Дворцовую площадь шла не только революция 1905 года, шла Октябрьская революция 1917 г., но революция, еще не сознавшая самое себя, не понимавшая даже, что она есть революция.

И только ужасом перед этою надвигающейся революцией, только контр-революционной паникой можно об'яснить тот бессмысленный жест, каким ответила на обращение рабочих к царю царская администрация *). Ей было бы выгоднее всего,

*) Что расстрел рабочих не был „роковым недоразумением", что тут была сознательно подстроенная ловушка и западня, провокация в самом подлинном и самом подлом смысле слова, это не может подлежать сомнению. Вот что рассказывал тогда же один английский корреспондент и бывший русский профессор, в то же время человек свой в придворных кругах и вполне освоившийся в России, доктор Диллон:

„Я спросил одного придворного, почему сегодня без соблюдения формальностей убивают безоружных рабочих и студентов. Он отвечал: „Потому, что гражданские законы отменены, и действуют законы военные. Вас удивляет, что этого никто не знает, и удивление ваше естественно, но в России мы не можем смотреть на вещи, как смотрите на них вы в Англии. Прошлой ночью его величество решил отстранить гражданскую власть и вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории французской революции и не допустит никаких безумных послаблений. Он не впадает в те ошибки, в которых были повинны многие приближенные Ледовика XVI; он не обнаружит слабости. Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционних затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей; но до сих пор его не слушали. Сегодня его высочество обладает высшей властью и может испробовать свой способ in anima vili, сколько душе угодно... Великому князю Владимиру представляется необыкновенный случай обнаружить свои способности государственного человека и наполеоновские качества, и он ничуть не опасается за результат. Что бы ни случилось, он будет укрощать мятежный

Еще до рассвета рокового дня стали собираться рабочие около отделов. Считали, что собралось до 200.000 человек, но самим участникам и этого было недостаточно; „мало народу, мало", толковали в толпе. Последний раз слышались речи, пытавшиеся в словах выразить невыразимое рабочее горе. Вот одна из них записанная очевидцем, со всей путаницей мыслей, старых и новых, просившихся наружу и не находивших себе выхода: чтобы рабочие как можно позже догадались о революционном значении своего выступления. Ей было бы выгоднее всего, чтобы рабочие как можно дольше верили, что царь все может дать, даже и 8-часовой день, а если не дает, то по его неизреченной мудрости, в интересах самих рабочих. Наоборот, ничего не могло быть для нее невыгоднее, чем внушить рабочим убеждение, что требовать управы на хозяев значит бунтовать против царя. Но ее паника была так велика, она настолько потеряла голову, что эти простые и ясные вещи оказались совершенно вне ее сознания,—и несколькими залпами она в немного минут раз'яснила рабочим то, что тщетно уже не мало лет старались растолковать массе революционные партии: что путь к свободе рабочего класса лежит через труп самодержавия.

дух толпы, даже если бы ему пришлось для этого послать против населения все войска, которыми он располагает".

Русский автор, у которого мы берем этот текст, прибавляет:

„Что действительно правительство заранее намерено было допустить шествие и расправиться с рабочими, об этом свидетельствует ряд фактов: правительство знало о предполагавшемся шествии из докладов охранки, из письма самого Гапона об этом знали градоначальник Фулон, товарищ министра внутренних дел, сам министр Святополк-Мирский, Витте, Муравьев, словом—знали все за несколько дней до побоища; правительство не приняло никаких мер заранее, даже не вывесило вразумительного об'явления с предупреждением о недопустимости шествия; правительство не прибегло, наконец, к своему излюбленному предупредительному средству—арестам, тем более, что охранке все организаторы движения были хорошо известны. Наоборот, для организации расстрела безоружной толпы 9-го января Петербург был разделен на части, в каждой был свой штаб. Обстановка штаба была на военную ногу. Поставлены были походные кровати. Офицеры и ад'ютанты сидели в шинелях по походному, пили и курили. Время-от-времени являлись с донесением, требуя „диспозиции" на завтрашний день и донося, где какие части действуют. Что касается права стрелять, то оно было дано отдельным офицерам на их усмотрение, об этом говорил им кн. Васильчиков—командир гвардейского корпуса. Толпу не разрешалось пропускать 9-го ближе 50 шагов, а 10-го 300 шагов". *(В. И. Невский* „9 января". *Красная Летопись,* 1).

„Товарищи, вы знаете, за чем мы идем. Мы идем к царю за правдой. Невмоготу нам стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился к народу, чтобы спасти Русь. Но от кого? От поляков! Теперь мы должны спасти Русь от чиновников, под гнетом которых мы страдаем. Из нас выжимают пот и кровь. Вам ли описывать нашу жизнь рабочую? Мы живем в одной комнате по 10 семей, также и холостые. Так ли я говорю?“.—„Верно, верно“, раздалось со всех сторон. „И вот, товарищи, мы идем к царю. Если он наш царь, если он любит народ свой, он должен нас выслушать“...

А в это время все приготовления к расстрелу были уже сделаны. Войска были на местах,—не надеясь на местные, питерские, подвезли пехоту из Пскова. В интеллигентских кругах об этом знали и в ужасе метались от Святополк-Мирского (все еще номинально министра, хотя после 12 декабря он не имел уже никакого значения) к Витте (тоже еще отставному и еще не вернувшему себе прежнего влияния). Ни тот, ни другой не хотели, да и не могли помочь. Все было теперь в руках военных властей, а те, со своей стороны, во что бы то ни стало, хотели „дать урок“. Интеллигентская депутация,—к которой принадлежал, между прочим, и М. Горький,—достигла только того, что на другой день ее арестовали... как „временное революционное правительство“.

Первый кордон войск и первые выстрелы рабочие встретили уже у городских застав. В одной из свалок Гапон был сбит с ног и, вытащенный из толпы своими поклонниками, более уже не появлялся в этот день на сцене *). Но большей части манифестации удалось-таки добраться до Дворцовой площади (теперешняя площадь Урицкого). Зимний дворец, пустой, был окружен густыми массами войск, даже с артиллерией, точно ему угрожала осада. Толпе дали собраться, как будто нарочно ее заманивали. Все уже начали успокаиваться, считая, что выстрелы на заставах были недоразумением, плодом глупости отдельных начальников. Как вдруг, на площади заиграл рожок,—и пошла „пальба пачками“. Сотнями валились убитые и раненые,—в человеческую гущу можно было бить почти без промаха.

*) Несколько дней он скрывался в Петербурге, потом ему удалось бежать за границу. Вернулся он уже после октябрьской забастовки, вновь поступив на службу к правительству, был изобличен своими бывшими товарищами и казнен ими, как провокатор.

После первых минут ужаса разбежавшиеся рабочие пришли в ярость, вымещая на отдельных, попадавшихся им под руку, военных и городовых злодейство всей военно-полицейской своры. Это вызывало новую пальбу—и новые взрывы ярости толпы. До сколько-нибудь организованных революционных действий почти не доходило, только на Васильевском острове разбили оружейный магазин и начали было строить баррикады. Но социал-демократы, на которых накануне никто не обращал внимания, начали играть роль: „их слушали теперь", записал очевидец.

Через несколько дней в Петербурге все было спокойно, настолько спокойно, что назначенный генерал-губернатором Трепов, бывший начальник и покровитель Зубатова, нашел даже возможным „поправить дело", сформировав свою собственную депутацию „от рабочих" к царю. Эта „разрешенная полицией" депутация и была принята Николаем в Царском Селе. Когда „депутаты" вернулись, им нельзя было показаться на заводы от глумлений и ругательств товарищей. Но если в Петербурге было на улицах спокойно (забастовка не прекращалась почти ни на один день), то по всему широкому пространству России 9-е января вызвало такое движение, которого никогда еще не было видно раньше. Два месяца перекатывалась забастовка из края в край, захватив 122 города и местечка и втянув в себя до миллиона рабочих. Россия в январе 1905 года и Россия в марте того же года, это были две разных страны. Насколько первая была верноподданной, настолько вторая была явно, хотя еще и неорганизованно, революционной.

Непосредственно у гапоновских рабочих эта революционность в первую минуту выразилась в очень наивной форме: придя к социал-демократам, на которых они вчера еще смотрели свысока, гапоновцы стали им предлагать идти в следующее же воскресенье, уже не с хоругвями, иконами и царскими портретами, а с бомбами и револьверами, мстить за 9-е января. Социал-демократам не нужно было быть меньшевиками (а это были меньшевики), чтобы отклонить такое предложение, которое на практике ничего не сулило, кроме новой бойни. Гапоновцы ушли, очень разочарованные, ушли, может быть, на добрую долю к социалистам-революционерам или анархистам, которые, по их мнению, „лучше понимали революцию", чем

марксисты. Но масса, шедшая раньше за гапоновцами, теперь, почти инстинктивно, повернула именно к марксистам. Начальство, смущенное все же тем, что произошло, смущенное прежде всего тем, что рабочие не струсили расстрела, как оно ожидало, а еще больше ожесточились, что стачки не утихли моментально, а разлились из Петербурга по всей России, начало неуклюже и косолапо поправлять накликанную им на себя беду. Для изучения причин недовольства рабочих была создана особая комиссия под председательством сенатора Шидловского. Впервые в русской истории в эту комиссию были допущены и представители от самих рабочих. Около выборов этих представителей в Петербурге разыгралась целая кампания, оказавшаяся в полной мере в руках социал-демократов. Во время выборов самые отсталые петербургские заводы услыхали социал-демократическую пропаганду, и в результате ни один рабочий заседать вместе с Шидловским не пошел. Общее увлечение было таково, что даже закоренелые зубатовцы не решились отколоться от массы и подписались под политическими требованиями, составленными социал-демократами, и не заключавшими в себе уже и тени той наивной верноподданности, которой еще была проникнута „петиция“ Гапона. Об этих требованиях, сводившихся, в основе, к одному: „немедленной передаче государственной власти в руки народа“, Шидловский не посмел, конечно, и разговаривать (его на другой же день прогнали бы за это со службы), и рабочие, как один человек, отказались тогда участвовать в устроенной правительством комедии.

Но рабочее движение развертывалось в пролетарскую революцию все же довольно медленно. До окончательного торжества революционных лозунгов—в октябрьской забастовке—прошло три четверти года. Гораздо быстрее, хотя зато и поверхностнее, был отклик на начинавшуюся революцию в среде интеллигенции и, отчасти, буржуазии.

9 января правительство думало показать свою „мощь“. Как это ни странно, хотя „мощь“ была наглядно, казалось бы, обнаружена сотнями убитых и тысячами раненых, у всех (не исключая, мы видели, и самого правительства) впечатление было, что правительство осрамилось. Еще вооруженная сила была вполне в его руках, городовые стояли на своих местах, тюрьмы переполнены; но уже никто не верил, что все это—настоящее, что за всем этим есть настоящая сила. Чтобы

понять это, напомним, какое впечатление произвели на „общество“ в свое время демонстрации 1901 г. Появление толпы на улицах всегда и везде ободряет „комнатных“ революционеров; а в январе 1905 года по улицам пошли такие толпы, о каких в 1901 г. и мечтать не приходилось. И русская интеллигенция, еще в декабре 1904 года пугливо ежившаяся от окриков начальства по адресу земцев, сразу осмелела, увидав настоящее, подлинное массовое движение рабочих.

М. Н. Покровский.

„Русская история в самом сжатом виде“. Ч. III.

НАЧАЛО СОБЫТИЙ 9 ЯНВАРЯ.

Поводом к выступлению послужило незначительное событие, какие происходили тогда в Петербурге сотнями: увольнение четырех рабочих Путиловского завода. Рабочие эти были— Сергунин, Субботин, Уколов и Федоров. Все они состояли членами „Собрания русских фабрично-заводских рабочих“. Г. Гапон в своих „Записках“ рассказывает об этом так: „В декабре 1904 года на Путиловском заводе, без видимой причины, были уволены 4 человека. Два из них очень давно служили на заводе, а два других уже семь лет. Несомненно, увольнение было вызвано тем, что они принадлежали к нашему Союзу, т. к., рассчитывая их, им сказали: „несомненно, ваш Союз поддержит вас“. В течение двух недель я лично не вмешивался в это дело, ожидая, что рассчитанные рабочие будут снова приняты после всего, что было сделано, чтобы повлиять на фабричную администрацию. Когда же все усилия оказались тщетными, я счел своим долгом перед Союзом стать на защиту исключенных и довести дело до конца, каков бы он ни был... Если мы оставим уволенных на произвол судьбы, доверие к нашему союзу неизбежно и навсегда поколеблется, не говоря уже о том, что это поощрило бы произвол. Если же нам удастся отстоять их, престиж нашего Союза неимоверно бы поднялся в глазах рабочих“.

Уволил этих рабочих мастер вагонной мастерской Тетявкин. Гапон рассказывает в своих записках, что он после этого направил депутацию к директору завода Смирнову с просьбой об обратном приеме уволенных рабочих. Когда депутация не добилась удовлетворительного результата, то Гапон созвал 12 делегатов отделений Союза и „представителей революционной партии“.

Здесь решено было отправить три депутации, каждая из семи или девяти человек,—одну к Смирнову, другую к фабричному инспектору и третью к градоначальнику Фулону.

Собрание это Гапон относит к 19 декабря 1904 года; на следующий день, по словам Гапона, депутации рабочих ходили и к Смирнову, и к фабричному инспектору и от обоих получили отрицательный ответ. К Фулону ходил с рабочими сам Гапон, и, по его словам, Фулон обещал „сделать все от него зависящее, чтобы удовлетворить нашу просьбу".

Это было 20 декабря, а 21 Гапон снова пошел к фабричному инспектору и к Фулону, но и эти свидания остались безрезультатными; еще накануне решено было в случае неудачи начать забастовку.

„Я рассчитывал, говорит Гапон, что стачка на Путиловском заводе немедленно побудит администрацию к уступке в виду того, что в данный момент завод оканчивал чрезвычайно серьезный заказ для правительства. В тот же вечер мы решили сделать забастовку".

По инициативе рабочих вагонной мастерской Путиловского завода, и главным образом, Александра Ребрантова, состоялось экстренное собрание Союза 27 декабря, где было до 350 членов, и здесь снова было решено отправить депутации к градоначальнику Смирнову и к фабричному инспектору, а на 2 января решено собраться вновь для обсуждения результатов ходатайств".

Так об этом собрании рассказывается в официальном полицейском документе, но, сопоставляя показания всех участников движения, необходимо заключить, что охранный документ путает дату и говорит о собрании, происходившем не 27, а 28 декабря на Васильевском острове, которое произошло по инициативе центра Союза. На этом собрании были представители от всех 11 отделов, по 20 от каждого, а также, как уверяет корреспондент „Революционной России", и представители с.-д. и с.-р.

Вот на этом-то собрании, где, действительно, присутствовало более 300 человек, и решено было отправить делегатов к директору завода Смирнову, к фабричному инспектору и к градоначальнику.

По словам указанной нами корреспонденции, собрание вынесло следующую резолюцию: „1) Заявить через градоначальника

высшему правительству, что отношение труда и капитала в России ненормально. Это проявляется, между прочим, и в отношениях мастеров к рабочим. 2) Потребовать от администрации Путиловского завода, чтоб мастер Тетявкин немедленно был удален с завода. 3) Уволенные за принадлежность к „Обществу“ рабочие должны быть немедленно приняты обратно. 4) Через особую депутацию довести до сведения градоначальника и фабричного инспектора о случившемся и просить, чтоб впредь подобные факты не повторялись. 5) Если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то собрание фабр.-зав. рабочих не ручается за спокойное течение жизни города“.

29 декабря депутация отправилась к директору Смирнову, а 30 декабря появилось об'явление директора.

В этом об'явлении, между прочим, говорилось, „что ни один из указанных рабочих не заявлял ему жалоб на неправильное его увольнение, кроме того, выяснилось, что из 4-х рабочих уволен только один за неумелую работу, да и тот окончательно уволен был уже после перевода его на испытание к другому мастеру, показавшее малую его способность к работе по сравнению с другими мастеровыми, из остальных 3 рабочих, указанных депутацией, одному в декабре даже не было об'явлено об увольнении, второму, хотя и был заявлен расчет за прогулы, но после его письменного обещания не делать больше прогулов, расчет отменен, а третий, явившись за больничной запиской после невыхода на работу, сам прекратил посещение завода—чем и подвергает себя увольнению.

„Мною было указано депутации, что я считаю ее заявление малоуместным и что разборы претензий рабочих должны прежде всего производиться на самом заводе, по заявлению самих рабочих, а не по заявлению учреждения, постороннего заводу, которое легко может впасть в ошибку, и, кроме того, вопреки утвержденному уставу, обнаруживает вмешательство во внутренние дела завода, что мною и усматривается по тому тону, с которым говорила со мной депутация.

„После этого депутация решилась прибегнуть даже к угрозам, выразив, что такое мое отношение к делу может кончиться для завода очень плохо.

„Убедившись окончательно, что депутация от имени „Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петер-

бурга" проявила явное стремление нарушить утвержденный правительством устав для этого общества, я считаю своим долгом поставить об этом в известность всех тех рабочих завода, которые состоят в вышеупомянутом обществе, которому я до сего времени оказывал содействие.

„Вместе с сим о таком нарушении устава „Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга" мною доведено до сведения Г. С.-Петербургского Градоначальника". 30 декабря 1904 года.

Директор завода Смирнов принял депутатов очень грубо, ответил отказом на их требования, подчеркивая незаконность вмешательства „Собрания" в дела завода; фабричный инспектор „расследовал" жалобу рабочих, причем, по его мнению, оказались виновными рабочие, а градоначальник Фулон, бывший крестным отцом Союза, указал, что последний пункт требований есть уже настоящая революция, на что Гапон возразил ему напоминанием, что он обещал помогать рабочим. Фулон смутился и пообещал принять все зависящие от него меры для улаживания конфликта.

Эти переговоры происходили в течение 29 и 30 декабря, а в тот же день 30 числа все рабочие Путиловского завода прочли вышеприведенное об'явление Смирнова. Ясно было, что дело шло к забастовке.

Первого января, по словам Гапона, состоялось совещание, очевидно, представителей отделов, на котором и решено было начать забастовку.

Второго января было созвано экстренное совещание „Союза" (Нарвского отдела), на которое собралось свыше 600 человек.

Но на этом собрании были уже не только рабочие Путиловского завода (гл. обр., вагонной и лесообделочной мастерской), но и рабочие Семяниковского завода, резиновой мануфактуры и некоторых других фабрик и заводов.

Председателем собрания был рабочий пароходно-механической мастерской Путиловского завода Владимир Иноземцев.

Он сделал разбор по пунктам об'явления директора завода. При этом Иноземцев указал, что рабочие: Сергунин, уволенный „за неумелую работу", работает на заводе 15 лет, и одно время, когда на заводе работа шла в две смены, назначался за мастера, Субботин, уволенный „за прогул", пропустил только один день и то по болезни, для лечения коей

обращался даже к заводскому доктору, который прописал ему лекарство; когда же Субботин пришел на другой день к доктору за запиской, то доктор, кем-то, очевидно, предупрежденный, записки не дал, а сказал: „Ты вот грубишь мастеру, а потом являешься за записками". С рабочего Уколова совершенно незаконно и насильно взяли подписку, что у него не будет более прогулов, тогда как такой подписки никто дать не может, так как прогулы бывают иногда по независящим от рабочего обстоятельствам.

После этого Иноземцев предложил на открытое голосование: „желают ли рабочие поддержать своих товарищей", на что все ответили: „желаем поддержать", и собравшиеся перешли к обсуждению вопроса о форме поддержки. По предложению одного невыясненного рабочего лесообделочной мастерской, решено было завтра, 3 января, с утра, не приступая к работам, но отнюдь без крика и шума и, тем более, какого-либо насилия, собраться к заводской конторе и, вызвав директора завода, потребовать увольнения мастера Тетявкина и обратного приема уволенных рабочих.

3 января, действительно, на Путиловском заводе работы прекратились, сначала в столярной, лесообделочной и механической мастерской, а затем к 8 часам стал весь завод.

После этого рабочие потребовали к себе директора и, когда он явился к заводской конторе, они пред'явили ему свои требования об увольнении мастера Тетявкина и об обратном приеме 4-х уволенных рабочих. Директор ответил отказом. Забастовка началась.

В это же время шли беспрерывно собрания в „Отделе".

В час дня, 3 января, в Отдел явился Гапон и огласил проект требований путиловских рабочих. Проект был одобрен и после этого читался все новым и новым толпам рабочих, которые беспрерывно вливались в помещение Отдела.

Как видно из этих требований, главным пунктом было требование об учреждении постоянной комиссии из выборных от рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих.

Вот эти требования:

„Рабочие Путиловского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам откровенно и не

прибегая к уловкам, обещаниям, которые потом не выполняются, и к содействию полиции.

Для выяснения исхода забастовки должно состояться совещание между выборной самими рабочими депутацией и представителями акционерного общества Путиловского завода.

При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода.

Членам депутации должны быть обеспечены личная неприкосновенность и безопасность; их отнюдь нельзя увольнять от работ. Общее решение должно считаться обязательным и быть вывешенным по всем мастерским завода за подписью администрации и старшего фабричного инспектора.

Никто не должен потерпеть от забастовки. Время, когда работы не производились вследствие забастовки, не должно считаться прогульным, и администрация обязуется уплатить за него по средней расценке рабочей платы одного рабочего дня.

Расценка новых изделий после испытаний должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастеровых и затем считаться обязательной.

Что же касается старых расценок на изделия, то они должны быть пересмотрены на том же основании.

При Путиловском заводе должна быть учреждена постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих. Увольнение рабочих не должно состояться иначе как по постановлению этой комиссии".

Конечно, ограничиться такими общими требованиями рабочие не могли, и Гапон, под давлением и по указанию рабочих, выработал ряд уже более конкретных требований, которые и пред'явил 4 января вместе с депутатами-рабочими директору завода.

Эти требования были таковы: 1) введение 8-мичасового рабочего дня, 2) работа на 3 смены, 3) отмена сверхурочных работ, 3) повышение платы чернорабочим: мужчинам с 60 копеек до 1 рубля, а женщинам с 40 копеек до 75 копеек за день, 5) улучшение санитарной части на заводе и 6) бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим рабочим.

Директор, конечно, удовлетворить эти требования отказался, причем заявил, что повысить заработную плату теперь—это

значит „пустить акционеров общества Путиловских заводов по миру".

„Эта фраза вызвала общий смех".

Между тем, бестактности и насилия полиции возбуждали спокойное настроение рабочих; в тот же день, 4 января, когда группа рабочих собралась в одной из мастерских, полиция заперла их и долго не выпускала.

Это очень взволновало рабочих, и они решили на 5 число устроить собрание в одной из самых отдаленнейших мастерских у „Морских ворот" и оттуда пройти с осмотром по всем остальным мастерским.

Движение шло, как видно, совершенно стихийно; руководства у рабочих не было; что касается Гапона, он, не искушенный в стачечной борьбе, идет ощупью за стихийным ростом движения: сначала переговоры с администрацией, градоначальником Фулоном, потом призыв к забастовке, затем пред'являются общие требования о примирительной комиссии, далее, уже под давлением непосредственных нужд рабочих, вырабатываются более конкретные требования.

Но, к сожалению, не только Гапон и его „Союз" не были подготовлены к вспыхнувшей забастовке, к ней не были готовы и соц.-демократические организации.

Их было в это время две, и уже создавалась третья: большевистский Петербургский Комитет, меньшевистская Петербургская Группа Центрального Комитета и примиренческая группа.

Как же реагировали эти организации на происходящие события?

Только восьмого числа, т.-е. накануне самых событий, Петербургский комитет выпустил листок, в котором ясно и определенно высказывался о шествии к Зимнему дворцу, и раз'яснял, что не петициями, а силой вооруженного восставшего народа можно добиться выполнения своих требований.

А события между тем развивались с поразительной быстротой.

Путиловцы разослали делегатов по разным фабрикам и заводам Петербурга с предложением поддержать забастовку; 4 января путиловцы явились на Франко-Русский завод, где в тот же день рабочие, пред'явив требование о сокращении рабочего дня до 8-ми часов, прекратили работы. На Франко-Русском заводе работало тогда 2 тысячи человек. Представители путиловских рабочих были на Металлическом заводе,

в мастерских Варшавско-Венской дороги, на Семянниковском заводе, на бумагопрядильной и ниточной фабриках Штиглица и Екатерингофской бумагопрядильне, на Обуховском, Александровском вагоностроительном и на фабриках Российской бумагопрядильной и резиновой мануфактуры и вообще на всех крупнейших предприятиях.

Эта мобилизация рабочих сил происходила в течение 4, 5 и 6 января. Обыкновенно дело шло так: устраивалось заседание Отдела Гапоновского Союза в каждом районе; на это собрание являлись представители путиловских рабочих, просили о поддержке, а на утро главнейшие фабрики и заводы района уже стояли.

Так, напр., прошла забастовка за Невской заставой: 4 января состоялось собрание Невского Отдела Гапоновского Союза, а т. к. председателем Невского Отдела был рабочий Николай Петров, слесарь корабельной мастерской Семянниковского завода, то забастовка была решена немедленно.

Утром 5 января, после призывных свистков, рабочие стали на работы, но вскоре один из рабочих подошел к звонку в пароходо-механической мастерской и подал сигнал, означающий прекращение работ. После этого рабочий прошел по всем мастерским и предложил бросить работы. Завод остановился.

Таким образом, 5 января остановились: Семянниковский завод (6.500 чел.), фабрика Штиглица (4.800 чел.) и Екатерингофская бумагопрядильня.

Забастовка перекинулась на Охтенскую бумагопрядильню, Спасскую и Петровскую мануфактуру Губборда и К⁰, а также на Обуховский завод.

Кроме других требований, бастующие пред'являли *требование 8-ми часового рабочего дня.*

В этот же день, 5 января, депутаты путиловских рабочих, Творогов, Андриянов и Рожков, как было условлено накануне, явились в правление акционерного общества Путиловских заводов и пред'явили свои требования.

Акционеры ответили, что главный вопрос о введении 8-мичасового рабочего дня отдельно на одном Путиловском заводе решен быть не может и что его можно разрешить только вместе с другими заводовладельцами, а что касается понижения расценок, то они заявили, будто директор Смирнов

производил это понижение, не ставя в известность об этом акционеров.

В общем, хотя акционеры и шли на уступки, до чего-либо определенного все же не договорились, и с 6 числа Гапоновский Союз решил приступить к выдаче пособий по 70 коп. в сутки семейному рабочему.

Среди рабочих стали появляться с.-демократические прокламации, но Гапон рекомендовал листков „не читать и жечь, разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрагивать".

Шестого числа брожение рабочих на Васильевском острове стало увеличиваться, а 7 января группа рабочих человек в 300 из Трубочного и Балтийского заводов, остановленных по распоряжению администрации, прошла по 23 и Косой линиям и остановила работы на всех мелких фабриках и заводах.

Затем толпа, увеличившись до 1.500 чел., подошла к пироксилиновому заводу Морского ведомства в Гребном порту. Ворота были заперты, толпа требовала их отпереть, но начальник завода пригрозил стрельбой. Толпа стала ожидать, что рабочие сами прекратят работы, а в противном случае намеревалась избить рабочих пироксилинового завода.

Тогда были поставлены под ружье две роты моряков, находящиеся в заводе, и расставлены патрули.

Седьмого же числа на Васильевском острове примкнули к забастовке газовый завод и электрическая станция Смирнова, так что большинство улиц и зданий на острове погрузились в тьму.

В этот день окончательно примкнули к забастовке обуховцы и александровцы в Невском районе, и порешили забастовать конно-железные дороги.

Шестого и седьмого числа забастовал Выборгский район, причем как здесь, так и в городских районах рабочие крупных заводов останавливали средние и мелкие предприятия, и забастовка захватила и типографии „Общественной Пользы", „Нивы" и другие.

Словом, седьмого января охранное отделение в своем докладе департаменту полиции могло констатировать факт, что „сего числа с утра забастовали все крупные фабрики и заводы столицы, и, кроме того, прекратили работу и некоторые мелкие

производства, частью самостоятельно, частью по принуждению забастовавших".

Охранному отделению пришлось только констатировать факт.

И официальные правительственные органы и все наблюдатели определяли число забастовавших не менее чем 150 т., напр., Л. Гуревич определяет число бастовавших в 140 т. чел., но их в действительности было больше, ибо забастовка уже 8 января была всеобщей.

В нашей большевистской газете по этому поводу писалось так:

„Россия не видывала еще такого гигантского взрыва классовой борьбы. Вся промышленная, торговая, общественная жизнь гигантского полуторамилионного центра оказалась парализованной. Пролетариат на деле показывал, что *им* и *только им* держится современная цивилизация, его трудом создаются богатство и роскошь, на нем покоится вся наша „культура". Город оказался и без газет, и без освещения, и без воды. И эта всеобщая стачка носила определенно выраженный политический характер, являясь непосредственным прологом революционных событий.

В. И. Невский.

„Красная Летопись" № 1.
(оначальный текст значительно
сжат составителем).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ.

Что происходит в России?

Бунт или революция? Таков вопрос, который ставят себе европейские журналисты и репортеры, сообщающие всему миру о петербургских событиях и пытающиеся дать их оценку. Бунтовщики или инсургенты—эти десятки тысяч пролетариев, против которых победоносно выступило царское войско? И заграничные газеты, имеющие всего более возможности „со стороны", с беспристрастием летописцев, рассматривать события, затрудняются ответить на этот вопрос. Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую. И не удивительно: не даром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция.

Кто присутствует при начале великих и грандиозных событий, кто имеет возможность лишь очень неполно, неточно, из третьих рук знать кое-что из происходящего — тот, разумеется,

не решается высказаться определенно до поры до времени. Буржуазные газеты, по старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть, однако, их общенационального, даже международного значения. А именно это ведь и придает событиям характер революции. И пишущие о последних днях бунта нет-нет — переходят к речам о первых днях революции.

Поворотный пункт в истории России наступил. Это не отрицается самым заядлым европейским консерватором, полным восторга и умиления перед могучей, бесконтрольной властью всероссийского самодержавия. О мире между самодержавием и народом не может быть и речи. О революции говорят не одни какие-нибудь отчаянные люди, не одни „нигилисты", какими все еще считает Европа русских революционеров, а все и всякий, сколько-нибудь способный интересоваться мировой политикой.

Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще „безмолствует народ" и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар.

Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий,—писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты.

В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами, делая

пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв,—ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями. И не даром некоторые заграничные газеты завели уже „Дневник русской революции". Заведем такой дневник и мы.

Первые шаги.

Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом,—стачка на одном заводе. Интересно однако, что эта стачка 12.000 путиловских рабочих, вспыхнувшая в понедельник, 3 января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводом послужило увольнение четырех рабочих. „Когда требование о возвращении их не было удовлетворено,—пишет нам один товарищ из Петербурга от 7 янв.,—завод стал сразу, очень дружно. Стачка носит вполне выдержанный характер; рабочие отрядили несколько человек охранять машины и прочее имущество от какой-нибудь возможной порчи со стороны менее сознательных. Затем ими была отряжена депутация на другие заводы с сообщением своих требований и предложением примкнуть". Тысячи и десятки тысяч рабочих стали примыкать к движению.

Легальное зубатовское рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической монархической пропагандой, оказало не малую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь. Случилось то, на что давно уже указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмет верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплоатация подвинет их от мирной и наквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все „теории" и все потуги господ зубатовцев.

Так оно и вышло. Один товарищ рабочий, член Петербургского комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, следующим образом излагает свои впечатления в письме к нам от 5 января:

„Пишу под свежим впечатлением происшедшего только что собрания за Невской заставой рабочих Семянниковского завода. Но прежде всего пару слов о настроении, которое господствует у петербургских рабочих. Как известно, *в последнее время здесь начали возникать или, лучше, возрождаться „зубатовские" организации под руководством попа Гапона. Организации за очень короткое время очень размножились и усилились. Теперь уже существует 11 отделов так называемого „Собрания русских фабричных рабочих". Как и надо было ожидать, результаты этих собраний должны были быть таковыми, какими они были и на юге.*

„Теперь, можно с уверенностью сказать, начинается широкое стачечное движение в Петербурге. Почти ежедневно слышно о новой забастовке то на одном, то на другом заводе. Вот уже два дня, как забастовал Путиловский завод. Недели две тому назад бастовала бумагопрядильня Шау на Выборгской стороне. Стачка продолжалась дня четыре. Рабочие ничего не добились. Сегодня-завтра эта стачка снова возобновится. Везде настроение приподнятое, но нельзя сказать, чтобы в пользу социал-демократии. Большая часть рабочих стоит за чисто экономическую борьбу и против политической. Однако, надо ожидать и надеяться, что настроение это изменится, и рабочие поймут, что без политической борьбы никаких экономических улучшений не добьются. Сегодня бастовал завод Невского судостроительного общества (Семянникова). Местный отдел „Собрания русских фабрично-заводских рабочих" пытается выступить руководителем начинающейся стачки, но это, конечно, ему не удастся. Руководителем будет социал-демократия, несмотря на то, что она страшно слаба.

„Вышли листки от Петербургского комитета, два—к прядильнай фабрике Шау и один—к путиловским рабочим. Сегодня было собрание рабочих Невского судостроительного завода. Собралось около 500 рабочих. Впервые выступили члены местного отдела „Собрания". Они отклонялись от политических требований и, главным образом, выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник „Русской Газеты" Строев, пользующийся

большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителями социал-демократии. Резолюция эта, хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно.

После Строева говорили товарищи-рабочие соц.-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая, однако, ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха, некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих, и выбрало нового председателя, социалиста. Но члены „общества" (зубатовского) не умолкли и продолжали расстраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание в конце концов разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае, можно сказать, что социал-демократам удалось склонить настроение рабочих в свою пользу.

Завтра предстоит большое собрание. Возможно, что будет две—трети тысячи человек.—Надо ожидать на-днях грандиозной демонстрации, чего-либо подобного июльской на юге в 1903 г. Бастует завод Франко-русского общества—около 4—5 тысяч человек. Передают, что началась стачка на бумагопрядильной фабрике Штиглица, около пяти тысяч. Ожидается стачка на Обуховском заводе—пять—шесть тысяч".

Сопоставляя эти сведения социал-демократа, местного комитетчика (который, разумеется, мог точно знать лишь о событиях в небольшой части Петербурга), со сведениями заграничных, особенно английских, газет, мы должны сделать вывод, что эти последние отличаются весьма значительной точностью.

Стачка росла изо дня в день с головокружительной быстротой. Рабочие устраивали массу собраний и вырабатывали свою „хартию", свои экономические и политические требования. И те, и другие, несмотря на руководство зубатовцев, сводились в общем к требованиям социал-демократической партийной программы вплоть до лозунга: созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении

организованных социал-демократов. Но предоставим слово им самим.

Письма петербургских социал-демократов.

От 7 января один товарищ пишет: „Только столкнувшись лицом к лицу с стачечной стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерския, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее—тот, что мы, Спб. организация, совершенно бессильны пред стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листков, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листков, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...

„Позавчера и вчера в Выборгском районе состоялось собрание рабочих до 500 человек. На одном из них до приезда председателя выступил какой-то рабочий и произнес вполне социал-демократическую речь, к которой аудитория отнеслась очень хорошо, наградив оратора аплодисментами. На этом же собрании выступали организованные рабочие; интеллигентов от большинства не было. Стоит отметить один инцидент, имевший место на этом собрании. Какой-то рабочий стащил со стены портрет Николая. Председатель собрания пытался установить, что это сделал подвыпивший рабочий, который случайно задел портрет, но часть собрания энергично протестовала против такого затушевывания. В конце концов была принята резолюция, аналогичная вполне путиловской, т. е. составленная под руководством отныне знаменитого попа Гапона.

„Еще более грандиозное собрание было на Петергофском шоссе, на котором собралось несколько тысяч рабочих. Отношение к социал-демократам этого собрания совсем иное: листки, как наши, так и меньшинства, были изорваны, от нас вначале представители отказались было взять 500 рублей, отданные комитетом забастовавшим рабочим.

„Речей социал-демократических не было (в этом виноваты мы сами), но удивительно то, что резолюция, принятая

на этом собрании, такая, под которой смело может подписаться соц.-демократ; говорят, что резолюция эта составлена одним соц.-демократом, имеющим влияние на попа Гапона. Долгое время мы не могли установить, что из себя представляет этот поп; первоначальное его поведение (до стачки) заставляло нас предположить, что мы имеем дело с зубатовцем новой школы, но с момента начала стачки этот взгляд приходится оставить.

Мне кажется, что пред нами какой-то наивный идеалист. Если смотреть на попа, как смотрели мы раньше, то ведь решительно невозможно об'яснить его поведение на вчерашнем собрании: он заявил, что в воскресенье все забастовавшие рабочие пойдут ко дворцу для пред'явления Николаю своей петиции о неотложных нуждах рабочих (созыв Учредительного Собрания и т. д.) и, если царь откажется принять эту петицию или полиция помешает собраться, то значит, что царь заодно с министрами, и значит, что к лозунгу: „долой министров" необходимо прибавить: „долой царя"; поэтому рабочие, идя ко дворцу, должны заготовить знамена с надписью: „долой царя" и вооружиться. Он призывал собрание поклясться, что ни один из собравшихся не откажется от этого решения,—даже если придется сражаться с войсками. Теперь, по слухам, Гапона отыскивает полиция, но он скрывается до воскресенья.

„На Васильевском Острове вчера были собрания—принята всеобщая забастовка. Сегодня с утра по улицам расхаживают толпы рабочих, останавливая заводы, не позволяют желающим работать идти на работу. Как слух, сообщаю, что мастера сами убеждают рабочих прекращать работы. Говорят о том, что капиталисты вполне терпимо относятся к забастовке, а некоторые даже видят в ней средство вырвать при посредстве рабочих от окончательно растерявшегося Николая конституцию. Но что особенно удивительно, так это поведение полиции. Я нарочно ходил сегодня по различным частям города и утверждаю, что городовых меньше, чем в обыкновенное время. Только на Малом просп. Васильевского Острова возле 5 линии, где сегодня утром толпа (как говорят) разгромила участок и выпустила арестованных (??), можно увидеть 4—5 конных городовых.

„Сегодня должны состояться громадные собрания на Острове, Выборгской и Петербургской стороне и Петергофском шоссе. В Выборгский район и на Петергофское шоссе посланы

нами агитаторы (по 3 агитатора). Про другие районы не знаю—не видел два дня никого из этих районов, хотя знаю, что П. П. с агитаторами вчера был на собрании островитян".

„...Заводы и фабрики присоединяются к стачке страшно быстро, один за другим. Сегодня утром считали 40.000 забастовавших, а к вечеру насчитывают уже 24 производства и 82.000 стачечников (английские газеты давали цифру 75.000).

„Говорят, будто завтра станут все типографии, булочные, мясные и конки!! Это мы еще увидим, но и то, что нынче делается, прямо грандиозно. На улицах, в вагонах—всюду разговоры. За Нарвской заставой рабочие собираются группами, выступают агитаторы и говорят. Везде образцовый порядок. В окрестностях Невского я ходил вечером,—полная тишина на улицах, отдельные попадающиеся навстречу рабочие сдержаны и ничем не проявляют своего волнения, но в их лицах и во всем их виде чувствуется сдерживаемое с трудом возбуждение.

Вчера была вечерка в Смоленской школе,—говорили рабочие соц.-революционеры и соц.-демократы,—один из последних замечательно толково и содержательно. Должны были говорить свои интеллигенты, да вышло недоразумение: был пущен слух, что публика не допускается,—вследствие того, что собиралось чуть не полгорода,—а некоторые из своих приняли это всерьез,—не приготовились и не пошли. Настроение на вечерке было очень возбужденное, многие из рабочих было вооружены.

„Теперь о печальной или, во всяком случае, несколько странной стороне этого движения. Года два—три существует общество рабочих зубатовское и еще второе,—повидимому тоже зубатовское, во главе которого стоял один поп хохол Георгий Гапон. Этот поп стал во главе движения, и теперь он герой дня. За несколько дней он заговорил вдруг резко политическим тоном, стал выставлять требование Учредительного Соорания и всех свобод,—одним словом, конституции, собирает громадные собрания, где открыто делают сборы на стачечников. Около этих собраний полицейские только потолкутся и выгоняются прочь. Он поднимает крест, приглашает публику помолиться, а потом начинает говорить. Действует крайне возбуждающе. Теперь выдумал звать к Зимнему дворцу с петицией, в которой изложены все политические требования и под которой число подписей теперь уже дошло до 7.000 (подписывают рабочие полностью имя, фамилию и адрес).

—„Пойдем, говорит, убедимся, действительно ли русский царь любит свой народ, как говорит. Если даст все эти свободы—значит любит, а если нет, то это ложь, и тогда мы можем поступить с ннм, как наша совесть нам подскажет. Клянитесь мне: конституция или смерть!“ И рабочие, подняв кверху руки, кричат восторженно: „конституция или смерть!“

Одни рабочие (из сознательных) говорят, что он обманщик, другие божатся, что искренний человек, но массы за ним, как бы там ни было, так и бегут.—„Пора сбросить маску!“—восклицает поп. „Пора сбросить всякую принадлежность к этому подлому сословию, обирающему народ. „Господа социал-демократы, господа соц. революционеры!—мы очень уважаем вас, но просим, не мешайте нам теперь“ (т. е. с петицией ко дворцу пойти).

Ему возражают, что царь в Царском...

—„Ничего, постоим с полчаса, а его вызовут, уж вызовут!“...

И что-то только будет у нас в воскресенье? Наши (т. е. организованные социал-демократы), смотревшие сначала на все это движение, как на чисто-зубатовское, теперь видят, что, так или иначе, надо считаться с ним, пытаются повлиять на попа, пытаются руководить им хотя немного. Социал-демоктаты оказались, как ни печально в этом сознаться, оттертыми этим, прямо стихийным, движением. Листки все же выходят—5 января вышел очень хороший листок к рабочим Путиловского завода. Завтра должен выйти другой.

„Недоумеваем, чем об‘яснить предприимчивость попа. Если все это сплошное правительственное коварство: вызвать революционную вспышку, чтобы подавить ее кровавым образом,—то слишком уже это смело в теперешнее военное время,—поп посылает депутатов рабочих и в Ораниенбаум, и в Кронштадт, где и динамитные, и всякие мастерския;—как знать, чем кончится. Как положиться даже на солдат, когда вчера был выстрел по Зимнему дворцу, о котором вы знаете по газетам?“

Оба эти письма ставят вопрос, горячо обсуждаемый и заграничной печатью: кто такой поп Гапон, провокатор или христианский социалист?

Поп Гапон.

Что поп Гапон—провокатор, за это предположение говорит как будто бы тот факт, что он участник и коновод зубатовского

общества. Далее, заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посвободнее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) *хотело* вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях.

Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция революционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело, таким образом, особенно свободные руки и играло беспроигрышную игру: пойдут-де на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок будет дан пролетариату хороший; повод для расстрела на улице всех и каждого будет великолепный; победа реакционной (или великокняжеской) партии при дворе над либералами будет полная; репрессия последует самая свирепая.

И английские, и консервативные немецкие газеты прямо приписывают правительству (или Владимиру) такой план действия. Очень вероятно, что это правда. События кровавого дня 9 января замечательно подтверждают это. Но существование такого плана нисколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть *бессознательно* орудием такого плана.

Наличность либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества, и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название: „новоправославное“ движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более, что письма Гапона написанные им после бойни 9 января о том, что „у нас нет царя“, призыв его к борьбе за свободу и т. д.,—все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже

не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо во всяком случае энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов.

Такой тактики держались, как видно из вышеприведенных писем, и наши товарищи из Петербугского Комитета Р.С.-Д.Р.П. Как бы ни были „хитры" планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалась во много раз хитрее. Что полицейские и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение — это факт. Революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким политическим уловкам и ухищрениям.

План петербургского сражения.

Странно, на первый взгляд, говорить о сражении, когда рабочие безоружные мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало защиту Петербурга и Зимнего дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе.

Правительство нарочно довело до восстания пролетариат вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это—единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны

а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия.

Все сторонние наблюдатели в один голос признают теперь, что в России эта война об'явлена и начата. Пролетариат поднимется снова еще большими массами. Остатки детской веры в царя вымрут теперь также скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам. Рабочие будут повсюду вооружаться. Нужды нет, что полиция удесятерит строгости по надзору за складами и магазинами оружия. Никакие строгости, никакие запреты не остановят городские массы, сознавшие, что без оружия они всегда, по любому поводу, могут быть доведены правительством до расстрела. Каждый по одиночке будет напрягать все усилия, чтобы раздобыть себе ружье или хоть револьвер, чтобы прятать оружие от полиции и быть готовым дать отпор кровожадным слугам царизма. Всякое начало трудно — говорит пословица. Рабочим было очень трудно перейти к вооруженной борьбе. Правительство теперь заставило их перейти к ней. Первый, самый трудный шаг сделан.

Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. „Топоры? — говорит один. —Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья". Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после „Владимирова дня" в Петербурге не останутся одними разговорами.

Военный план дяди царя, Владимира, распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи икон, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охранению мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами „военных действий" были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), наконец, Дворцовая площадь, куда

все же таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих.

Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали „с успехом" против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс.

Теперь массы долго будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения „Владимирова урока" в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты, сознают себя воюющей стороной, и тогда... тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по „плану" не одних только великих князей и царей. Призыв: „К оружию!", раздавшийся в толпе рабочих на Невском 9 января, не может теперь пройти бесследно.

Н. Ленин.

Собр. соч., том VI.

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ.

1. В конце XIX века Россия переживает необычайно живой промышленно-капиталистический под'ем. (Так, за десятилетие с 1890 по 1899 г. мы обнаруживаем следующее увеличение массы производимого продукта: в производстве чугуна на 190%, в производстве железа и стали на 116%, в каменноугольной промышленности на 131%, в нефтяной промышленности на 132%, количество веретен в текстильной промышленности увеличивается на 76,2%). Такое быстрое развитие промышленности превращает Россию начала XX века в крупную промышленно-капиталистическую страну. В прежней, почти сплошь земледельческой, России появляется ряд крупных промышленных центров. На юге—в Закавказьи—ширится нефтяное производство, несколько севернее, в Донецком бассейне—укрепляются каменноугольная и металлургическая промышленность, на юго-западе, в Малороссии, возникает свекольно-сахарный

промышленный район, в центральной России—текстильный центр—с Москвой и Иваново-Вознесенском, в Питере—машиностроительно-текстильный, на Урале—горнозаводский центр.

2. Рост промышленного капитала влечет за собой и рост промышленного пролетариата. Только за 4 года (1893—1897) было втянуто в промышленно-капиталистическое производство 515 тысяч рабочих. К началу XX века мы имеем около 3-х миллионов рабочих, занятыхв капиталистической промышленности. Эта трехмиллионная пролетарская армия находится в исключительно тяжелых материальных условиях. Реальная заработная плата русского рабочего конца XX века в среднем раза в три ниже, чем заработная плата английского пролетария, а капиталистическая прибыль в России была гораздо большая, чем в странах Западной Европы. В это время горячечного накопления капитала и колоссальных прибылей русский рабочий особенно остро чувствовал всю напряженность его эксплоатации и необходимость борьбы за улучшение своего положения. Вторая половина 90-х годов отмечается оживлением стачечного движения. Стачки охватывают в год следующее количество рабочих: 1895 г.—48 тысяч человек, 1896 г.—67 тысяч, 1897 г.—102 тысячи, 1898 г.—87 тысяч, 1899 г.—130 тысяч человек.

Результатом этого стачечного движения было некоторое улучшение экономического положения рабочего класса, так как большинство стачек кончалось или удовлетворением всех требований рабочих или частичным их удовлетворением. Успех рабочего движения в этот период об'ясняется тем, что рынок пред'являл промышленности большие требования. Капиталисты предпочитали согласиться на сравнительно скромные требования рабочих, чем терпеть перебой в производстве. Успешность борьбы за экономическое улучшение обеспечила в конце XIX века широкое распространение в рабочих массах идей „экономистов", т. е. социал-демократов оппортунистов, утверждавших, что уделом рабочего движения является исключительно экономическая борьба, борьба с капиталом за улучшение экономического положения рабочего класса, борьба „за копейку на рубль",—но ни в коем случае не политическая борьба с самодержавием за демократизацию строя.

3. В начале XX века русская промышленность переживает кризис. С падением цен на рынке сокращается и производство. Особенно сильно отразился кризис на тяжелой индустрии.

(Так, количество выплавленного чугуна с 1900—1903 г. упало с 177,9 миллионов пуд. до 149, 1 милл. пудов. Количество добываемой нефти—с 672 милл. пудов в 1901 г. до 596 милл. пудов в 1903 г.). Если в период промышленного под'ема капиталисты уступали требованиям рабочего класса, то в период кризиса они ведут политику наступления на рабочий класс. Увольняя ежегодно десятки тысяч рабочих (за 1900—1904 г. было уволено с крупных предприятий, по официальным данным, 140 тысяч рабочих), буржуазия пользуется каждой новой стачкой для нового расчета рабочих. Однако, рабочее движение, несколько упав в начале кризиса, в 1903 г. вновь достигает почти таких же размеров, как в конце 90-х годов. Для преодоления рабочих стачек капиталисты все больше прибегают к помощи самодержавия, пользуясь его полицией и войсками. Борьба обостряется, и все больше и острее выступает перед рабочими необходимость политической борьбы, борьбы за строй, в котором были бы обеспечены необходимые условия для успешного развития рабочего движения. Этим об'ясняется возникновение стачек рабочих в день 1-го мая, при внесении требований политического характера о свободе собраний, стачек и т. д., а также новая форма движения—рабочие демонстрации. Очень характерны для этого периода южные всеобщие стачки 1902 и особенно 1903 г., с массовыми митингами и демонстрациями, происходящими под руководством социал-демократии.

4. Именно в этот период в правительственных кругах возникает мысль о необходимости ввести рабочее движение в определенное русло, обезопасить его, как политическую силу, направленную против самодержавия, отвести удар от самодержавия, хотя бы и пожертвовав в незначительной мере интересами капитала. Вдохновителем и руководителем этой политики явился начальник охранного отделения Зубатов, предпринявший организацию легальных рабочих союзов. Эти союзы имели своей целью, об'единив рабочих якобы для улучшения их быта и для культурно-просветительной работы, не только отвлечь рабочий класс от политической борьбы, но и сделать его опорой и орудием монархической политики. Для достижения своих целей Зубатов воспользовался провокаторами, а также „экономистами", с убеждением которых вполне вязалась борьба с политическими стремлениями рабочего класса.

Летом 1901 г. была организована, при содействии департамента полиции, „Независимая еврейская рабочая партия", которая, впрочем, ощутительного успеха среди рабочих не имела и в 1903 г. распалась.

В 1901 г. в Москве было создано—с той же целью—об'единение рабочих механического производства, имевшее районные отделения по всей Москве и возглавлявшееся „Советом рабочих механического производства г. Москвы"; этот совет состоял из представителей районных собраний.

На собраниях рабочих, входивших в это об'единение, читались лекции либеральных буржуазных профессоров о положении рабочего класса на Западе, о его организациях, страховании, потребительской кооперации, и т. д. Но „Совет рабочих механического производства" этой культурно-просветительной работой не ограничивался; он принимал жалобы рабочих отдельных предприятий, вступал в переговоры с администрацией этих предпраятий и, при помощи агентов охранного отделения, неоднократно добивался удовлетворения требований рабочих. Помещичье государство—в лице его полицейского аппарата—решило частично поступиться интересами капитала, лишь бы приручить рабочий класс, убить в нем влияние социалистической партии. И некоторых, правда, недолговечных успехов в этом отношении оно достигло. Встречая известную поддержку полицейских органов, руководители об'единения попались на удочку: 19 февраля 1902 г. до 50-ти тысяч московских рабочих с пением монархического гимна и молитв возложили венок на могилу Александра II.

Капиталисты неоднократно жаловались министерству финансов на политику охранного отделения, но у Зубатова роились в голове широкие планы: он надеялся овладеть всем русским рабочим движением. Но эта была непосильная задача даже для всесильного охранного отделения. Почувствовав опору в „Совете рабочих механического производства", рабочие начали энергичное стачечное движение, размеры которого напугали не только капиталистов, но и помещичье правительство, и Зубатову пришлось свернуть организацию.

В 1903 г. агент охранки Шаевич предпринял организацию такого же рода союзов—в Одессе, Елисаветграде, Николаеве и Херсоне. Во главе этих организаций были поставлены „независимые рабочие комитеты", через которые охранное

отделение надеялось направить рабочее движение в желательное для него русло. Но здесь дело кончилось еще конфузнее. Всеобщая стачка 1903 г., захватившая крупнейшие южные промышленные центры и принявшая, как мы уже видели, противоправительственный характер, захватила и независимые комитеты, пытавшиеся ограничить стачку. Зубатовские организации были вовлечены в стихийное движение—и не только не смогли руководить им, но были сметены этим движением. Зубатов, в результате этих неудач, потерял прежний авторитет и поддержку правительства и был лишен возможности продолжать свою политику.

Но если ушел Зубатов, то еще отнюдь не была прекращена „зубатовская" политика.

Последнюю крупную попытку овладеть рабочим движением охранное отделение проделало в сердце рабочей России—Питере. Эта попытка окончилась самым трагическим образом.

5. Агентом охранного отделения в Питере был священник Гапон. В настоящее время можно считать окончательно установленным, что Гапон был в сношениях с охранкой. Это явствует не только из того, что полиция разрешала собрания гапоновцам, но и из того, что на постройку и ремонт помещения для отделений гапоновской организации, как это видно из архивов департамента полиции, охранка отпускала по тому времени довольно крупные суммы. Эсэр Рутенберг, принимавший участие в убийстве Гапона, как провокатора, доказывает, что Гапон и сам единолично получал из охранки крупные денежные суммы.

Гапоновское „Собрание фабрично-заводских рабочих" начало свои работы с весны 1903 г., хотя официально оно было утверждено лишь 11 апреля 1904 г. Как и зубатовцы в Москве, гапоновцы раскинули свои организации в Питере по наиболее крупным рабочим районам. К ноябрю 1904 года существовали следующие отделения организации: Выборгское, Васильеостровское, Невское, Коломенское, Гаванское, Нарвское, Петербургское, Рождественское, Московское, Колпинское, Сестрорецкое. Некоторые отделения об'единили очень большое количество рабочих—например, Выборгское—до 2000 чел., а во всех отделениях к ноябрю 1904 г. числилось свыше 9 тысяч рабочих. В отделениях при клубах имелись библиотеки, читались либералами лекции по естественным наукам (геологии), истории

и по экономическим вопросам. Политические выступления против самодержавного строя не допускались, да и настроение у входящих в гапоновские организации было патриотическое, на собраниях обычно дружно пели „Боже, царя храни"...

Но к началу 1905 г. в воздухе уже пахло крупными событиями. Неудачи русско-японской войны обострили политическое недовольство в обществе,—в рабочей среде усиливалось влияние соц.-демократии. Гапоновская организация оказалась между молотом и наковальней. В рабочей массе зрела новая волна революционного движения, самодержавие намеревалось спровоцировать рабочее движение, сделать рабочему классу кровопускание, пока он еще недостаточно сорганизовался.

6. В середине декабря 1904 г. на Путиловском заводе без достаточных оснований были уволены 4 опытных рабочих, принадлежащих к гапоновскому союзу. Союз направляет депутацию к директору завода с просьбой об обратном принятии. Просьба не удовлетворяется. Гапон несколько раз повторяет посылку депутаций и к директору завода, и к градоначальнику Фулону, но просьба союза всюду отклоняется. В рабочих массах, об'единенных гапоновскими организациями, зреет решение ответить на это увольнение стачкой. 1-го января Союз решает об'явить на Путиловском забастовку, 2-го это решение подтверждается, 3-го путиловцы прекратили работу. В числе требований, пред'явленных путиловцами своей администрации и разработанных отделом гапоновской организации, были: 1) введение 8-мичасового рабочего дня, 2) работа на 3 смены, 3) повышение платы мужчинам на 66%, женщинам почти на 100%, 4) улучшение санитарной части на заводе и т. д. Стачка не ограничивается Путиловским заводом. 4-го января путиловцы остановили Франко-Русский завод, рабочие которого пред'явили требование 8-мичасового рабочего дня. В последующие дни были остановлены Металлический и Семянинковский заводы, а также Обуховский, Александровский и другие крупные предприятия. К 8 января бастовал почти весь рабочий Питер, не менее 150 тысяч рабочих. Прекратили работу типографии и Питер остался без газет. Зато широкое распространение получили социал-демократические листовки.

Гапон принимает все меры к тому, чтобы сосредоточить руководство развертывающимся рабочим движением в своих руках. Это ему вначале удается, так как соц.-демократы

не имели к этому времени сильных организаций, и единственной массовой организацией рабочих оказался гапоновский Союз. Идеей крестного хода к царю Гапону удается увлечь рабочие массы. Уже 4-го января на собрании одного из отделений Гапон подает мысль рабочим — обращение с петицией к царю. Предложение встречается восторженно. От 4-го до 9-го января во всех районах происходит горячее обсуждение петиции. Настроение у рабочих лихорадочное и напряженное.

„Гапон лично об'ехал все отделы,—пишет одна современница 9-го января,—он говорил с возрастающим возбуждением и страстью, все более и более поднимал настроение толпы... В некоторых отделах он говорил спокойно, сообщая толпе уверенность в успехе. В других же он забрасывал слова о возможности неуспеха, о предстоящих опасностях, о том, что царь может отказаться принять и выслушать народ свой. Эти речи он кончает словами—„и тогда у нас нет царя.“ „И тогда у нас нет царя“—как эхо откликалась толпа. „Все умрем. Клянемся стоять все за одного. Батюшка, благословляем тебя на подвиг, веди нас“. „Все были в восторженном состоянии,—рассказывали свидетели...—Многие плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками в стены, поднимая руки вверх, клялись стоять до конца“.—Таково было настроение рабочих перед 9 января. Но если рабочие с такой горячностью и страстностью подхватили идею крестного хода к царю, то это не значит, что 9-го января должна была повториться московская патриотическая манифестация 19 февраля 1902 г...

Идя под сенью хоругвей, пытаясь защититься иконами и царскими портретами от возможного насилия полиции и царских войск, рабочие несли царю петицию, в которой, помимо чисто экономических положений, требовалось, в сущности, уничтожение самодержавия. В этом и заключалась нелепость 9-го января. Идти к царю за поддержкой в удовлетворении требований учредительного собрания и политических свобод,— эту идею мог подать только полу-охранник, полу-поп Гапон, и ее могли подхватить только до крайности измученные народные массы.

Рабочий класс созрел уже до сознания необходимости осуществления социал-демократической программы-минимум. Эта программа понемногу была выяснена рабочим в их районных собраниях, где выступали и социал-демократы.

Если сама по себе идея крестного хода к царю казалась невинной, то шествие с *такой* петицией делало в глазах самодержавия 9-е января днем рабочей революции. Вот почему намерение совершить над рабочим классом кровопускание так быстро воплотилось в действительность. Совершенно очевидно, что правительство решило еще до 9-го января расстрелять шествие. Как сообщает английский корреспондент, близкий к придворным кругам, в ночь на 9-ое января царь назначил диктатором на 9-ое января великого князя Владимира, которому даны были неограниченные права и который „будет укрощать мятежный дух толпы, даже если бы ему пришлось для этого послать против населения все войска, которыми он располагает". В город стягивались войска, заполнившие весь город, всюду были установлены усиленные патрули, организованы районные штабы, в которых дежурили одетые в походную форму офицеры, словом, правительство подготовлялось к 9-му января, как к дню военной схватки. Что правительство шло намеренно к кровавому воскресенью, можно видеть из упорства заводской администрации Путиловского завода. Увольнение носило явно провокационный характер, а многократные отказы принять уволенных, в условиях небывалого возбуждения рабочих масс Питера, бесспорно диктовались сверху, направлялись тяжелой рукой самодержавно - полицейского правительства. В пользу этого вывода говорит и отказ премьер-министра Витте депутации либеральной интеллигенции вмешаться в военно-полицейскую политику петербургской администрации.

7. 9-го января сотни тысяч рабочих потянулись из разных районов к Дворцовой площади. С хоругвями и иконами, портретами царя, пением „Боже, царя храни" и молитв двигались мощные массы из-за Невской заставы, Нарвской, во главе с Гапоном с Выборгской, Петербургской стороны и Васильевского острова. Шествие носило характер большого крестного хода. Ни красных, ни революционных лозунгов. И когда отдельные волны этого шествия стали приближаться к воинским частям, стоявшим на пути, верилось, что стрелять не будут. Вот как выражает свое настроение крайний реакционер, монархист доктор Дьячков: „Картина была такова, что у меня, как у человека православного, преданного самодержавному государю, любящего родную историю и предания старины о единении самодержавного царя с преданным ему народом, не оставалось

никакого сомнения, что стрелять не будут, стрелять не посмеют". Но смелости хватило...

У Нарвских ворот процессия, возглавляемая Гапоном, была допущена войсками на 300 шагов, а затем конница налетела на идущих, рубя попадающихся под руку, и, проскакав через всю массу демонстрантов, уступила место пехоте, давшей по толпе залп. После пехоты вновь ринулась конница, рубя бегущих людей и добивая раненых. Гапон успел скрыться. Расправа над беззащитными все продолжалась. На Шлиссельбургском тракте был дан залп по подставлявшим свои груди рабочим, кричавшим:—„Умрем, товарищи. Шагу нет назад".

Еще более жестоким был расстрел у Троицкого моста. Подпустив толпу шагов на 200—300 к Троицкому мосту, командир приказал стрелять, а когда земля была покрыта стонущими рабочими, женщинами, детьми и стариками, дело усмирения взяла на себя конница. На Васильевском острове демонстранты оказали сопротивление. Под руководством социал-демократов рабочие разгромили оружейный магазин, устроили из поваленных телеграфных столбов, киосков и досок баррикады и стрельбой, камнями, поленьями встретили конницу. Однако, и здесь восторжествовал „порядок". Войска стреляли непрерывно с $1^1/_2$ до 4-х часов пополудня. Жертвы трудно учесть, но число пострадавших, наверное, достигает 1.000 человек, из которых убитых было 200 человек. Так совершилось в Питере 9-ое января.

8. Вся пролетарская Россия отозвалась на 9-ое января протестом—стачкой. По официальным данным, значительно преуменьшенным, в Москве к концу десятидневной стачки после 9-ое января были вовлечены в движение 25% всех рабочих гор. Москвы. Крупные стачки охватили почти все промышленные центры России, доходя в целом ряде мест до вооруженного столкновения рабочих с полицией и войсками. Так было, например, в Варшаве, Лодзи, Риге и т. д. Вообще 9-ое января послужило толчком для массового революционного движения русского пролетариата.

9. Какое значение имеет 9-ое января в истории революции русского рабочего класса? 9-ое января—день расстрела рабочих масс и, как таковой, он для пролетариата день траура. Но с исторической точки зрения, это есть великий день раскрепощения классового сознания пролетариата от вредной веры

в царя, мешавшей вступить рабочему классу на путь широкой революционной борьбы.

Вышедшие из крестьянских недр рабочие массы принесли с собой в город имевшую вековые корни веру в царя. Еще в 17—18 веках крестьянское революционное движение для своего освящения и *оправдания* шло под лозунгом восстановления власти потерявшего трон царя. В Западной Европе крестьянство для своего оправдания одело свои экономические требования в религиозные одежды. Русское крестьянство заменило эти религиозные одежды—монархическими. Ставленник бога на земле—царь должен руководить этим движением крестьянства. Если его нет, его нужно выдумать. И Пугачева окрестили Петром III. Когда помещики в результате реформ 1861 года ограбили крестьянство, в крестьянских массах ходили слухи о том, что настоящую „царскую волю" „помещики скрыли от народа". Даже после революции 1905 года крестьянство не изжило этой веры в царя. В 1-й Госуд. Думе в 1906 г. крестьянские депутаты трудовики видели все зло самодержавия в злоупотреблениях чиновников, бюрократии, сам царь, якобы, и не знал их преступной политики. Так, трудовик Куканов, возражая против Государственного Совета, восклицал: „Нет! Довольно средостений между царем и народом! Пусть сам царь знает, чем болеет страна, что делается внутри ее и что ей нужно."

Вот этот крестьянский, милостивый, добрый и не знающий о тяжелом положении своих подданных царь и жил в сознании рабочего класса до 9-го января. 9-ое января вырвало его из сознания пролетариата и указало ему единственно верный путь к социализму через свержение самодержавия.

Вот почему день годовщины Кровавого Воскресения есть не только день траура, но и день торжества идей социалистического пролетариата.

А. Слепков.

Оценка январьских дней 1905 г.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ в РОССИИ.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых—таковы итоги кровавого воскресенья 9 января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих. „Мы дали им хороший урок!"—с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать „самому царю" просьбы измученного народа,—все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: „смерть или свобода!" эхом перекатывается по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растет. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована. В понедельник, 10 января, столкновения рабочих с войском становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правитель-ственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили, говорят, Сестрорецкий

оружейный склад. Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструментов, добывают бомбы для отчаянной борбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинции. В Москве 10.000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг, 13 января) назначена всеобщая стачка в Москве. Вспыхнул мятеж в Риге. Манифестируют рабочие в Лодзи, готовится восстание в Варшаве, происходят демострации пролетариата в Гельсингфорсе. В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле и в Саратове. Вооруженное столкновение с войском рабочих и запасных в Радоме.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием девятичасового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих—немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права—должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства—вот лозунг, которым ответили на бойню 9 января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: „У нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!“

Да здравствует революционный пролетариат!—скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее

восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв Учредительного Собрания.

Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений—вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях—избавление всего человечества от всякой эксплоатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетарита, но мы должны идти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара! И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи

всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплоатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев—пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

Н. Ленин.

18 января 1905 г.

ГРУСТНЫЙ ЭПИЗОД РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Зубатовщину часто рассматривают, как эпизод только русского рабочего движения. Это, конечно, был весьма грустный эпизод русского рабочего движения, потому что,—не приходится отрицать этого факта,—в тот момент, в 1902 году, зубатовская организация больше притягивала к себе рабочих, нежели наша партийная организация. Даже в 1905 году, в начале этого года, у Гапона, по малой мере, в пять раз было больше рабочих, чем в партии. Про Москву, где был Зубатов, и говорить нечего. Тогда рабочих в наших организациях приходилось считать единицами, десятками, а Зубатов согнал к памятнику Александра II в 1902 году, 19 февраля, 50 тысяч человек; он сам поражался такой „громадой“ и самодовольно говорил, что для того, чтобы двигать такой „громадой“, нужен особый талант, который не у всякого есть. Эта „громада“ прежде всего должна была обеспокоить русского предпринимателя. Русский предприниматель в рабочем вопросе не был таким косным, заплесневелым существом, каким это иногда изображают. В том же самом 1903 году, когда шел бой с зубатовщиной, в министерстве финансов, по инициативе нескольких крупных предпринимателей, разрабатывался вопрос о свободе коалиции,—конечно, в своеобразных русских условиях, но все же о свободе стачек, по европейскому образцу; когда же их угостили таким азиатским способом разрешения рабочего вопроса, как классовая организация пролетариата, работающая под эгидой полиции, но направленная против непосредственных экономических интересов капиталистов, предприниматели, конечно, возопили. Тут они действительно начинают становиться либералами и действительно начинают оплачивать своими деньгами даже людей,

стоящих далеко налево. Чрезвычайно характерно, опять-таки, хронологическое совпадение. В 1902 г., 19-го февраля, была эта манифестация московских рабочих перед памятником Александра II, а в 1902 г. летом вышел первый номер заграничной газеты „Освобождение", буржуазно-либерального, по существу говоря, радикального органа, основанного на буржуазные деньги.

М. Н. Покровский.

ЗНАЧЕНИЕ 9-го ЯНВАРЯ.

...Когда партия была все еще распылена, все еще пребывала в подполье, а внутри ее шла сильная борьба двух оформлявшихся течений, разыгрались события 9-го января. Я не буду говорить о них сколько-нибудь подробно; они вам известны. Их основное содержание заключалось в том, что через голову оформленной партийной организации беспартийная рабочая масса вышла на улицу, заполнила площадь Зимнего дворца и показала, что меньшевики ошибались, когда говорили, будто на арене борьбы действуют только две силы: царская монархия и дворянская оппозиция. 9-е января доказало, что есть еще одна сила, которую меньшевики, как слона, и не заметили, а именно—рабочий класс. Правда, рабочая масса еще ясно не знала, чего она хотела, она была неорганизована и не имела своих вождей, выдвигая в качестве таковых случайных людей; правда, она шла с иконами, была несознательна, и ее расстреляли, как стаю уток,—все это так, но эта масса существовала и была могучим политическим фактором. Ее выступление 9-го января потрясло всю Россию, а это было куда ценнее всяких либеральных резолюций и петиций. 9-го января рабочий класс доказал, что он жив и что задача истинных революционеров была не в том, чтобы бегать по губернским собраниям и передним знатных земцев, не в том, чтобы говорить спокойные и никого „не пугающие" речи, а в том, чтобы возглавить бурно разразившееся рабочее движение, которое прорвалось, как плотина, не имея на первых порах ни вождей, ни ясной политической программы. Другими словами, было туловище, к которому надо было приставить голову: надо было партии вмешаться в эту массу, взять на буксир ее великое движение и повести ее по историческому пути рабочего класса.

9-е января и дальнейшие события выдвинули, как известно, несколько случайных беспартийных фигур. Это факт вполне понятный и об'ясняется он тем, что партия была тогда в подполье и не могла связаться, как следует, с поднявшейся рабочей массой.

...9-е января поставило на очередь общий вопрос о том, как должна партия руководить могучим движением рабочих, которые рвутся в бой, но, в то же время, не имеют программы, не знают, чего хотят, и идут к Зимнему дворцу с иконами и хоругвями. Вместе с тем 9-е января, гулко прогремевшее на всю Россию, уничтожило веру в монархию. Это не преувеличение. Рабочие, еще вчера верившие в монархию и думавшие, что плохи только министры, увидели, что их самый страшный враг—именно монархия, именно царь.

Г. Зиновьев.

(История Р. К. П., глава IV).

Петербургский комитет РСДРП(б) и 9 января.

ПЕРЕД 9 ЯНВАРЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем петербургским рабочим.

Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

В четверг собрание путиловских рабочих постановило:

Призвать всех петербургских рабочих к забастовке и, собравшись вместе в воскресенье, отправиться к Зимнему дворцу и подать царю петицию. Такие же постановления сделали рабочие во всех остальных отделах собрания петербургских рабочих. В своей петиции рабочие требуют:

1. Созыва Учредительного Собрания из представителей всего русского народа, избранных всеобщим, равным и тайным голосованием. Учредительное Собрание должно выработать реформы по управлению государством, именно: передачу власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых также всеобщим голосованием (парламент).

Необходимыми условиями для осуществления этого требования является:

2. Уравнение в гражданских правах всех сословий (крестьян, купцов, дворян и духовных, народностей и вероисповеданий).

3. Гарантия гражданской свободы: неприкосновенность личности и жилища граждан, свобода слова, печати, собраний, всевозможных обществ и рабочих союзов, свобода стачек.

4. Освобождение из тюрьмы и ссылки лиц, понесших наказания за так называемые политические преступления, в том числе за рабочие стачки и крестьянские беспорядки.

5. Прекращение войны по воле народа.

Российская соц.-демократ. рабочая партия уже давно выставляла те же самые требования и призывала всех русских рабочих к решительной борьбе за них. И теперь Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. приветствует рабочих, понявших необходимость политической свободы. Но петербургские рабочие должны понять, что те требования, которые они выставляют, ничего другого не означают, как конец самодержавия. Требовать парламента—это значит требовать, чтобы вместо царя страной управляла палата депутатов (парламент), избранная всем народом; требовать свободы слова, печати, союзов и собраний—это значит отнять у царя и его министров, у царской полиции и у царских жандармов всю их теперешнюю власть. Одним словом, все эти требования означают *низвержение самодержавия.*

Напрасно поэтому обращаться к царю с этими требованиями: добровольно царь, вместе с огромной шайкой всяких великих князей, придворных чинов, министров, губернаторов, жандармов, попов и шпионов не откажутся от своих прав, от своей власти, от сытой, роскошной жизни, которую они ведут, от огромных богатств, которые они награбили и продолжают грабить с рабочих и крестьян. Нет, товарищи, ждать свободы от царя, который еще недавно в последнем манифесте твердо заявил, что он не намерен отказаться от самодержавия, невозможно. Если царь и обещает реформы, он и его чиновники обманут нас. Такой тяжелой ценой, как одна петиция, хотя бы поданная от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться пред нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку—только таким путем можно завоевать свободу. Много уже рабочей и крестьянской крови пролито у нас на Руси за свободу, но только тогда, когда все рабочие пойдут штурмом на самодержавие—тогда только загорится заря свободы. Освобождение рабочих может быть делом самих рабочих, ни от попов, ни от царя вы свободы не дождетесь.

В воскресенье, перед Зимним дворцом—если только вас туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя. И тогда вы поймете, что со стороны не принесут вам помощь, что только сами вы сможете завоевать себе свободу. Поэтому

и теперь мы повторим то, что говорили в своих листках тысячи раз.

Долой самодержавие!

Долой войну!

Да здравствует великий братский союз рабочих,—Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.)*

8 января 1905 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ОФИЦЕРАМ.

Нижеследующее воззвание к офицерам было подписано, как сообщают заграничные газеты, 459 лицами, которые собрались вечером 9-го января в Вольно-Эконом. Обществе. Подписи в газетах не приводились.

„Мы пишем эти строки в ужасный день, который никогда не забудет Россия. Мы пишем под свежим впечатлением только что пролитой крови на многих улицах столицы. Вынужденные оставаться бессильными зрителями, мы всецело захвачены, однако, развертывающейся перед нами трагедией. Наше чувство взволновано... Но наши мысли ясны, и нам понятен глубокий исторический смысл того, что происходит перед нами. Раскрыть этот смысл вам—таков наш долг, такова сейчас наша задача.

Господа офицеры, в истощенной экономически стране голодовки давно уже сделались хроническими: массы обречены на непосильный труд, на неисходную нужду, на неизбежное вымирание. Насильственно удерживаемое в невежестве население лишено возможности развить свои силы. Личная энергия и народное творчество скованы бюрократической опекой и обессилены всепроникающим произволом. Так дальше жить нельзя. Русскому народу нужен хлеб, нужен свет, нужна свобода. Без этого он не может быть великой нацией. Без этого он не может отстоять даже своего права на существование.

Из трудных обстоятельств, в каких находится страна, есть только один выход. Только сам народ может излечить свои

---

*) Петербургский Комитет Р. С-Д. Р. П. был в это время большевистским.

недуги и заживить свои глубокие раны. Для этого же российскому государству нужен новый основной закон: России нужна конституция. Земские представители и городские думы, русская интеллигенция и русское купечество, учащаяся молодежь и рабочие массы не только сознали, но уже и формулировали эту основную потребность. Охватившее всех чувство так сильно, что его не смогли сдержать никакие преграды. Оно и прорвалось и прорывается, несмотря на все кары. Оно не потухнет, хотя бы его еще много раз старались залить кровью.

Стремление к новым свободным формам неодолимо, ибо без них дальнейшая жизнь невозможна. Этим выходом воспользовались уже все культурные страны; на этом же пути нашла свою силу и та страна, с которой мы безуспешно воюем теперь,—Япония.

Только русское правительство не может или не хочет понять того, чего требует история. Это близорукое правительство давно бы уже было сметено с исторического пути, если бы русскому народу, опутанному сетями нищеты, невежества и рабства, не были противопоставлены его собственные вооруженные силы.

Да, собственные... Вы учились на средства народа, из народной казны получаете вы свое жалованье. Штыки и ружья, которыми управляете вы, куплены на народные деньги. Вы сами—дети этого народа, и вот вас-то посылают убивать своих сестер и братьев.

Офицеры русского войска! Вдумайтесь в то, что произошло 9-го января 1905 года на улицах Петербурга. Доведенные до отчаяния люди—сотни тысяч людей—желали подать царю петицию. Это был мирный акт. Рабочие клялись, что сохранят порядок и прибегнут к силе не иначе, как для самозащиты. Правительство знало, что ничто не угрожает общественной безопасности. Посланная нами депутация в числе 10 чел., в том числе некоторые из нижеподписавшихся, вечером 8-го января была у министра внутренних дел, у его товарища, у председателя комитета министров. Депутаты желали осведомить правительство о положении дел, они умоляли и требовали, чтобы было предотвращено кровопролитие.

Но все их усилия оказались тщетными. Ген.-майор Рыдзевский заявил, что правительство не нуждается в наших сведениях и в наших мольбах и убеждениях. Витте сказал, что

это дело не его „ведомства“, и что он не желает каким-либо вмешательством поставить себя в неловкое положение. Святополк-Мирский, несмотря на все просьбы и даже посредничество Витте, отказался принять депутацию: он-де и без нее все знает, и все распоряжения уже сделаны.

Да, распоряжения были сделаны, и кровь пролилась по расписанию, может быть, даже в тех самых пунктах, где это наметили совещавшиеся накануне сановники.

...Да и к чему русскому правительству сведения и мнения каких-то штатских людей, зачем ему честь, совесть и разум? Ведь, к его услугам зоркость бесчисленных сыщиков, в его распоряжении все вооруженные силы.

Офицеры русского войска! Вы—люди долга. Вы взяли на себя великую обязанность отдать, если это нужно, даже жизнь свою за отечество. Спросите же вашу совесть: где ваше место? С безумцами, всегда готовыми пролить кровь, или с многострадальным народом? В вас живо чувство чести. Прислушайтесь же к ее голосу: где ваше место? С теми ли, кто боится даже принять петицию, или со всею честною и самоотверженною Россией? Если вы люди чести, то не поднимайте руки на безоружных, не берите денег с народа за его кровь, которую вы же прольете. Снимите ваши мундиры и сложите ваше оружие!“

P. S. От редакции „Вперед“:

Предполагают, что арестованных депутатов,—Горького и других,—обвиняют в связи с этим воззванием. Было ли оно распространено, мы в данную минуту не имеем об этом сведений.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем.

Товарищи! Кровь пролилась, она льется потоками. Рабочие еще раз узнали царскую ласку и милость. Они шли искать правды у царя и получили от него пули. У Нарвской заставы, у Троицкой площади, на Невском—везде десятки убитых, сотни раненых. Стреляли без предупреждения. Вы видите, что значит просить у царя. Так научитесь же брать силой то, что вам

надо, научитесь надеяться только на себя. Вас сотни тысяч, но что вы сделаете с голыми руками? Вооружайтесь, где только можно, чем только можно. Разбирайте, где удастся, оружейные магазины. Вы имеете право брать оружие для самозащиты. Пусть товарищи с оружейных и патронных заводов помогут остальным вооружиться. Оружие во что бы то ни стало! Только силою и кровью добывается свобода и справедливость. Где можно и надо загородить путь войскам, стройте баррикады из чего возможно: из телеграфных и фонарных столбов, экипажей, мебели соседних домов, разбирайте для этого стены, берите все, что под рукой. Кровь польется рекою. Но, товарищи, насколько больше ее льется на холодных полях Манчжурии, а разве та кровь ваших братьев несет нам свободу и лучшее будущее? Нет, даром гибнут ваши братья. А здесь вы знаете, что боретесь не даром. Каждая пролитая капля вашей крови приближает день свободы. И не умирают ли каждый день во всех углах России сотни и тысячи ваших товарищей от лишений и порожденных голодом болезней. Не укорачивают ли на десятки лет вашу жизнь эти лишения и голод? Разве это не убийство, не постоянное убийство? Так лучше сразу умереть сотнями и тысячами, чем все время мучиться и понемногу умирать миллионам рабочих. Продолжайте вашу стачку, держитесь твердо. Без ваших рабочих рук угнетатели, капиталисты и правительство слишком слабы; стачка бьет их больно, она сильное оружие. И лучше поголодать сразу для борьбы, для победы, чем недоедать изо-дня в день для удовольствия и прибыли грабителей. Держитесь твердо.

Убеждайте вступить в стачку товарищей с газовых и электрических заводов, с конок, с трамваев, с железных дорог, извозчиков, служителей телеграфов, телефонов, почты. Если они забастуют, правительство и капиталисты и их войска будут в темноте и раз'единены между собой, будут, как без рук. Если этих рабочих не вовлечете в стачку или будет некогда убеждать их, постарайтесь сломать газовые и электрические провода, перервать телеграфные и телефонные линии, выпрягайте лошадей из конок, наконец, ломайте рельсы: враги ваши сильны тем, что им легко и удобно сговариваться и перевозить войска и полицию туда, где им надо. Помешайте же этому.

В тюрьмах сидят ваши братья, которые боролись, как и вы, за свободу и справедливость. Освобождайте их, где у вас

окажется сила для этого. Мы, социал-демократы, говорили вам уже раньше, что у царя и чиновников ничего нельзя взять просьбами и мольбами, что на них действует только сила, что они беспощадные враги, а не друзья ваши. Теперь вы сами это видите на деле. Так идемте же вместе. И пусть пролитая кровь не пропадет даром. Пусть она принесет нам свободу и лучшее будущее.

Об'единяйтесь, вооружайтесь, надейтесь только на себя, товарищи-рабочие!

Долой царя—убийцу!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Январь, 1905 г.
(„Красная Летопись“ № 1).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К о в с е м р а б о ч и м!

Вы шли к царю добиваться прав своих; — и он встретил вас ружейными и пушечными залпами, ударами пик и отточенных сабель своих свирепых опричников...

Вы просили у него хлеба и работы, — и он угостил вас раскаленным свинцом...

Не мы ли, социал-демократы, говорили вам, что у кровопийцы-царя вы ничего не добьетесь, что он не друг, а враг народа, и что не пользу народную он блюдет, а пользу приспешников своих...

Убитые... Раненые... И их насчитывают сотнями, тысячами... К мести взывают эти трупы, которые вы возите по улицам... Собирайтесь же теперь под наши красные знамена... Ходите по улицам и добивайтесь того, чтобы всюду и везде были прекращены работы, — чтобы все граждане, как один человек, поднялись с оружием в руках против царя, против правительства; передавайте солдатам наши листки и требуйте, чтобы они отказались стрелять в народ...

Д о л о й ц а р я!

Д о л о й с а м о д е р ж а в и е!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует Социал-Демократия!

С.-ПБ. Комитет.

Январь, 1905 г.

Январьские дни в провинции.

ЯНВАРЬСКИЕ ЗАБАСТОВКИ 1905 г. В МОСКВЕ.

События 9-го января 1905 г. в Петербурге, как и следовало ожидать, нашли отклик во всех крупнейших промышленных центрах и прежде всего в Москве.

Уже на другой день после „кровавого воскресенья", 10-го января, и. д. градоначальника г. Москвы генерал-майор Руднев по телеграфу доносил в департамент полиции, что „сего числа послеобеденное время забастовали в Москве рабочие механических заводов Бромлей, Вейхельд и военно-обозных мастерских всего до трех тысяч человек".

Действительно, слухи о готовящемся выступления рабочих в Петербурге проникли в провинцию, в том числе и в Москву, как это видно из частной переписки, находящейся в делах, еще за несколько дней до 9-го; когда же расстрел рабочих стал совершившимся фактом, то известие о событиях разлетелось в разные концы России с поразительной быстротой, достигая разных пунктов в зависимости от средств связи и расстояния.

Официальные документы констатируют, что уже 10-го января „среди рабочих некоторых фабрик и заводов города Москвы распространился слух о происшедших вчера в С.-Петербурге крупных рабочих беспорядках, вследствие чего замечавшаяся еще вчера агитация за устройство всеобщей забастовки по примеру Петербурга усилилась и после обеденного перерыва забастовали механические заводы Вейхельд и Бромлей (первый 400 рабочих, второй 1200 человек), а затем: военно-обозная мастерская (300 раб.), типография Сытина (1200 раб.), а за ними мелкие другие заведения до 25 с количеством рабочих до 4000 человек.

...Забастовка 10-го января началась в одном из самых пролетарских районов — в Замоскворецком (в Пятницкой и Серпуховской частях), и число забастовавших уже в первый день достигало почти до шести тысяч человек, не

считая фабрик Михайлова и Брокара, с которыми число рабочих, бросивших работы, доходило до десяти тысяч человек, а не четырех, как сообщали московские власти в Петербург.

На другой день, 11 января, попытки замоскворецких рабочих расширить забастовку не удавались до обеда: отчасти инертность или боязнь рабочих мешали этому, отчасти действия полиции и войсковых частей, которые или рассеивали толпы пытавшихся снимать с работ еще продолжавших работать товарищей, или просто не подпускали забастовщиков к работавшим фабрикам.

12-го числа между рабочими и полицией происходят столкновения, кончающиеся иногда арестами бастующих, которые пытаются останавливать фабрики и заводы: в 2 час. 50 мин. дня задерживаются полицией 18 человек сытинских рабочих, стремившихся остановить фабрику Григорьева; в 3 час. 50 мин. арестованы трое мужчин и женщина в то время, когда они, руководя толпой рабочих в 300 человек, шедшей из Даниловки к Хавской слободе, хотели остановить работы пуговичной фабрики.

Один из этих задержанных читал какую-то прокламацию и при аресте оказал сопротивление.

...Официальные документы так резюмировали итог событий 12-го января: „Сегодня к стачке присоединилось 21 промышленное заведение, всего бастует до 14000 рабочих; войсковыми, полицейскими нарядами приняты меры к охранению центральных частей города, воспрепятствованию соединений отдельных забастовавших групп и ограждению безопасности желающих продолжать работы; сегодня при замечаемом повышении настроения было несколько столкновений забастовщиков с нарядом, но в действии оружием надобности не представилось".

В течение 13-го числа забастовка, то поднимаясь, то опускаясь, в общем все же росла и теперь уже захватывала, несмотря на все противодействия полиции, новые районы, выйдя за пределы Замоскворечья.

...Донесение градоначальника Руднева считает число бастовавших 14-го января до 30 т. человек и называет, как возобновившие работу фабрики Сиу (в предыдущих сводках как бастующая тоже не упоминается), Циндель, Гакенталь и Набгольц с числом рабочих до 4160 человек.

Этот день четырнадцатого числа и был днем максимального под'ема забастовочного движения, ибо с 15-го января забастовка начинает уменьшаться и к 20-му числу сходит на нет.

Пятнадцатого января бастовало уже только 20 т., если верить официальным данным.

Действительно, 15-го числа из крупных предприятий примыкают к забастовке только: к обеду мастерские Брестской жел. дор. (до 1200 чел.) и завод Мамонтова (600 чел.); зато большинство мелких и средних заведений всех районов становилось постепенно на работы. Энергия рабочих падала, и к 20-му числу забастовка, вызванная январьскими событиями в Петербурге, прекратилась.

Официальные данные так в цифрах рисуют ход забастовки:

	Число бастующих
Января 10	3000
11	до 14000
12	„ 17304
13	„ 19900
14	„ 30000
15	„ 20000
16	„ 17000
17	„ ?
18	„ 11300
19 и 20	конец забастовки.

В нашей нелегальной печати совершенно правильно указывалось, что эти цифры далеко ниже действительности.

„Число московских стачечников определялось сначала,— говорится в пятом номере большевистской газеты „Вперед“,— в 10.000 человек, через два дня уже в 30.000 человек, 18-го января появились известия об окончании стачки, причем число бастовавших давалось уже 43.000 рабочих в 125 заведениях из всего числа 170.000 рабочих в 830 московских фабриках. Само собою, что эти официальные сведения явно преуменьшены (во всех торгово-промышленных заведениях Москвы гораздо больше рабочих, чем 170.000), и мы приводим их лишь для того, чтобы дать приблизительное представление о размерах движения“.

Утверждение нашей газеты, конечно, вообще правильно, но несомненно и то, что московская стачка была не велика: она не охватила не только всей Москвы, но на очень многих заводах

не вовлекала даже всех рабочих данного предприятия; многие заводы несколько раз, как мы видели, то начинали стачку, то приступали к работам, то вновь начинали бастовать, и это явление замечалось не на мелких только предприятиях.

Крупнейшие предприятия присоединились к забастовке в средине, а многие из них и вовсе не бастовали (Даниловская мануфактура, большинство жел. дор., конно-железные дороги бастовали значительно позже (22-го января) и всего один день).

...Неопределенное нерешительное настроение рабочих описывается в корреспонденции от 25-го января в № 88 „Искры“:

„Замоскворецкий район, начиная с крупных фабрик и кончая прачешными, весь забастовал дружно, понятно, что и администрация обратила на него самое серьезное внимание. Где только возможно было, расставили войска, пеших и конных жандармов и полчища городовых. Шпионов на обычных постах не было в течение полутора недель — надо полагать, они посланы были вырывать наиболее выделяющихся рабочих. Город также не был забыт. Большиство бастующих типографий помещается в центре. Возле типографий Кузнецова, Левенсона и других—везде стояли войска. На Зубовском бульваре в д. Купина были специально наняты пустующие квартиры для них“...

...„На табачной фабрике Дукат мужчины забастовали, большая часть женщин работала. Во время обеденного перерыва, забастовавшие подкарауливали работающих и избивали. В мастерских Ряз.-Ур. ж. д. очень малая часть рабочих работала. Администрация делала все, что могла, дабы оградить работающих от нападения. Сначала она под конвоем сопровождала, во время обеденных псрерывов, рабочих. Когда это не помогло, она на свои средства выдавала каждому рабочему пол-колбасы и хлеб. Не везде требования рабочих удовлетворены“...

„На большинстве фабрик и заводов пред'являлись экономические требования, на некоторых фабриках требований совсем не пред'являлось. На многих фабриках рабочие не смогли формулировать требований“.

Уже из этих фактов видно, что одной из причин вялости московской забастовки являлась очень большая отсталость московских рабочих: приходилось рабочих снимать с работ

силой, происходили столкновения между самими рабочими, они не уясняли себе причины забастовки, они иногда не могли даже сказать, чего они хотят. Второй причиной неуспешности забастовки следует считать энергичные меры властей,—распределение войск по районам, введение их на фабрики и заводы, недопущение забастовавших до снятия с работ работающих товарищей и, наконец, понуждение рабочих к работе силой, называемое на официальном языке „ограждение от насилий желающих работать".

В делах департамента полиции имеются такого рода факты в большом числе.

...Когда начинаешь рассматривать требования, пред'явленные московскими рабочими в январе 1905 г., понимаешь, почему забастовка прошла в Москве не так дружно и революционно, как в Петербурге.

Прежде всего подавляющее большинство московских требований исключительно экономического характера; политических требований так, как это было сделано в Петербурге, московские рабочие не пред'являли.

Затем, и это очень показательно, очень много фабрик и заводов бастовало, не пред'явив никаких требований, по крайней мере следов в этом отношении никаких не осталось (в делах деп. полиции).

Предположить, что, бастуя из солидарности к своим петербургским товарищам, они пред'являли требования же петербуржцев, нельзя, так как нигде не имеется на то указаний.

Правда, Гапоновская петиция была распространена и в Москве, но опять-таки сведений, что московские рабочие перед забастовками обсуждали эту петицию и солидаризировались с нею, тоже не имеется.

Солидарность, конечно, была, иначе не было бы и самой забастовки: самый факт прекращения работ уже свидетельствовал о том, что и московский пролетариат присоединяется к петербургским рабочим, но того сознательного отношения к событиям, какое мы наблюдаем в Петербурге, здесь не замечается.

Кроме того, самые требования носят часто настолько местный характер и указывают на такую бездну эксплоатаций, что становится совершенно понятным, почему протест петербургского пролетариата всколыхнул и массы московских рабочих:

почва была готова и здесь, нужно было только взрыхлить ее поглубже.

Без сомнения, два основных требования проходят красной нитью во всем, что пред'являли московские рабочие,—сокращение рабочего дня и повышение заработной платы.

...Слишком тяжелы были условия жизни рабочего в Москве, так что достаточно было искры, чтобы зажечь и в Москве стачечный пожар, и вместе с тем, кабала, угнетенность, низкая заработная плата, антисанитарные условия, забитость—все это было настолько велико, что сразу да еще без хорошей предварительной подготовки думать о длительной планомерной забастовке было нельзя.

В Москве не было Гапоновской организации и тем не менее—основные экономические требования петербургской петиции выдвинули и московские рабочие: 8-мичасовой рабочий день, отмена сверхурочных работ, штрафов и т. п. в той или иной форме фигурируют и в Москве.

Отсутствуют политические требования, их не найдешь ни на одном заводе или фабрике.

Московский пролетариат еще не сорганизовался так же, как и петербургский, а наша подпольная организация еще не сумела создать сильного подпольного аппарата, влияние которого на рабочих было бы достаточно велико.

В 88-м номере „Искры" так и говорится по этому поводу:

„Многие районы просили прислать им людей, но таковых не было. Одни районы были забросаны прокламациями, в других они отсутствовали совсем".

В большевистском органе „Вперед" (№ 4) констатируется, в сущности, то же самое: „Переполошившиеся хозяева не знают, что делать. Они собрались на бирже, чтобы обсудить, какие уступки можно сделать. Но беда в том, что со стороны рабочих не заявлялось первое время никаких требований. Забастовки начались единственно из сочувствия к петербургским рабочим, для поддержки петербургского движения. Только в среду начали пред'являться требования".

Фабриканты „переполошились", это верно, но они очень скоро зато и оправились и вместе с полицией повели всякими способами наступление на рабочих, прибегая решительно ко всяким средствам, начиная от действия войск до... молебнов включительно.

Так, например, на фабрике Коншина в Серпухове хозяева собрали всех рабочих, попов и полицию и отслужили торжественный молебен, после чего была отправлена царю верноподданническая телеграмма, под которой подписались даже шесть рабочих, выборных от всей массы Федоров, Попов, Кириллов, Зубаков, Чибирев и Иванов; такой же молебен устроили и Лямины на своей фабрике в Дмитриевском уезде.

Капиталисты быстро оправились, а наша организация также быстро не могла перестроить свои ряды в боевой порядок и начать наступление.

В. Невский.

ХАРЬКОВСКАЯ НЕЛЕГАЛЬНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЯНВАРЕ 1905 Г.

В январьские дни в Харькове был меньшевистский „Харьковский комитет российской социал-демократической рабочей партии". Он являлся организацией, в значительной степени черпавшей силы из интеллигентской, мелко-буржуазной среды. Учащиеся высших и средних учебных заведений, а также люди из „общества" доставляли комитету, как человеческий материал, так и материальные средства: явки, адреса и деньги. „Связи с обществом здесь большие,—пишет большевик, приехавший в Харьков в начале января,—так что содержать могут".

Большевик требует присылки людей для работы в Харькове, надеясь, что, благодаря связям в обществе, материальные условия жизни вновь прибывших товарищей будут сносны. Всякий, кто работал в качестве профессионала-революционера в подполье в эпоху самодержавия, знает, как тяжелы были условия жизни;—а уверенность, высказанная в письме, показывает, что эта сторона жизни харьковских социал-демократов подпольщиков была, во всяком случае, удовлетворительна.

Еще в 1903 году на юге России революционное движение захватило не только студенчество, но и учащихся средней школы. Не оставалось ни одного города, где не было бы правильной ученической организации, при этом все эти гимназические и семинарские кружки стояли не одиночками, а входили, как часть, в обширную организацию средней школы. Харьков, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Таганрог, Бердянск, Мариуполь и много других городов, станиц и местечек входили в образовавшийся „Южно-русский союз учащихся средней школы".

Союз этот окончательно оформился на с'ездах в Ростове-на-Дону и Харькове в 1903 году и принял устав и программу, признавшую руководство социал-демократов.

Харьков в этом движении сыграл не последнюю роль: в нем социал-демократических кружков в средних учебных заведениях к январю 1905 года насчитывалось не менее 30.

Правда, в 1905 году организация учащихся средней школы распалась, „Союза", как организации, не существовало, революционное развитие показывало даже буржуазной молодежи всю несовместимость ее движения с движением рабочих, однако, это не мешало существованию довольно сильных отдельных кружков, всецело разделявших социал-демократическую программу и оказывавших нашим организациям большую поддержку. В январе такие кружки слились с общестуденческой организацией, и Харьковский комитет черпал отсюда большой запас сил и средств.

Но это же обстоятельство придавало Харьковской организации обывательский характер.

„Появившийся человек сюда,—пишет в своем письме большевик, приехавший в Харьков в январе 1905 г.,—познакомится с меньшинством, будет знаком со всем городом, в котором при гуляньи хорошенькие тыкают пальцем: „вон душка пошел"—так один из душек, благодаря такому знакомству, после трехнедельного приезда провалился (т. н. Нежданов). Этот обывательский характер организации отражался и на всей работе Харьковского комитета меньшевиков.

Тот же большевик, письмо которого мы только что цитировали, такими словами рисует Харьковскую социал-демократическую организацию.

„В Харькове ни черта буквально нет. Проклятые меньшевики сидят в своих ученых стульях около трех лет и даже не могли массу воспитать в политической форме, а все, твердящие массе об экономизме, они теперь, по предложению комитета разбросать прокламации по поводу поддержки питерских товарищей, отказались, благодаря тому, что им нужно бороться с капиталом, а не с верхом. Техники до сих пор не было, и только при мне выпущен первый листок, написанный недурно. Благодаря внесенной дезорганизации, здесь проявилась на свет божий рабочедельческая группа Южнорусского союза. Все время никаких массовок, а также собраний

не было, прокламаций также. Люди должны сами по семейному собираться, нередко по 20 и 30 человек, и также по семейному проваливаться — отсутствие конспирации абсолютно".

„Практики здесь совершенно нет, организация дрябленькая"... так формулирует свои выводы и наблюдения человек, очевидно, не привыкший вести революционную работу на гуляньях среди тех хорошеньких девиц, которые проваливали вновь появлявшихся нелегальных.

Такая характеристика Харьковской организации, повидимому, близка к действительности, потому что сами меньшевики, как увидим дальше, не отрицают этого.

Харьковская организация имела следующую структуру: общее руководство находилось в руках комитета. Всей организационной работой заведывал ответственный организатор; пропаганда и агитация находились в ведении ответственного пропагандиста, а руководящей работой вообще занимался секретарь комитета.

Город делился на три района: Петинский или паровозостроительный, городской и железнодорожный.

Самым рабочим и самым революционным считался Петинский район, куда входили два крупнейших завода Харькова— паровозостроительный и завод земледельческих машин и орудий Гельферих-Саде (на двух этих предприятиях работало до 10 тысяч пролетариев).

Вторым по своему рабочему составу и революционности был район железнодорожный, куда входили прежде всего железнодорожные мастерские; в этот же район включались и такие большие заводы, как терракотовый завод Бергенгейма, сахаро-рафинадный завод (на Ивановке) и другие более мелкие предприятия.

Третий район, городской—ремесленный, хотя в него входили конфектные фабрики, мельницы, типографии и прочие более или менее среднего размера заведения.

Во главе каждого района стоял районный комитет с районным ответственным организатором, пропагандистом и секретарем.

Как составлялся Харьковский комитет, путем ли выбора представителей от районов или еще как-нибудь — в наших данных указаний не имеется.

Интеллигентскому составу Харьковского комитета пришлась особенно по душе та тактика, какую предлагала „Искра“ в 1904 году в связи с оживлением русской жизни, „весной“ Святополк-Мирского и банкетной кампанией либералов.

План использования либеральных банкетов, по мнению „Искры“, должен был состоять в том, что рабочие и социал-демократы должны были являться на либеральные банкеты и собрания и там, выявляя свою линию, откалывать от буржуазии наиболее революционные элементы и вести, таким образом, буржуазию за собой.

Большевики беспощадно обрушились своей критикой на эту соглашательскую тактику и выдвигали чисто классовую и революционную линию: не принижать социал-демократии, а призывать рабочих к самостоятельным и открытым выступлениям против самодержавия, к вооруженным демонстрациям и забастовкам.

Соглашательская, принижающая социал-демократию тактика меньшевиков вносила страшную путаницу в головы рабочих, дезорганизовывала их ряды и была на руку буржуазии.

Харьков не составлял исключения, что очень хорошо подтвердилось еще в декабре 1904 г. и дало отрицательные результаты в январе 1905 г., когда требовалось проведение особенно четкой пролетарской линии.

Пятого декабря 1904 г. харьковские либералы устроили банкет в память сорокалетия судебных уставов Александра II. По плану меньшевиков, рабочие должны были явиться на этот банкет и произнести там речи, в которых и должна была выявиться точка зрения социал-демократии и пролетариата.

Но либералы назначили очень высокую плату за вход на банкет, так что на нем рабочих оказалась ничтожная кучка; слова представителю рабочих тоже не дали, так что выявить своих взглядов харьковским меньшевикам тоже не удалось; говорил же от имени рабочих какой-то самозванец, смиренно умолявший либералов не забыть и „меньшей братии“ в случае, если либералам не удастся добиться конституции. Такого оборота дел не ожидали даже меньшевики, и пришлось им издавать специальную прокламацию по поводу неудачи, постигшей их на банкете 5-го декабря 1904 г.

Понятно, что с такой тактикой и такими методамм работы события 9-го января застали Харьков врасплох. А между тем, харьковская пролетарская среда имела достаточно горючего

материала, о чем свидетельствуют как, вообще, все забастовки января и февраля, о которых мы говорили выше, так и тот факт, что рабочие, принявшие на паровозостроительном заводе социал-демократическую резолюцию, готовы были к революционным выступлениям. Нужно было только, чтобы в руководящих верхах меньшевистского Харькова горело побольше революционного сознания и готовности действовать решительно и быстро.

Вместо этого, как раз в тот момент, когда, по призыву комитета в знак солидарности с петербургскими рабочими, забастовали и харьковские, — лидеры местной организации опять призывали пролетариат... на банкеты.

„Дело в том, что осталось несколько часов до собраний,— пишет в своем письме от 18-го января один из харьковских меньшевиков,—которые бог знает чем кончатся, много очень точек, которые мелькают перед глазами: смерть, избиение, тюрьма и т. д. Смотря по тому, как начнется, в какую форму выльется и в какой степени будет „благосклонное“ участие полиции, казаков, войск и пр. Сегодня, в 8 часов, имеет состояться банкет, устраиваемый радикальной частью интеллигенции по поводу 100-летия Харьковского университета, на котором будут присутствовать профессора, студенты и рабочие. Заранее уже намечены, выработаны три резолюции: одна—либерально-умеренная, другая — крайне-демократическая и третья—нечто среднее между двумя первыми. По этому поводу вчера собрались, с своей стороны, и мы для предварительного обсуждения характера этих резолюций и своего поведения и отношения к банкетистам-либералам и вынесли приблизительно такую резолюцию: выразить порицание организационной комиссии по устройству банкета за то, что она фактом приглашения для выработки резолюций лишь студентов социал-демократов, а не представителей местного социал-демократического комитета, тем самым игнорирует и не хочет считаться с социал-демократической партией, как целым: это—во-первых; во-вторых, если доступ на банкет для нас будет прекращен, то врываемся силой; в-третьих, если не будет принята резолюция, желательная нам, единственно под которой мы можем подписаться, т. е. немедленное прекращение войны, созыв учредительного собрания и амнистия всем политическим и религиозным преступникам и притом не в форме просьбы, а требования, то мы

срываем банкет и превращаем его в собственный политический митинг. Выработанное вчера, сегодня будет проводиться в действие. Перспектива богатая, последствия имеют быть интересными, а пожалуй и трагическими. Войска давно уже наготове. Впрочем, не будем забегать на несколько часов вперед. С своей стороны, я готов на все, хотя бы было гораздо приятнее получить пулю на русских баррикадах, но... Настает момент на нашей дорогой, побитой, многострадальной родине, когда требуется отдавать не только личное счастье, здоровье, а всю жизнь безраздельно. По моему нет лучшего, более чистого, высокого счастья, как умереть за свободу, за идеал социал-демократической партии. Жаль, что умирать возможно лишь один раз".

Харьковские рабочие поддерживали своих петербургских товарищей забастовками, шли на эти забастовки, как сознается и официальный жандармский документ, даже не пред'являя экономических требований, а только из чувства солидарности; а меньшевики—социал-демократы опять звали рабочих на либеральный банкет.

В. Невский.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАЧКА СОЛИДАРНОСТИ И ПРОТЕСТА.

Глубокие причины, вызвавшие движение петербургского пролетариата в январские дни 1905 года, таились в самом существе того строя, каким характеризовалась Россия Николая II. Эти причины одинаково действовали на всем протяжении самодержавной страны, и то обстоятельство, что во главе движения на мгновение оказался священник Гапон, было результатом тех своеобразных условий, в каких жила и развивалась царская Россия.

Постоянные, присущие буржуазному обществу противоречия толкали рабочих на борьбу, независимо от желаний, стремлений и целей, какие ставили себе не только такие личности, как Гапон, но даже целые партии и революционные течения, которые имели более или менее прочные корни в рабочем классе. Не напрасно социал-демократия в Петербурге в январе 1905 г., на момент оказавшаяся практически позади движения, правильно указывала, что после своего паломничества к царю

рабочий класс окончательно убедился, что не к царю нужно идти и что под другими знаменами необходимо добиваться своих прав, ибо в самой основе буржуазного общества и царского режима заложены те пружины, которые заставляют рабочих вставать для борьбы.

Блестящим доказательством этих мыслей было не только то, что произошло на улицах столицы в январские дни, но и тот единодушный взрыв негодования и протеста, что прокатился по всей России. И во главе этого протеста передовым отрядом в боях с самодержавием, начавшихся по всей России после кровавого воскресенья, являлся пролетариат.

Не осталось ни одного крупного промышленного центра в России, где бы рабочие то в виде непосредственных столкновений с войсками на улицах, то в виде забастовок ни вставали на борьбу в знак солидарности с петербургскими товарищами. Даже глухие углы, где было всего несколько сотен рабочих, и те присоединились к общей борьбе. Везде, начиная от таких крупных промышленных центров, как Лодзь, Рига, Варшава, и кончая захудалым уездным городишком, везде рабочие пред'являли одни и те же требования.

Эти требования разно формулировались; способ их пред'явления, самые формы борьбы за них отличались в деталях; но суть, главное везде было одно и то же: то, что сказали петербургские рабочие 9 января, в тысячах отголосков, прокламаций, листков повторилось по всей стране. Нашли, конечно, отклик январские события в Харькове.

О том, в каком положении находились харьковские рабочие, можно судить хотя бы по тем требованиям, что были пред'явлены на Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороге (Дело о беспорядках 9—11 января, № 4, ч. I и далее 1905 г. Истор.-Революц. архив). Рабочие, между прочим, требовали: уничтожения штрафов за опоздание на работу даже на 5 минут; замены коптилок в закрытых помещениях другими источниками света; увеличения выдачи рукавиц; устройства вентиляции; назначения врача для мастерских и дежурства фельдшера; выдачи казенного столярного инструмента; отмену штрафов за утерю номеров для пропуска в мастерския; обязательного вывешивания расценок в мастерских; отмены под'емки вагонов зимой на открытом месте, на воздухе; освобождения маляров от очистки крыш вагонов при их окраске; устройства бани.

Рабочие одной из лучших дорог должны были работать при коптилках и без того в душных мастерских (напр., в литейной); работа производилась зимой на дворе, не было рукавиц, не было доктора, не было вентиляции, словом, обстановка работ была такова, как 50 лет тому назад, когда в России только что начинали строиться железные дороги.

Непомерно длинный рабочий день (вопреки закону начальство ухитрялось удлинять его), низкая заработная плата, варварское обращение начальства, беспричинное увольнение со службы,—все это было очень хорошо известно харьковскому рабочему. Так было в казенном предприятии, чего же можно было ожидать от частных заводов и фабрик, особенно небольших по размерам?

Забастовочное движение в знак сочувствия петербургскому пролетариату началось с самого крупного паровозостроительного завода. Здесь было к тому же наиболее сильно влияние социал-демократов. На собрании, происшедшем на заводе 17 января, была принята резолюция, предложенная Харьковским Комитетом Рос. соц.-демокр. раб. партии, и завод забастовал. Вот эта резолюция:

„Мы, рабочие паровозостроительного завода, возмущенные до глубины души дикой, зверской расправой царского правительства над петербургскими рабочими, их женами и детьми, сотни безвинно павших трупов которых требуют отмщения, бросаем сегодня, 17 января, работу в знак своего негодования против гнусного насилия самодержавия и приглашаем всех харьковских рабочих присоединиться к этому протесту посредством всеобщей забастовки и поддержать следующие требования, единодушно выставленные рабочими петербургских, московских, виленских, ковенских, ревельских и других заводов и фабрик:

1) 8-часовой рабочий день; 2) отмена сверхурочных работ; 3) уничтожение штрафов; 4) вежливое обращение со стороны администрации; 5) общедоступная врачебная и больничная помощь; 6) обеспечение всех потерявших здоровье и получивших увечье; 7) бесплатное обучение детей рабочих за счет государства; 8) улучшение гигиенических условий на заводах и фабриках; 9) свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек; неприкосновенность личности и жилищ; 10) полное равенство всех граждан независимо от пола, национальности,

религии; 11) освобождение всех заключенных и сосланных по делам стачек, политическим и религиозным и полное восстановление их в правах.

Принимая во внимание, что удовлетворение этих требований, общих для всех рабочих России, может быть осуществлено лишь при замене царского самодержавия представительным народным правлением, мы требуем немедленного созыва учредительного собрания из представителей, свободно избранных на основе всеобщего, равного для всех, прямого и тайного голосования.

Харьковский Комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫЕ РАБОЧИМИ ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА К ЗАВОДСК. АДМИНИСТРАЦИИ.

1) Увольнение помощника директора Гладкова и мастера Нестерова. 2) Повышение заработной платы на 20 процентов. 3) Увеличение платы чернорабочим до 1 рубля. 4) Приглашение еще одного врача. 5) Улучшение гигиенических условий в медницкой, котельной, медно-литейной и др. мастерских. 6) Чтобы дни стачки не считались прогульными и за них было уплачено. 7) Чтобы никто из рабочих не пострадал за стачку.

Рабочие паровозостроительного завода приглашали присоединиться к их протесту и „посредством всеобщей забастовки поддержать следующие требования... петербургских, московских, виленских, ковенских, ревельских и других заводов и фабрик". А главнейшими требованиями этих рабочих были, как известно, кроме восьмичасового рабочего дня, и все свободы, а также и созыв учредительного собрания.

Таким образом, своей забастовкой Харьковский паровозостроительный завод, во-первых, солидаризировался со всей остальной рабочей Россией и, во-вторых, принимая резолюцию, выработанную Харьковским Социал-Демократическим Комитетом, показывал, что он выступает под знаменем социал-демократии.

Радость петербургских жандармов накануне январьских дней, что рабочее движение идет не под руководством социал-демократии, скоро была омрачена не только в Петербурге, но и во всей России, примером чего в данном случае и служит Харьков.

Прошло довольно много дней, прежде чем забастовка охватила весь харьковский пролетариат; только в конце января

паровозники снова вступают в борьбу. К ним постепенно присоединяются сначала крупные заводы, а затем средние и мелкие и, наконец, ремесленные заведения.

Утром, 19 января, рабочие паровозостроительного завода пред'явили следующие требования: „Вполне сочувствуя требованиям петербургских рабочих, мы требуем: 1) 8-часовой рабочий день; 2) увеличение расценок и 3) увеличение поденной платы".

Забастовку начали поденные рабочие, пред'явив требование повысить заработную плату с 60 коп. до 1 руб. в день.

После этого в сборном цехе с криками: „бросай работу и выходи на совещание!" рабочие оставили работы, рассыпались по другим цехам и скоро на дворе завода начался митинг. Вытребовали директора завода Риццони и об'явили ему, что присоединяются к требованиям петербургского пролетариата, т. е. прежде всего к требованию 8-часового рабочего дня, а что касается требований второстепенного характера, то рабочие оставляют за собой право пред'явить их администрации завода через три дня.

Директор ответил, что он готов хоть сейчас выслушать их и немедленно телеграфировать в Петербург председателю Правления Иванову. Затем на трибуну вошел слесарь Бронислав Петрович Гаевский и предложил, не доверяя словам директора, выбрать депутатов для переговоров с администрацией и для руководства делом, а за ним выступил копировщик технической конторы Тимофей Ильич Трезин и прочел письмо Гапона к рабочим, призывавшее к борьбе с оружием в руках.

Тотчас же после митинга рабочие по цехам выбрали депутатов, и в тот же день состоялось первое совещание этих выборных. В три часа огромный завод замер.

Вслед за паровозостроительным заводом 3-го февраля забастовали паровозные и вагонные мастерские Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги. В течение 4, 5 и 7 февраля прекратили работы рабочие механического завода Бельке, большого завода Гельферих-Саде, заводы Мельгозе, Пильстрем, „Русский слесарь", зав. Трепке, маленьких слесарных заведений Игнатовых и Закржевского, терракотового завода Бергенгейма, табачной фабрики Кальфа, картонажной фабрики Гофман-Деуэль, а затем остановились конфектные фабрики и все типографии, так что в течение трех дней не вышла ни одна газета. Частично к забастовке присоединились пекаря.

По словам официальных документов (донесения губернатора и нач. губ. жанд. упр.), требования на всех заводах и фабриках сводились к следующему: уменьшение рабочего времени (до 8 часов), увеличение заработной платы, удаление особенно ненавистных мастеров, улучшение гигиенических условий мастерских, устранение обысков при выходе из мастерских, уплата жалованья за дни забастовки, улучшение медицинской части на заводах и фабриках и назначение постоянной комиссии из выборных от рабочих для рассмотрения конфликтов с администрацией (увольнение рабочих, штрафы и т. п.). Каждый завод индивидуализировал эти общие требования сообразно тем условиям, в каких находилось то или иное предприятие: в этом отношении особенно примечательны требования, пред'явленные железнодорожниками.

Часть этих требований начальник дорог не решился удовлетворить самостоятельно; к числу таких требований относились: восьмичасовой рабочий день, уплата за табельные дни, повышение платы молотобойцу от 1 руб. в день и чернорабочему (от 80 коп.); вознаграждение за каждый год в размере месячного содержания, при каких бы условиях рабочий ни был уволен. Но прослужившие 20 лет должны получит временное вознаграждение с правом продолжать службу, если они способны к труду; выдача больничных денег в размере поденного жалованья, хотя бы рабочий заболел без увечья; прибавка поденного жалованья вообще; учреждение праздника 19 февраля; избрание комиссии из рабочих для улаживания конфликтов с администрацией; уплата за дни забастовки. Этих требований удовлетворить не могли без разрешения министра.

Остальные же требования (о некоторых из них мы говорили выше), а именно: уничтоженне пропуска для входа в контору мастерских; уничтожение коптилок; выдача рукавиц; улучшение условий переноски материалов; устройство вентиляции; улучшение медицинской помощи; выдача бесплатных проездных билетов по чужим железным дорогам; скорейшая выдача больничных денег; уплата жалованья в ближайшую субботу после 11-го числа; выдача казенного столярного инструмента; отмена штрафа за утерю номеров для входа в мастерския и вход, в случае утери номеров, по квиткам; уничтожение бригадной работы в некоторых цехах; неприкосновенность личности депутатов, выбранных во время забастовки... и устройство молебна

на казенный счет—все эти требования администрация дороги удовлетворила.

Потребовалось огромное движение петербургских рабочих, кровь, ими пролитая на улицах Петербурга, чтобы харьковские рабочие могли, наконец, работать не при коптилках, а при более удовлетворительном освещении, чтобы им выдавали рукавицы и не брали штрафы за утерю входного номерка.

Забастовка на паровозостроительном заводе уже кончалась 10 февраля почти полной победой рабочих; но вследствие пред'явления новых требований пришлось ее начать снова. Когда же часть рабочих хотела стать на работы, то на помощь передовым рабочим пришли рабочие завода Гельферих-Саде, явившись на митинг паровозников в количестве 300 человек (перелезши через забор, т. к. полиция не пускала в ворота), и забастовка снова началась,

В общем, забастовка, начатая в январе по поводу петербургских событий и из чувства солидарности, закончилась только 15-го февраля и превратилась почти во всеобщую.

К каким же результатам привела эта забастовка? Лучшим ответом на это является письмо от 18-го февраля 1905 года одного из членов местной соц.-демократической организации, повидимому, меньшевика, перлюстрированное жандармами (то же дело, Истор.-револ. арх.). В этом письме говорится:

„Стачки начинают утихать. К сожалению, им не удалось придать характера всеобщности: не было для того сил, не было предварительной подготовительной работы, ряд провалов ослабил местную организацию и разрушил связи с кое-какими заводами и ремеслами. Стачка типографских рабочих окончилась успешно. Комиссия из представителей рабочих и владельцев типографий выработала соглашение, опубликованное в местных газетах. Добились 9-ти-часового рабочего дня, некоторого увеличения заработка, полной отмены штрафов и обысков. Только некоторые требования были отвергнуты хозяевами. Например, постоянная комиссия для выработки расценок и улаживания конфликтов была об'явлена принципиально неприемлемой, государственное страхование — стоящим вне компетенции комиссии и еще кое-что. В стачке принимали участие из солидарности (так и было заявлено в газете) рабочие „Южного Края“ Газеты не выходили два дня, за

исключением „Губернских Ведомостей“, печатавшихся под охраной полиции в размере полулиста. Первый после стачки № „Харьковского Листка“ вышел со следующим заявлением: „Этот номер выходит в свет с ведома и согласия представителей всех типографских рабочих гор. Харькова“.

„Стачка булочников вспыхнула стихийно, велась неорганизованно, неосмысленно и, разумеется, была почти проиграна. Рабочим табачных фабрик удалось кое-чего добиться, но, несмотря на гарантированную хозяевами и фабричным инспектором неприкосновенность депутатов, они (т. е. депутаты) и более деятельные рабочие были уволены, а некоторые и арестованы, хотя скоро и выпущены. Бастовали и конфектные фабрики, мелких уступок они добились. Интересно, что полиция в стачки не вмешивалась, а губернатор даже сказал депутатам от табачных фабрик, что он ничего не имеет против стачек и, вообще, экономической борьбы. Под угрозой возможной стачки сократили на час рабочий день хозяева слесарных мастерских. Дольше всех бастовал механический завод Гельферих-Саде. Около 2-х недель рабочие держались, когда полиции удалось уговорить старых рабочих-домовладельцев приступить к работе; удовлетворившись полученными уступками, за ними пошли и остальные. При этом несколько десятков рабочих было уволено. На заводе сильное брожение, и не сегодня завтра снова вспыхнет стачка. На паровозостроительном заводе начавшаяся для поддержки рабочих Гельферих-Саде стачка окончилась. Механический завод Пильстрема еще не работает. Железнодорожные мастерския получили уступки, вероятно, известные вам из напечатанной в газетах „высочайшей милости“. Бастовали они тоже около двух недель“.

Характер забастовки очень хорошо определяется самими врагами рабочего класса. Это была не только экономическая забастовка ради своих ближайших насущных нужд, но и забастовка политическая, стачка солидарности и общего протеста.

„В некоторых промышленных заведениях,—говорит губернатор в своем докладе,—рабочие не пред'являли никаких требований, но прекращали работы из чувства солидарности с другими забастовщиками или под влиянием их угроз. Рабочее движение развилось под давлением агитации, которая велась паралельно и на почве экономических условий рабочего быта, и на почве революционного движения. Агитация первого рода

преобладала в первоначальный период забастовок; в последнее время начинает более примешиваться к рабочему движению политическая пропаганда".

В. Невский.

САРАТОВСКАЯ ЗАБАСТОВКА.

...Саратовская забастовка началась через два дня после кровавого воскресенья в Петербурге и отличалась своей организованностью, яркой политической окраской и такой стойкостью, какой могли бы позавидовать многие промышленные центры России. Не говоря уже о том, что некоторые города, как, напр., Харьков, едва-едва раскачались к концу января, даже Москва ответила на Петербургские события очень вяло. Саратов между тем забастовал один из первых.

...Забастовочное движение, пишет корреспондент „Революционной России", идет с гораздо большею быстротою и широтою, чем могли предполагать даже те, кто рассчитывал на отзывчивость и подготовленность Саратова. Волна захватывала каждый час все новые и новые слои населения.

...Забастовка началась 12 января. Образовался центральный стачечный комитет, который и взял в свои руки практическое проведение забастовки, но так как главной силой в этом движении являлись рабочие, то фактически руководителем стачки оказался Саратовский Комитет рос. соц.-дем. раб. партии. Забастовку начали рабочие механического завода Беринга; они в числе ста человек утром, в десятом часу, явились в железнодорожные мастерския и прекратили там работы. Затем остановились работы на заводе Гантке в сталелитейном. Вечером состоялась сходка в счетном отделе Ряз.-Уральской жел. дороги под видом „вечерних занятий".

Присутствовали, кроме представителей всех отделов Управления Раз.-Ур. жел. дороги, и представители от служащих Городской и Земской управ. Председателем собрания выбрали бывшего учителя Петра Николаевича Казанцева. Обсуждались требования, выдвинутые Саратовским Комитетом Росс. соц.-дем. раб. партии, которые и были приняты. Решено также было выделить группы товарищей и возложить на них обязанность обойти на другой день все отделы дороги и предприятия и учреждения, где еще происходила работа. Специально для

проведения железнодорожной забастовки выделили и избрали депутатов: Казанцева Петра Николаевича, Козлова, Осипова и Попову.

...Требования, выработанные Саратовским Соц.-Дем. Комитетом, состояли из 14 пунктов. Впрочем, Комитет выпустил не одну, а шесть прокламаций, касающихся целиком январьских событий.

...В первой из этих прокламаций указывается, что рабочие Саратова выступили по призыву Саратовского Комитета, и выдвигаются требования политического характера: созыв учредительного собрания, прекращение войны и политическая амнистия. В другом листке выдвигались, кроме этих, еще и 14 требований экономического характера. Социалисты-революционеры издали две прокламации, одну общего характера и другую с теми же требованиями экономического характера, что выдвинули и соц.-демократы, только в иной формулировке, да с прибавлением немедленного повышения заработной платы на 50%, чего нет в соц.-демократической прокламации (в этой последней сказано общее: „повышения заработной платы", и прибавлено требование о празднования первого мая без вычета платы, и выдачи платы за царские дни). Как в листках соц.-демократов, так и в прокламациях соц.-революционеров выдвигались главнейшие требования, пред'явленные царю петербургскими рабочими: созыв учредительного собрания, 8-мичасовой рабочий день и т. п.

...На другой день, 13-го января, решение забастовочного комитета стало проводиться в жизнь: агитаторы соц.-демократического комитета обходили заводы и учреждения и останавливали работы. К 12 часам дня весь Саратов забастовал, если не считать водопровода и казенного винного склада, где стояли войска, не подпуская забастовщиков. Губернатор Столыпин только констатировал факт, когда на другой день, 14-го января, телеграфировал князю Святополк-Мирскому: „Забастовали все заводы, фабрики, типографии, мукомольни, электрическая станция, железнодорожные мастерския, депо, стрелочники товарной станции, служащие Управления железной дороги, городской и губернской земской управ, строительной конторы Астраханской линии. Выпуск газет и товарное железнодорожное движение прекращены"...

Надеясь, что пассажирское движение не остановится, Столыпин, однако, взывал о помощи: „Командующий войсками

отказал в присылке казаков. Войск две тысячи человек, изнуренных бессменною двухдневною службою; остальные необмундированные, ненадежные запасные. Вторично прошу генерала Косича выслать два батальона из Пензы". Конечно, и в Саратове, как и везде, забастовка проводилась одними и теми же приемами: группы рабочих агитаторов переходили от завода к заводу и останавливали работы. На железной дороге рабочие главных мастерских бросились в паровозное депо, затем на товарную и пассажирскую станции Саратова и по полотну дороги добрались до Князевских мастерских и станции Увек, призывая бросать работы машинистов, их помощников, телеграфистов, сторожей, стрелочников и ремонтных рабочих; 13-го января не работали железнодорожные мастерския Саратовского отделения (Уральские, Покровские, Саратовские), было прекращено телеграфное сообщение и товаро-пассажирское движение между Саратовом и Увеком. В сторону Аткарска прекратилось только товарное движение. Телеграфное сообщение, впрочем, очень скоро удалось возобновить. Четырнадцатого января, как раз в день подачи Столыпиным только что приведенной депеши, забастовка еще более разрослась, к ней примкнули парикмахеры и приказчики. Правда, вечером, 14 января, стали на работу Покровские и Уральские мастерския, но в общем забастовка еще росла. Не помогали и аресты.

...Четырнадцатого января к забастовке примкнули ученики средне-технического училища и рабочие казенного винного склада, а 15-го забастовали ученики старших классов гимназии и реального училища. Гимназисты и реалисты явились в женскую Мариинскую гимназию с целью прекратить ученье и там.

Когда гимназисты и реалисты расходились по домам, прибывшие, наконец, в Саратов, по настоянию Столыпина, казаки налетели на учащихся и жестоко их избили. Тем не менее забастовка учащихся продолжалась, и в ней приняли участие семинаристы и фельдшерская школа.

В общем забастовка протекала мирно. Социалисты-революционеры пытались устроить демонстрацию, но усиленные наряды войск и патрули не дали возможности осуществить это. Зато недалеко от города происходили многолюдные митинги (в Парусиновой роще), организуемые Саратовским Комитетом соц.-демократов. Один из таких митингов отличался особенным многолюдством; 16-го января собралось до 2-х тысяч человек,

произносились горячие речи, читались требования петербургских рабочих, обсуждались дальнейшие шаги в саратовских событиях, вырабатывались требования.

...Однако, постепенно движение стало ослабевать; кульминационным его пунктом являлся день 14-го января, 15-го движение еще полно сил, но 16 и 17-го уже чувствуется понижение энергии.

Большую роль здесь сыграла тактика предпринимателей и, главным образом, Управления дороги: пойдя сразу на уступки, Управление поколебало главный отряд саратовского пролетариата, двухтысячную массу железнодорожных рабочих. Мастеровые же частных заводов вынуждены были стать на работу еще раньше, так как частные предприниматели просто об'явили расчет, помощь же забастовщикам, несмотря на громадные усилия социал-демократического комитета, в общем протекала медленно и в небольших размерах; так, за 12 и 13 января, согласно отчету Саратовского Комитета, для рабочих собрали всего 3400 р., из которых 700 руб. надо было послать в Петербург. С утра 18-го января стали на работы мастеровые заводов Беринга, гвоздильного, паровых мельниц и типографий. Комитет видел, что забастовку нужно кончать, и на 19-е решено было забастовку прекратить.

Девятнадцатого жандармы и Столыпин с торжеством телеграфировали в Петербург, что все службы и отделы Управления дороги, мастерския и депо стали на работы. Забастовка, продолжавшаяся неделю, закончилась.

Саратовская забастовка захватила сравнительно небольшое число рабочих: от 2 до 3 тысяч железнодорожных рабочих, до 1500 рабочих мельниц, тысяч до 2-х всякого рода других рабочих, 800 управленских служащих, в общем тысяч до десяти человек, но не в численности ее значение. Значение ее состояло в том, что она показала, какое огромное влияние имеет социал-демократия, руководящая рабочим классом. Несмотря на неправильную тактику меньшевистской земской кампании, саратовские рабочие сумели инстинктивно найти правильный путь и, в конце концов, пойти по линии, указываемой большевиками. И идя этим революционным путем, путем забастовки, они увлекли своим движением и мелко-буржуазную массу управленских служащих, и земский и городской третий элемент, и даже учащихся. Своей готовностью к борьбе, своим дружным

выступлением, своей солидарностью, они увлекли весь город и в своем классовом движении сумели выразить интересы всех истинно-революционных групп населения. О значении железнодорожной забастовки говорить нечего, ее, конечно, власти боялись больше всего, и она всколыхнула город больше всего. Рабочие бастовали и прежде, а белые рабы, служащие железных дорог, бастовали впервые. Бастовали вообще, так называемая, интеллигенция, служащие земской и городской управ. Это и создало ту атмосферу сочувствия рабочему движению, которая так раздражала жандармов. Жандарм Федоров в своем донесении в департамент полиции с горечью замечает, что даже „родители учеников исключительно из интеллигенции, как-то: присяжные поверенные, доктора и лица, прикосновенные каким-либо образом к земству, сами потворствовали детям в „забастовке", пред'явив требование г.г. директорам заведений о приостановке учебных занятий". Впрочем, этого жандарма утешили зато г.г. директора, которые, „созвав педагогические советы, пришли к заключению приостановить занятия не более как до 24 января". Словоохотливый ротмистр доносит начальству, что „в г. Саратове корни противоправительственного движения засели глубоко, и благодаря сочувствию местной интеллигенции, особенно разлиберальничавшейся за последнее время, революционное движение идет быстрыми шагами вперед". Он пугает начальство новым взрывом движения и беспомощностью местной власти, чуть ли не строча донос на губернатора, который разрешает собрания. Мы не приводили бы этих мнений жандарма, если бы в них не скрывалась очень большая доля истины. „Кроме сего, необходимо обратить внимание, пишет он, и на то, что толпа, собравшаяся в количестве до 1000 и более человек в каком-либо помещении, до крайности разнузданная и не считающаяся ни с присутствием среди себя даже женщин, ни с какими бы то ни было самыми обыденными правилами приличия и законного порядка, прямо-таки силою не допускает присутствия полицейского наряда в зале собрания, закрывая перед ним двери. На закрытие же подобных незаконных собраний силой местная администрация не решается, так как таковое повело бы за собой вооруженное столкновение чинов полиции с толпой".

Да, толпа в январе 1905 года после кровавой расправы в Петербурге, даже в провинции была не прежняя толпа рабов,

а граждане, не останавливающиеся перед вооруженным столкновением не только с полицией, но и с войсками. Даже в Саратове рабочие на сходках в той же Парусиновой роще, хотя и плохо, но были вооружены, и власти не решались разгонять их силой.

В. Невский.

Прокламация Харьковского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии по поводу 9 января 1905 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К о в с е м р а б о ч и м и р а б о т н и ц а м г. Х а р ь к о в а.

Товарищи! Грозной волной несется стачечное движение из одного конца России в другой. Тысячи и тысячи рабочих и работниц бросают работу и заявляют всем своим угнетателям непоколебимую решимость улучшить свое экономическое положение и из бесправных рабов сделаться свободными гражданами свободной России. Уже не раз стачечное движение принимало крупные размеры, перебрасываясь с одного конца России в другой. Но никогда, товарищи, мы не были столь близки к победе, как теперь. Еще так недавно рабочий класс в России являлся одиноким в своей борьбе с царским самодержавием. Недавно еще все пряталось и пугливо выглядывало из своего теплого и сытого убежища, когда русский пролетариат в своих схватках с царскими опричниками оглашал улицы городов громким криком: „Долой самодержавие!“ Но вместе с ростом рабочего движения, по мере того, как рабочий класс все более и более выступал на арену общественной жизни, как организованная сознательная сила,—просыпались и другие классы русского общества. Их окончательно разбудила преступная война, война никому, кроме шайки народных палачей, ненужная. Десятки тысяч наших братьев гибнут на полях Манчжурии от японских пуль и болезней. Небывалый кризис выбросил на улицу тысячи безработных. Война показала всей честной России, что самодержавное правительство—ее худший враг. Что для царской клики горе, нищета и бесправие народа? Лишь бы она, эта преступная шайка, веками обагряющая свои руки в потоках народной крови, утопала в роскоши и опьянялась властью. В борьбе против самодержавия рабочий класс

теперь не один. Теперь вся честная Россия ополчается на святую войну с этой многоголовой гидрой, предчувствуя восходящую зарю политической свободы.

Товарищи! И до нас докатилась грозная волна рабочего движения, одни за другими встают на борьбу рабочие фабрик, заводов и мастерских. Всех нас давит экономический гнет, нищенская плата, безмерный рабочий день. Всех нас ждет безвременная смерть, ранняя старость. Но неужели, товарищи, есть среди вас такие, которые теперь, после кровавых петербургских событий 9-го января, после этого беспримерного царского произвола, еще надеются улучшить свое экономическое и бесправное положение при самодержавном режиме? Нет, товарищи, это невозможно. Кто остался глух к призыву наших передовых борцов об'единиться под красным знаменем социал-демократической рабочей партии для борьбы против гнета капитализма и самодержавия, для борьбы за социализм, того заставили проснуться ружейные выстрелы царских палачей, убивших рабочих, женщин, детей. Эти толпы рабочих пришли к Зимнему дворцу со своим горем и нуждой, пришли искать защиты от гнета и бесправия. Они все еще верили, что царь добр, что только злые министры обманывают его, не говорят ему правды о нуждах народа. Но как горько и жестоко они поплатились за свое доверие. Царь-палач, царь-душегуб ответил им картечью. Потерянную на полях Манчжурии военную славу он вздумал восстановить на улицах столицы. Потоки крови, кровь рабочих, женщин и детей отделяют всю Россию от самодержавного зверя, и да будет проклят тот, кто хоть на минуту забудет эту святую кровь. 9-го января петербургские рабочие уже одними своими требованиями высоко занесли меч над головой старого порядка. Царское правительство еще защищается, оно еще думает продлить дни своего преступного существования. Но уже бьет его смертный час. Еще одно усилие, товарищи, еще одна последняя схватка, и занесенный над головой самодержавия меч народного правосудия опустится с сокрушающей силой.

Братья-рабочие! В свержении самодержавия заинтересованы не только мы. В то время, как мы самодержавие царя хотим заменить самодержавием народа, демократической республикой, некоторые слои буржуазии хотят лишить нас прав, хотят цензовую конституцию. Но только демократическая республика

обеспечит нам все необходимые условия свободной борьбы против гнета капитала, борьбы за равенство, братство, свободу, за социализм. Установить демократическую республику может только учредительное собрание. Для того, чтобы учредительное собрание верно отражало интересы рабочего класса, нужно, чтобы мы при выборе депутатов в это собрание были свободны, независимы и равны со всеми прочими российскими гражданами. Поэтому, товарищи, будем до последней капли крови бороться за немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Бросайте же работу, рабочие и работницы г. Харькова! Поддерживайте же друг друга в своей беспощадной и жестокой борьбе с капиталистами и самодержавием. Пусть знает самодержавное правительство, что никакими комиссиями об улучшении быта рабочих, никакими лицемериями оно не затуманит нашего сознания. И пусть ответом на это будет единодушный возглас:

Долой самодержавие!
Да здравствует учредительное собрание!
Да здравствует борющийся пролетариат!

Харьковский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Февраль 1905 г.
(4.000 экземпляров) Типография Харьковского Комитета.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим гвоздильного завода.

Мы, забастовавшие рабочие гвоздильного завода, требуем:

1) Созыва Учредительного Собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов.

2) Прекращения войны.

3) Прекращения всех дел по политическим преступлениям, освобождения и восстановления в правах всех пострадавших по таковым делам.

4) 8-часовой рабочий день, отмены сдельных работ.

5) Повышения заработной платы на 100%.

6) Отмены сверхурочной работы.

7) Отмены детского труда.

8) Отмены штрафов.

9) Выдачи за все дни болезни поденной платы.

10) Гигиенические улучшения: устройство печей, вентиляция и очистка помещений, отхожих мест.

11) Устройство библиотеки при заводе.

12) Вежливое обращение со стороны администрации и мастеров

Товарищи! Крепче держитесь! Настало время показать вам свою силу царскому правительству и капиталистам. Могучей волной разливается рабочее движение по всей России, и близок уже день, когда падет самодержавие и настанет политическая свобода.

Саратовский комитет.

Воспоминания о тех днях.

ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА С ГАПОНОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ. *)

Я жил под Смольным. Повидать друга мне хотелось. Я отправился, совершил путешествие и благополучно приехал.

Ну, как мои дела в мастерской и дома?

Так, так, отлично.

Степанов спрашивает мое мнение о кассе взаимопомощи, которая организуется в Питере.

Но я ничего не знаю. Что это за касса? Для кого? Кем организуется и кто предупредил мою идею?.. Он знает о появившейся организации. Повидимому, она прибыла из Москвы, а услышал о ней он от своего жильца. Это слесарь по имени С. Кладовиков. Через минуту он, Кладовиков, серьезно, бойко, как урок—дает об'яснения. Начинает с примеров материальной необеспеченности рабочих, их беспомощности в известных случаях, необходимости об'единиться в общество, но... я уже все это знаю, безусловно с ним согласен и нетерпеливо прошу об'яснить, кто учреждает это общество и условия вступления в него в качестве члена. Он охотно и с достоинством об'ясняет мне, что учредителями являются сами рабочие, семь человек, в числе которых состоит и он, Кладовиков.

Такое общество уже имеется в Москве, дает благодетельные результаты и, желая распространить таковые на питерских рабочих, прислало сюда своего представителя по имени И. Соколова, который собственно и является главным организатором.

В числе учредителей, помимо его, Кладовикова, состояли М. Ушаков, Сторожилов, Горшков, В. Пикунов и С. Устюжанин. Было несколько учредительных собраний в трактире на Астраханской улице, на которых председателем общества избран В. Пикунов. Устав уже подан на утверждение и носит название „Общество взаимопомощи рабочих механического

*) Очерк Н. Варнашева значительно сжат составителем.

производства в СПБ", представляя точную копию Московской организации. Они, учредители, уже обзавелись помещением под собрания. Великолепно.

Наконец, наступила среда. Я заблаговременно прибыл в Ломанский переулок.

Человек двадцать народу. Тишина. Председатель В. Пикунов. Излагает он свои мысли как-то добродушно и чисто рабочим разговорным языком. Он предлагает слово Соколову. Соколов заключает полный обзор возникновения общества, переходит на материальную необеспеченность рабочих в известных случаях жизни, т. е. болезни, безработицы, инвалидности и проч., и, положив в основу пословицу: „с мира по нитке—голому рубаха", доказывает спасительность взаимопомощи.

Затем переходит на значение кассы в смысле об'единения рабочих в мощную организацию для отстаивания интересов.

Заканчивает он свою речь призывом не щадить сил и энергии, агитируя среди товарищей о необходимости вступления в члены кассы.

Явившись на следующее собрание, я заметил его особенную многолюдность в сравнении с минувшим.

Недалеко от председательского стола я увидел сидевшего на стуле священника—фамилия его Гапон.

Его окружала группа человек в пять присутствующих, с которыми он беседовал. Темою разговора—все та же взаимопомощь и об'единение.

Я вмешиваюсь в беседу.

Председатель об'являет собравшимся, что из Москвы прибыл по делам один из членов Правления „Московского Общества рабочих механического производства" по фамилии Красивский.

Красивский произвел на собрание громадное впечатление. Он с большим искусством обстоятельно рисовал все прелести профессиональной рабочей организации на Западе, подкрепляя свои слова ссылкой на известных авторов (Вебб, Зомбард, Вигуру, Кулеман) и в то же время зло высмеивал существующие у нас революционные партии. Он доказывал возможность развития профессиональной организации под покровом самодержавия, которое по существу своему будет всегда на стороне труда, а не капитала.

Указывал способы, которыми, пока не возмужает организация, вполне возможно защищать отдельные личности и улаживать конфликты на фабриках и заводах, не говоря о возможности издания специальных законов, защищающих труд, легализующих даже такие средства борьбы, как забастовка.

...Гапон заглядывал изредка, не принимая никакого активного участия. Когда бывал, вокруг него всегда теснились группы рабочих, с которыми он беседовал до начала собраний и по окончании их. Он часто помогал рабочим деньгами, 5—10 рублей, ибо касса еще не действовала, а нуждающиеся всегда имелись, давал советы и ходатайствовал по их просьбам. В продолжение всего собрания сидит молча, изредка делая какие-то отметки в записной книжке и все время с интересом прислушиваясь.

Приближалась весна 1903 года.

Гапон совсем перестал появляться, но виделись мы довольно часто.

Засиживались мы у Гапона за полночь. Приблизительно около средины лета 1903 года произошло мое знакомство с Зубатовым.

Однажды мы с Соколовым отправились к таинственному барину (Зубатову). Пришли. Входим. Навстречу нам двигается господин среднего роста, с очень располагающей внешностью и приветливым видом.

— Наконец-то я вижу Варнашева. Давно хотел с вами познакомиться.

Началась беседа, которая продолжалась не менее 3-х часов. Говорил только он один. Речь шла о профессиональном рабочем движении. Он особенно обосновывал и доказывал правильность профессионального рабочего движения вообще и полную его возможность у нас в России при существующем строе. „Партии смотрят иначе, и будет совершена роковая ошибка, если рабочие подпадут под их влияние". Под конец разговора он снабдил меня литературой.

Вторичное мое посещение Зубатова состоялось спустя несколько недель.

У Зубатова находился Гапон.

Очевидно, между ними происходил горячий спор. Гапон, возбужденный, шагал по кабинету.

Не знаю, как познакомился Гапон с Зубатовым, но Соколов приписывал эту „честь“ себе.

Между тем, собрания в Лоцманском, прекратившиеся на время, возобновились, но дело двигалось туго. Чувствовалось отсутствие единой направляющей воли, и, пользуясь случаем, я завел разговор с Гапоном о необходимости вспрыснуть живой водой, если не мертвое, то умирающее дело.

Он говорит, что организация окончательно скомпрометирована связью с Московским Союзом механических рабочих, творцом которого был С. В. Зубатов, человек, который ведает всеми политическими делами и борьбою с революционными партиями. Чтобы оживить дело, необходимо выработать новый устав, с более широкими возможностями и по содержанию не имеющий ничего общего с Московской организацией.

Необходимо освободиться от правительственных агентов: Соколова—Зубатова и Ушакова—Витте, причем о Соколове он убежденно высказался, что последний получает от Зубатова определенное жалованье.

Им доверять нельзя.

При следующей встрече с Гапоном я понял, что у него был разговор с Зубатовым или, вернее, Зубатов предлагал ему принять руководство организацией, но он Гапон, уклонился.

Рождение „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга“ положило конец колебаниям Гапона.

Это произошло вскоре после катастрофы с Зубатовым.

Приехал он (Гапон) ко мне и, еще раздеваясь, проговорил:

— Ну, Николай Михайлович, с Сергеем Васильевичем все кончено—высылка в 24 часа.

Рассказав причины. Гапон добавил, что утром ему удалось повидать Зубатова, который, расставаясь, заплакал, прося Гапона не бросать дела организации рабочих, и указал ему лиц в административном мире, сочувствующих организациям.

Гапон сжился с мыслью,—так или иначе повести дело организации рабочих.

Свое решение Гапон подтвердил многим и через некоторое время состоялось учредительное собрание. Гапон доложил собравшимся, в каком положении дело, и высказался за необходимость окончательно бросить форму Московской организации, освободиться от опеки административных нянек и, что особенно важно, создать материальную независимость.

Никаких прений предложение не вызвало, так как все собрались сказать решительное „да".

Приступили к поискам помещения в районе Выборгской стороны.

Забот и затруднений было не мало. Направление организационной деятельности, а также и хозяйственной, принадлежало ответственному кружку, под председательством Гапона. Кружок свободно увеличивался каждым из явившим желание подписать контракт на помещение и разделить все остальные обязательства кружка. Еще до окончания ремонта, по субботам начались заседания кружка, посвященные текущим делам и обсуждению устава, забота о котором всех очень занимала, а особенно §§: „о собраниях членов для обсуждения своих нужд; об об'единении рабочих всех специальностей, а не только механических; право выступать „Собранию" на защиту своих членов, стачечный фонд и пр.".

Чтобы устав не казался очень либеральным, решили включить в общее название организации—„Собрание... фабрично-заводских рабочих СПБ." слово „русских". Упомянули о пробуждении национального самосознания, о религиозно-нравственных беседах. Наконец, устав был закончен, и Гапон очень энергично принялся проводить его утверждение. Как частичный результат, Гапоном было получено неофициальное разрешение начать деятельность „Собрания". Деятельность первое время была очень осторожная, неуверенная. Боялись правительства, опасались и партийных. Первое могло за какое-нибудь неосторожное действие или слово заставить отцвести „Собрание" раньше времени.

Вторые об'явили себя врагами „Собрания" и можно было ожидать с их стороны всяческих подвохов в смысле дискредитирования „Собрания", как во мнении рабочих, так и правительства, не говоря о том, что своею несдержанностью они могли привлечь на себя внимание шпиков и нарваться на арест, который опорочил бы организацию.

Указанные соображения вынуждали Гапона и ответственный кружок, а особенно председателя собраний, происходивших два раза в неделю, безжалостно бороться с выступлениями партийных.

Какими способами удалось Гапону внушить властям доверие к „Собранию" и в дальнейшем совершенно ослабить надзор

за последним, утверждать не решаюсь. Но и то, и другое было достигнуто не вдруг, а как бы завоевывалось исподволь, незаметно.

Градоначальнику Клейгельсу Гапон лично был известен еще до открытия „Собрания", благодаря каким-то докладам, и пользовался его расположением.

У Зубатова же Гапон познакомился с более или менее важными чинами департамента полиции, из которых определенно укажу на Скандрокова и Лопухина. Возможно, что последние, учитывая рекомендацию Зубатова, смотрели на Гапона, как на единомышленника его, и в дальнейшем оказывали ему всяческое содействие. На этих лиц, как на сочувствующих рабочей организации, указывал и Зубатов в день своей высылки. Не помню причины, потребовавшей содействия последних, но только оно было ими оказано Гапону при градоначальнике Фулоне.

Приблизительно в январе месяце 1904 года Гапон познакомился с Герасимовым, если не ошибаюсь, начальником охранного отделения.

Посещение Герасимова, в одном случае, было вызвано моею неосторожностью, выразившейся в легкой критике существующего строя на одном из собраний. Меня не побеспокоили. Гапону же, вооружась протоколами собрания, пришлось обелять мою благонадежность.

Свои сношения с названными лицами от меня и Васильева, а позднее от Карелина и Кузина Гапон не скрывал. В каждом случае лежала та или иная необходимость, обусловленная сохранением „Собрания", а вначале и проведением устава.

Масса же не разбиралась в служебном положении лиц. Она твердо знала, что без сношения с властями в таком деле нельзя сделать шага.

Осторожная тактика „Собрания" продолжалась до весны 1904 г. или, вернее, пока оно не почувствовало свое положение более или менее прочным. Устав был утвержден и состоялось торжественное открытие. Гапон был избран и утвержден председателем „Собрания". Правительство смотрело снисходительно, а его представители милостиво жертвовали то на библиотеку, то на журналы или газеты.

Еще до утверждения устава начались лекции.

Ответственный кружок к тому времени вырос человек до ста, из которых каждый являлся убежденным агитатором идей „Собрания“, но не ошибусь, если скажу, что все они недолюбливали политику и являлись сторонниками мирного профессионального движения.

Ощущался недостаток в инициативных, авторитетных и смелых рабочих силах. В дальнейшем, вначале как гости, а через некоторое время, как члены, появились супруги В. М. и А. Е. Карелины, Д. В. Кузин, И. М. Харитонов, Я. Иванов, А. Усанов, В. А. Князев, В. Иноземцев и др.

Большинство из них были люди, уже искушенные в политике, побывавшие в разных переделках и с клеймом политической неблагонадежности.

Первое время они держались очень осторожно, ничем себя не проявляя.

Гапону удалось поколебать их осторожность и рассеять сомнения. Они приступили к работе и сняли „запрет“ со стен „Собрания“, что сразу выразилось в увеличении вступающих в члены „Собрания“.

Карелина с компанией одним своим появлением создала совершенно иную атмосферу. Мозг заработал напряженнее, и пульс усилил темп.

„Собрание“ левело, не исключая и Гапона; вести какую-либо свою линию, не считаясь с оппозицией, было невозможно.

Когда же в стенах „Собрания“ появились Карелин, Кузин, Иноземцев и др., люди с определенным революционным настроением, опора Гапона начала ему изменять.

Оппозиция не упускала ни единого случая коснуться положения „Собрания“ и его целей, все сводя к сомненю. Такие напряженные, нервные и сильно озабочивающие Гапона отношения с оппозицией продолжались, пока последняя не сблизилась и не проникла к нему доверием. Произошло это, благодаря сходкам, происходившим у Гапона на квартире.

Жизнь забила ключом в „Собрании“. Появилась в избытке интеллигенция, в качестве лекторов и артистов. Купечество давало средства на открытие мастерской и склада, прибыль от которых должна была пойти на усиление средств „Собрания“. Партийные изредка заглядывали на собрание.

Начали открываться отделы—Нарвский, Василеостровский, Петербургский и т. д. Открывались отделы с молебнами, а иногда и с присутствием градоначальника и прочих властей.

Решение на выступление было принято Гапоном и его сотрудниками 28-го ноября 1904 года.

Собрание это, решившее выступление, можно вполне определенно назвать заговором на выступление. Состоялось оно на квартире у Гапона, хотя таких собраний, связанных с петицией, было не одно. Были приглашены все 11 председателей отделов, со своими штабами, т. е. каждый явился с 2—3 человеками. Всего собралось 35 человек.

Собрание было жаркое, в буквальном и ином смысле, в виду взволнованности и напряженности присутствовавших.

Речи Гапона и других, то торжественно серьезные, то страстные до отчаяния, так овладели всеми, что пишущему это в первый момент показалось, что результат достигнут обратный—какая-то растерянность и паника отражались на лицах и движениях всех. Но вот начали раздаваться восклицания и фразы, в которых звучал один вопрос: когда, каким способом и что надо делать?

Что же касается шествия всем миром ко дворцу, то таковое еще не созрело в голове у Гапона. Но все сходилось на одной мысли, что если рабочим подавать свой голос, то чтобы его услышало не одно правительство, а вся Россия. „Умирать—так умирать с музыкой“, как выразился, кажется, Иноземцев.

Разошлись с решением—как содержание петиции, так и способ подачи ее разработать Гапону.

Принятое решение особой, заметной перемены в жизнь отделов „Собрания“ не внесло. Концерты, лекции, танцовальные вечера и собрания сменялись одно другим.

Заметно было, что особое внимание и одобрение у слушателей вызывала та речь, которая касалась политики, особенно когда таковая связывалась с классовыми интересами присутствующих.

Вспоминаю собрания в Коломенском отделе у И. К. Харитонова. Приезжий из центра говорил довольно смелую, для того времени, речь, в основу которой была положена любовь, или вернее—призыв к борьбе за свободу. Начал он и закончил ее восклицаниями, кажется из Беранже: „Пусть хоть пушки

грянут—пей за свободу мировую". Весь зал как бы вздохнул в ответ: „Пей за свободу мировую".

Около половины декабря 1904 года на Путиловском заводе были уволены 4 рабочих, состоявших членами „Собрания".

Гапон, вернувшись из Нарвского Отдела, сказал, что он видит в этом увольнении вызов со стороны завода „Собранию".

Гапон собрал на совещание всех председателей отделов.

На второй или на третий день Рождества, когда была потеряна надежда на мирный конец, состоялось об'единенное собрание отделов на Васильевском острове, на котором было принято решение о всеобщей забастовке с подачею петиции.

Начало забастовки было об'явлено с нового года.

5-го января я лежал больной. Раздался звонок.

Дверь распахнулась. Вошел Гапон, не раздеваясь, в шубе и шапке.

— Вставай! Хворать не время! Едем—центр без вожака!— проговорил он, закуривая.

Я понял все. Момент, к которому готовились—наступил. По дороге он мне перечислил все крупнейшие заводы, которые забастовали два дня назад, а сегодня уже не дымит ни одна труба... Я спросил, готова ли петиция.

— Петицию получишь завтра, или лучше заезжай за ней; еще не выработан текст. Получив ее—собирай подписи, не теряя ни минуты. Ночевать я не буду и тебе советую тоже. Каждый вечер буду сообщать, где буду ночью, а днем буду присылать нарочных, в какой отдел еду.

Вот приблизительно то, о чем мы успели переговорить во время 10-минутной езды до отдела.

Приехав в отдел, мы застали собрание в полном разгаре. Открыто говорилось о петиции. Призывались все для подписи петиции 6-го, с двух часов дня.

Прервав собрание, Гапон обратился ко всем с речью. Начал он с Путиловской стачки, как о примере бесправия рабочего класса; коснулся общей обездоленности и царящего произвола; умирающих в степях Манчжурии и гниющих в тюрьмах, „Царь не знает наших нужд, мы о них ему скажем. Если он любит свой народ, он исполнит его смиренную просьбу".

— Шестого января, к 12 часам дня, я уже был у Гапона, но петиция еще не была готова. У него я застал Тана, Богучарского и еще незнакомого мне интеллигента, который был занят составлением текста петиции.

С Гапоном мы вышли в другую комнату и здесь, взяв меня за рукав, он пониженным голосом, очевидно, не желая, чтобы слышали в соседней комнате, спросил:

— Скажи, как по твоему. Не лучше ли будет, если подавать петицию мы отправимся всем миром. Известим царя и кого следует, что, скажем, в воскресенье, соберемся у Зимнего дворца! Что народ хочет его видеть и больше никого! Что ты скажешь?

В первый момент я был ошеломлен.

Петиции я не дождался.

Приехав на Оренбургскую, я уже застал не только помещение, но и улицу переполненной народом. Порядок работы в отделе определился сам собою и продолжался все три дня. Являлись целыми фабриками и заводами и, соблюдая очередь, наполняли помещение с просьбою записать членами Собрания, выработать требования для пред'явления заводской администрации. Требования записывались.

Об'яснялась петиция, ее связь с их экономическими требованиями, общим положением рабочего класса, улучшить которое может только царь, предоставив рабочим права. Предлагалось в соседней комнате всем расписываться на листах бумаги, которые будут прищиты к петиции.

Все силы отдела до последнего рядового были налицо.

Петиция была доставлена Кузиным или Васильевым, с окончательным решением Гапона—шествие всеми отделами к Зимнему дворцу в воскресенье, 9-го января.

7 и 8 я уже об'являл о способе подачи петиции, назначая сбор всех к 9 часам утра.

Партийных до 8 не было видно, и только в этот день 9 утром они появились. В этот день тронулась самая темная масса—текстильные фабрики, особенно сахарный завод Кенига.

Один из партийных, вынув прокламации, начал раздавать их. Некоторые вовсе не брали, а другие, посмотрев, недоуменно почтительно возвращали обратно.

Днем прибыл посланец Гапона с наказом явиться вечером 8, к 9 часам, в Апраксин рынок в лавку купца Михайлова.

Собрались на квартире купца Михайлова, в Горсткином переулке.

Это было последнее совещание Гапона и его сотрудников. Присутствовали 11 председателей отделов, председатель правления Васильев, казначей Каралин, секретарь Кузин, телохранитель Гапона—Филиппов и сам Гапон.

Настроение у большинства боевое. Лица горят. Глаза сверкают. Движения решительные, порывистые. Мысли выбрасываются и, как бомбы, взрываются, двумя тремя словами выражая и освещая целые идеи. Это особенно выражается Гапоном. Он не садится и в беспрерывном движении.

Все ясно сознавали нравственную ответственность за готовившиеся жертвы, ибо ни у кого не было сомнений в кровавой расправе правительства с народом, но... пусть будет так!

На чьи головы падет кровь невинных—рассудит время, а они докажут честность и чистоту своих намерений завтра, шествуя во главе отделов и безоружные, без ропота, разделяя общую судьбу.

Пусть будет так!

Так говорило большинство.

Моментально зреет решение о полнейшей безоружности во время шествия ко дворцу.

Гапон моментально набрасывает черновик письма к царю, в котором мы своими головами гарантируем ему его неприкосновенность и просим явиться выслушать народ.

Гапон говорит, что чуда он не ожидает, но на всякий случай будет иметь при себе два флага—белый и красный для общего сигнала: белый будет обозначать, что чудо свершилось—царь примет; красный же—как призыв к оружию и полная свобода действий для всех революционных партий, с которыми он условился, что они будут пассивны до последнего момента.

Загорается вопрос, где же добывать оружие после сигнала. Кто-то рекомендует арсенал Петропавловской крепости; другой—оружейные магазины, и вопрос гаснет—дело само покажет.

Первоначальную помощь раненым Гапоном предложено организовать В. Карелиной из женщин—членов „Собрания“; они будут иметь повязки на руках и будут снабжены бинтами для перевязок.

Наступило 9 января. Народ прибыл. Собравшимся наскоро прочитывалась петиция и предлагалось двигаться в город.

В 12 часов мы тронулись. Шествие было такое, что голова входила на Дворянскую, а хвост находился кое-где на Оренбургской.

В конце Дворянской улицы у Александровского парка видны были войска, пехота и кавалерия. Мы еще были шагах в пятистах, как среди войск началось передвижение. Кавалерия обратилась в нашу сторону. Послышался сигнал, сверкнули обнажившиеся шашки и стройно, усиливая аллюр до карьера, она ринулась на нас. Одновременно послышались залпы. Это действовала пехота по Петроградскому отделу. Кавалерия промчалась до Самсониевского моста и начала перестраиваться. Все спасались, разбегаясь в прилегающие улицы, перелезая через заборы и открывая ворота (закрытые по приказу), которые моментально наполнялись народом. Не успевшие войти в Дворянскую улицу, бежали обратно по Самсониевскому мосту. Валялось много фуражек, шапок и галош, которые так и остались, как трофеи, победителям. Делать здесь больше нечего, а надо поспевать к Зимнему. Уже скоро час. Добравшись до Невы у часовни спасителя, я полез через перила и по льду направился в город.

Я был на углу Александровского сада на площади Зимнего дворца, здесь же я увидел очень много товарищей с Оренбургской. Говорили, что за Нарвской заставой произошла форменная бойня. Гапон убит.

На углу сада виднелась груда тел, которая шевелилась, как черви.

Итак свершилось. Царь жив, но—вечная память ему. Он сам себя расстрелял.

Н. Варнашев.

22 января 1923 года.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ И ГАПОН.

Я встретился с Гапоном совершенно случайно весною 1903 года.

Работал я тогда на Васильевском Острове. У нас была небольшая, но хорошо спевшаяся группа рабочих-печатников, по большей части старых революционных работников. Все мы интересовались общественными делами, а особенно тем, что касалось рабочих. В то время стали открываться чайные и столовые общества трезвости. В этих столовых и чайных

духовенство и вело проповедь против пьянства. Наша компания печатников приходила обычно по вечерам, занимала излюбленный столик, баловалась чайком и вступала в споры с попами.

И вот однажды появился новый священник. Замечательный это был священник: черный, стройный, голос у него был баритон, симпатичный, а главное—глаза. Таких глаз я никогда больше не видал. Священник мог смотреть так, что трудно было выдержать его взгляд, по получасу не спуская с вас своего взора, глаза его точно заглядывали в душу, в самую глубину души, будили совесть человеческую. Замечательный был священник.

Это был Гапон.

Он изредка появлялся в чайной и выступал. Некоторые из нас просили слова и говорили, спорили с попами, духовенством. Гапон обратил на нас внимание. Среди нас был молодой горячий паренек, рабочий Егоров. Он особенно часто и резко выступал против духовенства, и за это его выслали в Архангельскую губернию. Эти выступления и обратили внимание Гапона на нас.

И вот как-то раз он подсел к нам. Завязался разговор. Из разговора этого мы убедились, что Гапон не такой, как все, священник. Познакомились поближе и 9-го мая сошлись на квартире Варнашова.

Гапон много говорил и высказал мнение, что нужно отвлечь рабочих от чайных трезвости, от дурного влияния попов. Говорил он и о том, что необходимо устроить свое рабочее общество, свой клуб и чайную.

В нашем кружке, кроме меня, были Варанашов, Кладовиков, еще один рабочий каретник, фамилии не помню.

Все, кроме меня, ухватились за мысль Гапона открыть чайную, я же был против. Однако, чайную открыли еще до 1904 года на Васильевском острове. Вошло человек 70—80. Собирались, пили чай, беседовали, но дело шло шатко так до марта 1904 года. В это время были уже Кузин, Васильев. Гапон не был доволен чайной. На собрания приходили социал-демократы и социалисты-революционеры, выступали, громили Гапона и нашу чайную, называли нас зубатовцами.

Мы знали, что Гапон имеет какие-то связи с полицией, и держались осторожно. Я был большевиком и участвовал еще

в организации Бруснева, имел большие связи с рабочими и с интеллигенцией,—с Брусневым, Красиным, Цывинским, Александровым, умершим Голубьевым. Николай Дементьевич Богданов, приятель детства, оба Афанасьевы, Мефодиев—вот те, что находились вместе со мной в Брусневской группе.

Эти старые связи и мешали как-то поверить Гапону, а когда поверил ему, то и пришлось порвать с интеллигенцией и партией, потому окрестили меня: зубатовец.

Познакомились поближе с Гапоном, узнали его, но все как-то не верилось, что из знакомства с ним выйдет что-нибудь хорошее для рабочих. Однако, как же мы поверили в Гапона? Случилось это весною 1904 года в марте, так.

Собралась наша компания полиграфического производства на квартире у Гапона. Говорили, спорили. Он и открыл здесь основные требования своей петиции. „Распространяйте эти мысли, говорил он нам, стремитесь к завоеванию этих требований, но не говорите, откуда они".

Мы были поражены тогда. Ведь, я все же был большевиком, с партией не порвал, помогал ей, разбирался; Кузин был меньшевиком. Варнашов и Васильев, хотя и были беспартийными, однако, честные, преданные, хорошие, понимающие люди.

И вот все мы увидели, что то, что написал Гапон, шире социал-демократов. Мы и поняли тут, что Гапон честный человек, и поверили ему.

До этого мы нравственно как-то не могли помогать Гапону, как-то не верили ему. Он открылся нам; говорил, что знаком с Зубатовым, с градоначальником, с Плеве.

„Я хожу туда, к ним, говорил он нам, когда мы спрашивали: „Зачем ходишь туда?"—для того, чтобы помочь делу, для организации".

Поэтому не верили ему сначала. Говорили себе: „Как же мы будем привлекать в клуб рабочих? А зубатовщина? Боимся из-за зубатовщины".

Но после этой беседы у него на квартире поверили ему.

„Какими же это путями вы, батюшка, думаете осуществить все это, петицию?—спрашивали мы у него.

Гапон долго рассказывал нам. „Ежели мы, говорил он, устроим такие клубы, как в Петербурге, в Москве, Харькове, Киеве, Ростове на-Дону, Иванове, то покроем постепенно

такой сетью всю Россию. Об'единим рабочих всей России. Может быть вспышка, всеобщая, экономическая, а мы пред'явим требования политические".

Так и поверили мы в Гапона с марта 1904 года.

После этого, после того как уверовали мы в Гапона, великим постом 1904 года мы начали действовать шире, повели открытую агитацию.

Гапон добился разрешения открыть общество.

В апреле выбрали правление. Председателем выбрали Васильева, секретарем Кузина, казначаем меня, Карелина, членами Варнашова, Кладовикова, каретника, фамилии не помню. Жена моя Вера Марковна Карелина тоже была допущена в правление с решающим голосом, вроде как бы кооптирована, тогда этого слова еще не было, а вышло вроде этого. Вера Марковна вошла для организации женщин.

Гапон часто говорил, что и женщин нужно привлекать. Они, мол, по темноте своей отвращают мужей от политики. Вот и работала Вера Марковна среди работниц.

Сам Гапон членом Правления не был, а считался как бы руководителем общества.

Первый отдел общества открыли на Выборгской стороне. Затем в мае на Васильевском острове.

Здесь очень скоро вошло до 2 тысяч народа, потому что и у меня, и у других имелись обширные связи и знакомства с рабочими еще с давних времен.

В июне открылся третий отдел за Нарвской заставой. Тут тоже много народа вошло, потому что были у меня очень старые знакомые рабочие, влиятельные, еще с брусневских времен.

Дело было чистое. Народ и шел к нам. Говорили много нехорошего о Гапоне. Если бы это верно было, то ведь арестовали бы кого-нибудь. А то никто за все время не был арестован, никого не выследили, хотя, случалось, говорили открыто и очень резко и беспартийные и партийные социалисты, что приходили к нам на собрания.

Потом за Невской заставой открылся отдел. Здесь пришел к нам Петров, грязный, нехороший человек. Потом он книжку напечатал. Не сам он ее писал, а интеллигенция бесхребетная научила его.

Скоро союз наш перекинулся из города в Колпино, в Сестрорецк. Да и как не перекинуться?

Гапон ревностно относился к знаниям рабочих. Пригласил он Финкельштейна, присяжного поверенного, для чтения лекций, и тот еле поспевал, так много приходилось ему читать разных лекций и вести разговоров.

К концу сентября открылся отдел за Московской заставой, потом в городе Коломенский, Петербургский (на Геслеровском переулке), Гаванский.

И такая быстрота и успех происходили от того, что мы поверили ему.

В начале ноября считалось членов тысяч до 9-ти.

На собраниях бывала масса публики, приходили и так, из любопытства посмотреть.

Я казначеем был. Сидишь, бывало, вечером на собрании, не успеваешь записывать желающих.

В это время к нам пристал и Павлов Иван Ильич, оперный артист. Супруга его, сестра профессора Юрьевского университета Кудрявского, большая приятельница моей жены.

У рабочих была страшная охота заниматься. И чем только они не занимались. Кто математикой, кто русским языком, а кто и иностранными языками. На что они были им, не знаю, а занимались и этим. Занимались музыкой и даже гимнастикой.

Финкельштейн много читал нам, геолог Преображенский, Лекции Преображенского особенно большую пользу приносили, Рабочие ведь ничего не знали, как и что и откуда земля, мир, а в лекциях все это раз'яснялось и указывались причины.

Сначала у нас немного читало лекторов и выступало артистов. Придешь, бывало, к ним, просишь, просишь, отказываются.

Я и обратился к Павлову. Тот сначала запротестовал. „Как я пойду к рабочим, да притом к зубатовцам, говорил он: „еще арестуют". А затем согласился, пришел к нам, сорганизовал музыкальную часть. Он давла письма, записочки к артистам не так уж знаменитым, а средней руки, вот я и бегал по целым вечерам, больше все по субботам, упрашивал, приглашал их.

Сам Павлов значения в деле не имел, в правлении союза не состоял, да и от музыкальной части скоро отошел, потому

что, как—уже не знаю, делом этим занялась у нас Неметти. Она была в хороших отношениях с градоначальником.

К ноябрю у нас было уже 11 отделов и организовался двенадцатый в Сестрорецке.

Выборгский, председ. Варнашов, бесп.; Василеостровский, пред. Белов, печатник, бесп.; секретарем здесь был печатник Усанов, бесп.; Невский, предс. Петров; Коломенский, предс. Харитонов, соц.-революционер, а теперь коммунист; Гаванский, предс. Андрин, слесарь; Нарвский, предс. Иноземцев, металлист, бесп.; Петербугский, предс. Кладовников, бесп. (умер уже); Рождественский, Московский на Обводном канале (Дровяная улица) и Колпинский.

Для того, чтобы лучше провести в воскресенье собрание, мы все, председатели и секретари отделов, собирались накануне, чаще в субботу, либо в отделе на Выборгской (чаще всего здесь, потому что Гапон любил это место, как начало всему делу), либо на квартире у Гапона.

Тут мы читали что-нибудь, чаще всего нелегальное. В группе нашей был меньшевик Хадько, приносил он или я что-нибудь нелегальное или статью в журнале или просто рассказ какой-нибудь. Особенно, помню, большое значение имел рассказ один, под названием „В проходной".

Все прочитанное мы обсуждали, приходили к одному мнению, в субботу еще подготовлялись, а в воскресенье после лекции вступали в разговоры с рабочими, советовали, что прочитать нужно.

В каждом отделе библиотеки хорошие имелись, потом их после 9-го в охранку увезли.

Так мы очень хорошо прочищали мозги рабочих.

Большую пользу приносили, как я сказал, лекции Преображенского, но и сами мы хорошо проводили беседы и вечера. Особено хорошо это делал Варнашов, рассказывал о рабочем движении, революциях, партиях.

С наступлением весны Святополк-Мирского забросили лекции и стали читать исключительно газеты. В это время ничались земские петиции, мы читали их, обсуждали и стали говорить с Гапоном, не пора ли, мол, и нам, рабочим, выступить с петицией самостоятельно. Он отказывался.

Сошлись в это время мы с интеллигентами,—Прокоповичем, Кусковой, Богучарским и еще две каких-то женщины. Просили

Кузина привести их. Он привел, и вот в начале ноября в субботу четверо нас,—я, Кузин, Варнашов и Васильев и эти интеллигенты,—сошлись у Гапона.

Мы и задали вопрос этой интеллигенции: „Что бы вы посоветовали делать рабочим? Ведь, земцы выступают с петициями, заявляют свои требования, а как быть рабочим?“

Прокопович в ответ на это произнес длинную речь; суть этой речи сводилась к тому, что правительство, мол, обманывает, народ. Предложил он нам социал-демократическую программу.

Мы ему говорили на это, что так нельзя, что народ, все рабочие не пойдут за соц.-демократической программой.

Вот тогда-то на этом собрании Гапон и об'явил свою петицию. Интеллигенты были очен сильно поражены и сознались, что это было лучше программы, шире.

Сами же они нам ничего не посоветовали, как и что делать нам, мы от них ничего не добились. Они оказались в нетях.

У нас же было большое желание выступить с петицией.

С ноября месяца идет глухая агитация: „предложить свое, с низов“.

Мы глухо внедрили идею выступления с петицией на каждом собрании, в каждом отделе.

Тут как раз случился расчет рабочих на Путиловском заводе, двух членов союза. Гапон первый, как наш руководитель, указал нам, что надо защищать уволенных рабочих. Мы поддерживали его и, в свою очередь, внушали это рабочим.

Рабочие подняли бучу. Первое порешили идти к директору завода Смирнову, второе—к фабричному инспектору Чижову.

Смирнов встретил в колья, а Чижов совѣтовал успокоиться, говорил, что мы не правы.

Тогда пошли к градоначальнику Фулону. Это был хороший человек, сам сознавался, говорил: „Какой я градоначальник?“ Он и раньше бывал у нас на собраниях. Встретил хорошо, за руку с нами поздоровался.

Выслушал и сказал, что надо стать на работы и что у нас нет права требовать приема уволенных.

Мы доложили это рабочим.

„Как нет права?“ Загудели рабочие: „Искать права!“

Начинается забастовка. До Рождества шло вяло, наступили праздники, а после Рождества началась настоящая забастовка Пятого января весь Петербург стал.

Гапон собрал еще на третий день Рождества, 27-го декабря, большое собрание правлений всех отделов. Собралось человек 80 должностных лиц, ответственных, были и некоторые партийные, был и Финкельштейн. Кто он—не знаю, партийный или нет, а просто хороший человек.

Гапон на этом собрании упорствовал, был против выступления с петицией; мы же, наоборот, думали, что наступил самый подходящий момент для выступления.

Много говорилось на этом собрании и за выступление, и против. Каждый говорил суб'ективно. Кто боялся, кто думал, что ничего не выйдет, кому было жалко того, что есть. Вышло так, что при голосовании разделились почти поровну и решающим должен был быть голос Гапона: как он скажет, так и будет. Сильно верили в него.

Тогда я и сказал: „Товарищи! Нас называют зубатовцами. Но зубатовцы оправдали себя тем движением, что было от них в Одессе, а мы оправдаем себя подачей петиции". Мои слова и были как будто бы последней каплей. Гапон сказал: „Хотите сорвать ставку, ну, срывайте!" и голосовал за выступление. Это и решило дело, так как большинство голосов за Гапона.

Теперь нужно было подготовить петицию так, чтобы каждый отдел имел ее на руках, когда пойдет к царю. Павлов переписал ее на машинке, 12 экземпляров. Это верно. Переписка происходило на Гороховой улице. Это говорит верно Матюшинский, но чтобы сказать, что ее написал Матюшинский, это не верно: Основные положения в ней были наши. Может быть, прибавил что-нибудь Финкельштейн или кто-либо из партийных, но твердо думаю, что последний набросок петиции принадлежит Гапону.

С пятого числа мы стали читать петицию на собраниях рабочих в отделах.

Какое было настроенне у рабочих, видно из того, что люди слушали ее, складывали пальцы, как для клятвы, и поднимали руки. У людей было что-то чистое, хорошее. то что на всю жизнь остается.

Да, надо сказать, что ни у Гапона, ни у руководящей группы не было веры в то, что царь примет рабочих и что даже их пустят дойти до площади. Все хорошо знали, что рабочих расстреляют, и потому, может быть, мы брали на свою душу большой грех, но все равно уже не было тогда такой

силы в мире, которая бы повернула назад. Рабочих удержать было нельзя.

Гапон, однако, не верил сначала и в то, что пойдет весь рабочий Петроград, и потому накануне девятого послал меня и Харитонова на разведку узнать настроение рабочих, командировал нас. Харитонов пошел в Городской район, а я за Невскую заставу, Нарвскую, Московскую и на Обводный канал.

Рано утром, до шести часов, еще не звонили к утрене, вышел я из дома и пошел сначала за Невскую заставу, оттуда через Обводный за Московскую и под конец за Нарвскую заставу.

Сильно незабываемое впечатление на всю жизнь вынес я в это утро. Иду я по Обводному, встречаю двух старушек и слышу, как они говорят: „За нас батюшка идет, за нас пострадать желает".

Все время в нашей агитации мы выдвигали Гапона, упирая на то, что массы поведет Гапон, что за ним идут.

После этого обхода не осталось у меня сомнения, что народ пойдет на все, даже на смерть, потому что не только рабочие шли за Гапоном, но и мелкая буржуазия, лавочники, торговцы, интеллигенты.

Я шел вместе со своим Василеостровским районом, но все мы до площади не дошли. Только мы вышли на набережную и поровнялись с Академией художеств, как нам преградили путь казаки. Два раза бросались они на нас, наезжали, топтали конями, били плетками, рубили шашками, но толпы остановить не могли. Много оказалось пострадавших. Мы унесли их. Заиграл рожок. Вот некоторые и говорят: „Стрелять будут". „Ну, что же, отвечаем мы: мы шли на это". И все снова пошли вперед. Все шли до конца, как это умеет делать русский народ: если решился, то не боится ничего и самой смерти. Заиграл второй раз рожок, потом третий. Что произошло, не знаю, говорили, солдаты отказались стрелять, но только залпа не было, солдаты расступились, и четыре сотни казаков бросились на нас не в лоб, а разделили нас на две части и стали бить плетьми каждую кучку.

Дошли мы до площади, когда уже расстрел окончился. Узнали скоро, что нашу организацию не расстреляли, убивали людей посторонних; много ведь пришло и просто любопытных,— любопытно посмотреть, как царь с народом говорить станет.

В душе же у нас сомнения и боязнь стояли, а что если мы обманули рабочих, на расстрел ведем? Что если после этого расстрела движение лет на десять замрет? Проклянут нас рабочие.

Так думали в этот день мы.

Заранее было условлено, что после шествия мы все вместе сойдемся, кто уцелеет. Со страхом шли мы в отделы, а как пришли убедились, что пришел конец и царю, и богу, что нет для рабочих ни бога, ни царя.

В отделах люди, не только молодые, а и верующие прежде старики топтали портреты царя и иконы. И особенно топтали и плевали те, кто прежде в отделах заботился о том, чтобы перед иконами постоянно лампадки горели, масла в них подливали, лампадочники и те веру в царя и бога потеряли.

Верно то, что Гапон говорил с.-д. рабочим на Васильевском острове: „Только не выбрасывайте красных знамен, ни к чему это теперь, когда нужно будет, подымем их". Но часто говорил он и то, чтобы мы прислушивались и к тому, что говорят с.-д. и с.-р.

Я хочу еще сказать о самом Гапоне.

Гапон был священник, и я никогда не слышал такой замечательной службы. Он служил, как артист. Ведь не веришь сам во все это, а как послушаешь его, хочется слушать. Голос у него красивый, баритон, служит с увлечением. Помню—раз был момент. Служил Гапон и почему-то читал молитву об убиенных воинах. Обернулся я, а люди плачут.

Но мы не так слепо верили ему, особенно сначала, следили за ним, проверяли его. Постепенно удаляли от него и от себя сомнительную публику. Путался у нас и с Гапоном Ушаков, грязный и нехороший человек. Мы удалили его и ему подобных и только тогда поверили в Гапона.

Жил он очень скромно. И даже когда получал жалованье хорошее в тюремной церкви, нуждался всегда, раздавал все. Когда в общине жил, барыни разные снабжали его шелковыми рясами, деньгами, Нарышкина такая была, а он все-таки нуждался всегда. Помню—в 1903 году на Пасхе в Страстную субботу зашел я к нему, он только-что ушел из общины, был без места, нуждался сильно, но веселый был, он всегда веселым был, шутил. Сидим мы, вдруг входит монах с пакетом от митрополита Антония. В пакете 25 рублей. А тут как раз

подошел рабочий какой-то, тоже без места, разговеться нечем, Гапон, не долго думая, и отдал ему половину того, что получил сам от Антония.

Вообще он часто помогал рабочим, бедным, да и нас заставлял это делать, устраивая концерты и сборы в пользу безработных. Нуждался он сильно, и я частенько помогал ему союзными деньгами и, каюсь теперь, брал с него расписки, деньги-то ведь казенные были, отчета требовали.

Теперь об организации женщин. Гапон, как человек практический, прекрасно сознавал, какую громадную пользу, может принести привлечение женщин в нашу организацию. Долгое время он искал подходящего для этого человека, наконец, остановился на интеллигентной работнице В. М. Карелиной, которая обладала большими организаторскими способностями.

В нашу организацию могли вступать членами все желавшие, без различия пола, в некоторых отделах женщины занимали ответственные должности. Мужчины собирались по средам для обсуждения лекций, происходивших по воскресеньям. Женщины имели свои специальные собрания по четвергам. Однако, бывали и совместные собрания мужчин и женщин. На некоторых подобных собраниях присутствовали и лекторы. Особенно часто приходил Преображенский.

Я охотно посещал собрания женщин. Проводила их Вера Марковна Карелина. Обычно читался какой-нибудь рассказ из рабочей жизни.

Большой успех имел рассказ Темного „В проходной", напечатанный в „Русском Богатстве". Все им было в нем понятно, близко и заставляло их призадуматься над их жизнью. Как бы развязывался язык, все начинали говорить, все просят слова и говорят умно и содержательно. Замечательные это были собрания! Посещало их обычно человек 60. Гапон, посещая женские собрания, говорил, что они приносят громадную пользу и больше дадут, чем собрания мужчин.

Отрывки из воспоминаний, записанных со слов видного организатора январьского движения, одного из преданных Гапону людей— А. Е. Карелина.

„Красная Летопись", № 1, стр. 104.

КОНЕЦ ГАПОНА.

Во вторник, 28-го марта, когда все собрались на даче и мне надо было скоро идти встречать Гапона, дворнику вздумалось придти счищать снег около дачи. Чтобы избавиться от него, его послали, вместе со „слугой", купить пива. Они взяли три бутылки. Одну получил дворник и, удовлетворенный, ушел к себе и больше не появлялся.

Гапона я застал на условленном месте, на главной улице Озерков, идущей параллельно железнодорожному полотну.

Встретил он меня, подсмеиваясь над моей нерешительностью: хочу, да духу не хватает идти к Рачковскому.

Я сказал, что главная причина моих колебаний та, что люди погибнут. Всех повесят.

Гапон возражал и успокаивал меня. Можно будет их предупредить, они скроются. Наконец, организовать побег. Он спрашивал, сколько это может стоить, предлагал деньги для этого.

Мы повернули обратно. Я заметил двух человек, следивших за нами. Как только мы пошли им навстречу, они перешли дорогу и свернули в переулок, ведущий мимо каланчи через мостик к Озерковскому театру.

Я сказал Гапону, что он приехал с сыщиками. Он отрекался. Мы пошли за ними. Застали их стоящими против каланчи, выжидающими. Как только мы свернули в переулок, т. е. к ним, они быстро пошли от нас дальше, перешли мост и провалились куда-то.

Всю дорогу, чтобы успокоить мою совесть, Гапон развивал разные планы, как избавить людей, которых я выдам, от виселицы.

—Зайти бы куда нибудь посидеть, выпить чего-нибудь,— сказал он.

Я сказал, что у меня там одна из моих конспиративных квартир.

Когда я убедился, что никого за нами нет, мы пошли в дачу. Поднимаясь по дорожке, Гапон остановился и спросил:

— Там никого нет?

— Нет.

Рабочие находились в верхнем этаже, в боковой маленькой комнате, за дверью с висячим замком. Предполагалось, что я открою эту дверь, чтобы войти вместе с Гапоном; рабочие его обезоружат. Если надо будет, связать его, а потом судить.

Но вышло так, что Гапон первый поднялся наверх. Войдя в первую большую комнату, сбросил с себя шубу и уселся на диване, стоявшем в противоположном от дверей углу. Открыть дверь и выпустить оттуда людей я не мог. Началась бы стрельба, и я все и всех провалил бы. Я ходил по комнате, думая, как быть. А Гапон говорил. И неожиданно для меня заговорил так цинично, каким я его ни разу не слыхал. Он был уверен, что мы одни, что теперь ему следует говорить со мной на-чистую.

Он был совершенно откровенен. Рабочие все слышали. Мне оставалось только поддерживать разговор.

— Надо кончать. И чего ты ломаешься: 25.000—большие деньги.

— Ты ведь говорил мне в Москве, что Рачковский дает 100.000?

— Я тебе этого не говорил. Это недоразумение. Они предлагают хорошие деньги. Ты напрасно не решаешься. И это за одно дело, за одно. Но можешь свободно заработать и сто тысяч за четыре дела.

Гапон повторил, что Рачковский божится, клянется, что дело Леонтьевой обошлось им в 5.000 рублей всего.

— Они в очень затруднительном положении. Рачковский говорит, что у эсэров у них сейчас никого нет. Были да провалились.

— Он назвал кого нибудь?

— Нет. Сказал только, что два человека очень серьезных совсем было добрались до центра. Да провалились. Товарищи узнали. А им надо,—понимаешь. А что в Москве у вас есть что-нибудь?—спросил он, вспомнив что-то.

— Есть.

— С Дубасовым?

— Да.

— А как там дела?

— Хорошо. Как всюду.

Он больше не расспрашивал, предоставив, очевидно, дальнейшее Рачковскому.

Гапон говорил, что Рачковский беспокоится, боится покушения на Дурново. Убуйство Слепцова его очень смутило.

— Что он говорит о Слепцове?—спросил я.

— Напрасная жестокость, —говорит.

Я высказал опасение, что Рачковский меня обманет. Все расскажу, а он денег не даст.

Гапон уверял, что этого не случится.

— Завтра, в 10 часов вечера, у Кюба. Ты можешь свободно ему все говорить. Он безусловно порядочный человек и не надует. Заплатит даже с благодарностью, как только убедится, что дело серьезное. Ты в этом не сомневайся. Я тебе говорю. На всякий случай можно сразу всех карт не открывать. А если надует, мы его убьем.

Я опять сказал, что главное препятствие для меня в том, что люди погибнут.

— Да ты не смущайся. Ведь я тебе рассказал, что они арестовывают только тогда, когда все созреет, как бутон. Значит, ты можешь предупредить товарищей. Скажешь, что узнал из верного источника, что неладно, и что им надо немедленно скрыться. И все. А мы тут не при чем. Мы скажем Рачковскому, что люди заметили слежку и разбежались.

— Как же они скроются? Рачковский на следующий день после нашего свидания приставит к каждому из них по десяти сыщиков. Ведь их всех повесят.

— Как-нибудь устроим им побег.

— Ну, убежит часть, а остальных повесят все-таки.

— Жаль.

Молчание. Через некоторое время продолжает:

— Ничего не поделаешь. Посылаешь же ты, наконец, Каляева на виселицу.

— Да. Ну, ладно!

* * *

Я заговорил о риске с моей стороны.

— Если Х. узнает о моих сношениях с Рачковским, он без разговоров пустит мне пулю в лоб.

— Неужели пустит?

— И глазом не моргнет.

Некоторое время молчание. Гапон ходит в раздумьи по комнате.

— Нет не сможет он этого сделать. А главное—доказательств нет. Не пойман за руку—не вор. Пусть докажут. Документов, ведь, никаких нет. А обставить дело практически так, чтобы товарищи тебя не заподозрили, об этом позаботится Рачковский. Он человек опытный. В его практике много уже таких случаев было. Те теперь благоденствуют. Почтенные члены общества. И никто ничего не знает.

Одним из „практических" способов отвести от меня подозрение товарищей Гапон считал арест. Арестовать меня, на время, конечно, вместе с другими.

— Но тогда, ведь, меня вместе с другими будут судить военным судом и повесят.

— Разве повесят? Тогда это не годится. Но ты не беспокойся. Повидаешься с Рачковским, увидишь, что все это можно устроить очень просто.

Я спросил, сколько он получает от Рачковского за это дело. Гапон ответил, что покуда ничего, а сколько получит—не знает.

— Ты богач теперь. У тебя много денег, должно быть.

— Почему?

— За книгу получил тысячу фунтов.

— Десять тысяч рублей получил я за нее.

— Да 50.000 от Сокова.

— Все израсходовано. (Гапон говорил об этом неохотно). Рабочим много денег отдал. У меня теперь рублей тысяча всего осталась. Но мне и не надо много... Ты видел, как я скромно живу.

— Куда же ты девал деньги? Ведь, отделы ты устраивал на виттевские.

— Петров за границу приезжал. Пришлось на дорогу дать. Другим еще. Есть семьи рабочих, которые я поддерживаю каждый месяц.

* * *

Я спросил о суде.

— Пустяки. Судьи теперь не тем заняты. Выборы идут. А эсдеки и эсэры в лужу сели со своим бойкотом Думы. Кадеты всюду побеждают. Но если у кадетов не хватит политической зрелости, чтобы не зарваться в своей оппозиции,

Думу разгонят штыками. Рачковский то же самое говорит. То, что в газетах пишут, что Дурново и Витте уходят,— ерунда. Они и не думают уходить, и не уйдут.

* * *

— В каком положении у тебя дело с Петровым?

— Он пишет книгу „Правда о Гапоне". Правду о Гапоне теперь многие пишут. И Сибирский, и Строев, кажется, пишут, и Феликс из „Биржевых Ведомостей", и еще кто-то. Ну, что Петров может написать про меня?

— А если он напишет, что ты взял с П. клятву убить Григорьева?

— Откуда ты это знаешь?—опешил Гапон.

— Ты сам мне это говорил.

Он успокоился и ответил:

— Ну что-ж! Мало ли в организации у тебя, например, бывает важных секретов. Если кто-нибудь откроет, его следует убить!

— А Черемухина ты все-таки напрасно погубил.

— Почему же я его погубил?

— Ты же мне рассказывал. Взял с него клятву убить Петрова за его письмо в газетах про 30.000 и дал ему револьвер для этого. А он сам себя из этого револьвера прикончил.

— Да, неприятная история.

Гапон задумался.

— Петров распишет, должно быть, твою парижскую жизнь.

— Что он напишет? Что я ему кабаки показывал в Париже? Рассказывал, сколько что стоит? Пустяки все это. Что здесь страшного? Пишут в газетах, что я в Монтекарло в рулетку играл. Ну, и играл, и выиграл. И плюю я на всех. И на общество, и на печать, и на революционные партии, и на всех. Мне важно мнение моих рабочих. А они мне доверяют. Те, которые колебались, сомневались, те мне не нужны. С ними дела не сделаешь. Ты увидишь, что будет! Я теперь живу легально. Я был у Камышанского, прокурора петербургской палаты. Он сказал, что я амнистирован еще 21-го октября.

— Ведь, я тебе это говорил еще в ноябре. Зачем же ты комедию разыгрывал?

— Да.

Задумался. Потом с возрастающим оживлением начал:

— Я теперь буду устраивать мастерские. Кузница у нас есть уже маленькая. Слесарная. Булочную устроим, и т. д. Вот, что нужно теперь. Современем и фабрику устроим. Ты директором будешь. Верно. Ты плюнь на всякие глупости. А общество, печать—ерунда. Их и купить, и продать можно. Верно говорю тебе. Я в этом убедился.

— А если бы рабочие, хотя бы и твои, узнали про твои сношения с Рачковским?

— Ничего они не знают. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для их же пользы.

— А если бы они узнали все, что я про тебя знаю? Что ты меня назвал Рачковскому членом Боевой Организации, другими словами, выдал меня, что ты взялся сообразить меня в провокаторы, взялся узнать через меня и выдать Боевую Организацию, написал покаянное письмо Дурново?

— Никто этого не знает и узнать не может.

— А если бы я опубликовал все это?

— Ты, конечно, этого не сделаешь, и говорить не стоит. (Подумал немножко). А если бы сделал, я напечатал бы в газетах, что ты сумасшедший, что я—знать ничего не знаю. Ни доказательств, ни свидетелей у тебя нет. И мне, конечно, поверили бы.

Я невольно направился к дверям, чтобы показать ему „свидетелей", но сдержался. Следя за разговором, я не успел ориентироваться и принять определенное решение.

Говорить мне с ним больше незачем было. Но чтобы выиграть время, сообразить и решить, как быть, я возвращался к прежним вопросам и опасениям.

Из его ответов я узнал еще, что Рачковский хвалился ему, что меня „знают в лицо, а не по карточкам, не меньше двадцати сыщиков", и о том, что о „нашем деле" знают только Рачковский, Дурново и царь.

— Ты знаешь, что на днях царю представлялся Тихомиров?— спросил я.

— Разве?

— Да. И серебряную чернильницу получил с какой-то надписью. За полезную службу. И ты, пожалуй, серебряную чернильницу получишь.

Его передернуло. Он деланно засмеялся и сказал:

— Что ж! Можно будет и в ломбард заложить.

Тут произошло следующее.

Гапон спросил, где клозет. Я спустился с ним вниз, показал, а сам хотел вернуться наверх.

Дверь клозета находится рядом с дверью черной лестницы, ведущей на верх дачи. „Слуга“ находился не вместе с другими, в маленькой комнате, а рядом за дверью, на площадке черной лестницы, на случай, если бы пришел дворник. Он должен был его занять и увести от дачи.

Когда „слуга“ услышал, что мы спускаемся вниз, ему вздумалось тоже сойти вниз по своей лестнице. А когда Гапон подошел к клозету, они столкнулись лицом к лицу. „Слуга“ опешил, очевидно, от неожиданности и бросился назад вверх по черной лестнице, а Гапон, в свою очередь, назад ко мне. Он застал меня внизу на стекляной террасе (выходящей на озеро). Я еще не успел подняться наверх.

— Какой ужас! Нас слушали!!

— Кто слушал?

Он стал описывать одежду и лицо человека, которого видел.

— У тебя револьвер есть?—спросил он.

— Нет, а у тебя есть?

— Тоже нет. Всегда ношу, а сегодня, как нарочно, не взял. Пойдем посмотрим.

— Пойдем.

Мы подошли к черной лестнице. Она узкая. Я предложил ему пройти вперед. Он инстинктивно отскочил за мою спину.

— Нет, ты иди вперед.

Я поднялся на несколько ступеней, вернулся и сказал, что там никого нет.

— Надо дворника позвать,—сказал Гапон.

Я отказался связываться с полицией,

„Слуга“ думал, что мы поднимемся наверх по черной лестнице и пройдем мимо него. Поэтому он открыл дверь, за которой стоял раньше, и спрятался между нею и стеной.

Гапон думал и искал, куда мог скрыться человек.

Мы прошли низом дачи (через большую комнату и веранду) и поднялись наверх. Гапон шел впереди. Заметив открытую дверь на черную лестницу, он прошел туда, заглянул за дверь и увидел того, кого искал.

Он отскочил, как ужаленный. Молча, с остановившимися зрачками, стал меня толкать туда. Потом шепотом сказал:

— Он там.

Я пошел. Вывел за руку оттуда „слугу“ и не успел слово сказать, как Гапон одним прыжком бросился на него, умудрился в один миг обшарить его, уцепился за руку и карман, где у того был револьвер, и прижал его к стене.

— У него револьвер. Его надо убить,—сказал Гапон.

Я подошел, засунул руку в карман „слуги“, забрал револьвер, опустил его молча в свой карман.

Я дернул замок, открыл дверь и позвал рабочих.

— Вот мои свидетели,—сказал я Гапону.

То, что рабочие услышали, стоя за дверью, превзошло все их ожидания. Они давно ждали, чтобы я их выпустил. Теперь они не вышли, а выскочили прыжками, бросились на него со стоном: „А-а-а“ и вцепились в него.

Гапон крикнул, было, в первую минуту: „Мартын“, но увидел перед собой знакомое лицо рабочего и понял все.

Они его поволокли в маленькую комнату. А он просил:

— Товарищи, дорогие товарищи, не надо!

— Мы тебе не товарищи. Молчи.

Рабочие его связывали. Он отчаянно боролся.

— Товарищи, все, что вы слышали—неправда,—говорил он, пытаясь кричать.

— Знаем. Молчи.

Я вышел, спустился вниз. Оставался все время на крытой стекляной террасе.

— Я сделал все это ради бывшей у меня идеи,—сказал Гапон.

— Знаем твои идеи!

Все было ясно.

Гапон—предатель, провокатор, растратил деньги рабочих. Осквернил честь и память товарищей, павших 9-го января. Гапона казнить...

Гапону дали предсмертное слово.

Он просил пощадить во имя его прошлого.

— Нет у тебя прошлого. Ты его бросил к ногам грязных сыщиков,—ответил один из присутствовавших.

Гапон был повешен в 7 часов вечера, во вторник, 28 марта 1906 года.

(„Былое“, № 2 (24), 1917 г. П. Рутенберг. Дело Гапона).

Официальный материал
о
Январьских днях.

„Собрание русских фабрично-заводских рабочих".

СПРАВКА

№ 9.

Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге.

„Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" возникло из небольшого кружка рабочих, которые задались целью проявлять разумную самодеятельность честно, открыто и на легальной почве.

По предложению организатора кружка о. Георгия Гапона было законтрактовано членами кружка помещение на три года (Выб. сторона, Оренбургская, д. 23) с платой по 55 р. в месяц, где с 30 августа 1903 г. и была открыта чайная, первоначальное оборудование которой обошлось около 400 руб.

Таким образом, у рабочих появился свой угол, своего рода клуб, где они, хотя, повидимому, и в мелком виде, но зато на самом деле, могли, под руководством о. Гапона, честно и открыто проявлять свою самодеятельность в области самопомощи и взаимопомощи, а также трезво и разумно проводить свое свободное от работ время, то в самообразовании, то во всестороннем обсуждении своих нужд, то, наконец, в участии на своих семейных вечерах литературно-вокального и музыкального характера...

Такая постановка дела естественно обратила внимание на указанную чайную здравомыслящих фабрично-заводских рабочих, и кружок сравнительно быстро начал увеличиваться в своем составе.

В сентябре месяце того же 1903 года о. Гапон занялся составлением устава „Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга", который и был рассмотрен членами кружка во 2-й половине октября и 9 ноября подан г. С.-Петербургскому Градоначальнику. 11 апреля 1904 г. „Собрание

русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" официально открыло свою деятельность, согласно уставу, утвержденному министром внутренних дел 15 апреля того же 1904 года.

30-го же мая сего года состоялось открытие 1 отдела собрания за Нарвской заставой в прекрасном помещении, законтрактованном также на три года (Петергофское шоссе, д. 42). Оборудование 2-го помещения с чайной обошлось 360 рублей, *из коих 150 рублей были даны Особым отделом департамента полиции, а 210 рублей С.-Петербургским охранным отделением.*

В настоящее время „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга" насчитывает в своем составе более 750 действительных членов.

Присматриваясь к деятельности „собрания", невольно начинаешь верить в его жизнеспособность и в его могущее быть весьма благотворным влияние на рабочую массу: опыт жизни самого собрания, хотя и кратковременный, служит тому порукой. И теперь уже собрание русских рабочих ясно начинает обрисовываться, как благожелательный общественный элемент. К тому же оно все более начинает приобретать симпатии в разумно-честной среде русских рабочих. Доказательством служат усиленные просьбы действительных членов собрания с разных концов Петербурга открыть отделы собрания и в их местностях, так как некоторые рабочие только из-за дальности расстояния не вступают в действительные члены собрания.

В настоящее время было бы своевременно открытие 2-го отдела собрания за Невской заставой и осуществление этого задерживается лишь благодаря отсутствию средств (около 400 рублей), нужных для оборудования чайной.

Петиция рабочих к Николаю II.

Государь. Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали,—нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба—преступление, а наше желание улучшить наше положение—дерзость, оскорбительная для них.

Государь. Нас здесь многие тысячи, и все это люди — только по виду, только по наружности,—в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью твоих чиновников

и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце и отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека,—значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновнического правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы, для защиты своих интересов.

Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть,—умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты—эксплоататоры рабочего класса, и чиновники—казнокрады и грабители русского народа.

Вот, что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу. Выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь, ты поставлен на счастье народа, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание в необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам

народ помогал себе и управлял собою. Ведь, ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих.

Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,—пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избраний,—для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

„Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное об'явление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые, совместно с администрацией, разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов—немедленно.

4) 8-мичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом—немедленно.

6) Нормальная заработная плата—немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих—немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклянись исполнить их, и сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу,—мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее".

Полицейский Лопухин о событиях 9-го января.

В конце 1903 года среди рабочих некоторых с.-петербургских фабрик и заводов возникла мысль об образовании особого общества фабричных и заводских рабочих. Ближайшее участие в организации этого общества принял священник петербургской

пересыльной тюрьмы, кандидат богословия Георгий Гапон, по ходатайству которого с.-петербургским градоначальником генерал-ад'ютантом Клейгельсом было первоначально разрешено рабочим устраивать собрания для обсуждения их нужд, а также задач проектированного общества. Вступивший в начале зимы 1904 года в должность с.-петербургского градоначальника генерал-ад'ютант Фулон поддержал начинания рабочих и представил министру об утверждении выработанного ими проекта устава „Собрания русских фабрично-заводских рабочих в Петербурге", каковой устав получил утверждение 15-го февраля 1904 года.

Собрание это имело целью предоставить своим членам возможность разумно и трезво проводить свободное от работ время, а также распространять среди рабочего населения, на началах русского национального самосознания, просвещение и способствовать улучшению условий труда и жизни рабочих. Для достижения этих целей обществу было предоставлено устраивать еженедельные собрания для обсуждения нужд своих членов, образовывать в своей среде светские и духовные хоры, устраивать концерты и семейно-вокальные и литературные вечера, учреждать разного рода просветительные предприятия, как, например, библиотеки, читальни, народные чтения, беседы и лекции по общеобразовательным предметам, образовывать различные благотворительные и коммерческие предприятия, как-то: капитал взаимопомощи членов собрания, похоронную кассу, чайную, потребительную лавку и другие учреждения, способные содействовать улучшению материального быта рабочих. Действительными членами Собрания могли быть только русские рабочие обоего пола, русского же происхождения и христианского вероисповедания.

В виду исключительного характера Собрания, ему была дана особая организация. Во главе Собрания поставлен был особый кружок ответственных лиц, состоящий из учредителей Собрания и пополняемый особо достойными этого действительными членами. Руководителем этого кружка состоял представитель Собрания, избираемый на первое трехлетие кружком, а потом—Общим Собранием из интеллигентных лиц духовного или светского звания. Представитель Собрания утверждался в должности градоначальником и являлся главным руководителем общества, причем он же считался уполномоченным Собрания

по всем его делам и должен был вести всю переписку. Для непосредственного управления делами было образовано Правление, избранное из членов ответственного кружка, и члены Правления были утверждаемы также градоначальником.

В день официального открытия деятельности Собрания учредители такового—вышеуказанный священник Гапон и члены Собрания, „с глубокой признательностью оценивая благожелательность правительства по отношению к рабочим, выразившуюся в учреждении Собрания", просили бывшего министра внутренних дел повергнуть к стопам его императорского величества их верноподданнические чувства любви и преданности и по всеподданнейшему докладу об этом статс-секретаря Плеве 20 мая 1904 года были удостоены Высочайшей благодарности.

В дальнейшем своем развитии Собрание пользовалось таким успехом, что в течение 1904 года открыло в разных частях столицы одиннадцать отделов.

Относительно деятельности его с.-петербургский градоначальник неоднократно свидетельствовал министру, что Собрание строго держится намеченных его уставом задач и является твердым оплотом против проникновения в рабочую среду превратных социалистических учений. При наличности такого удостоверения министерство не имело никакого основания ожидать возможности какого-либо внезапного появления в Обществе стремления расширить круг своей деятельности, тем более, что сведения о ней градоначальник черпал не только из докладов подчиненного ему охранного отделения, но и из личных бесед с священником Гапоном, который являлся к нему с докладами.

Во время минувших рождественских праздников среди рабочих Путиловского завода распространился слух, что, по представлению мастера *Тетявкина*, уволены с завода без всякого предупреждения четверо рабочих: *Сергунин, Субботин, Уколов и Федоров*, причем в рабочей среде передавалось, что истинной причиной увольнения этих рабочих была принадлежность их именно к указанному выше Собранию. Этот слух послужил поводом к созыву на 27 декабря экстренного собрания членов до 350 человек, и после обсуждения дела было постановлено послать три депутации: к градоначальнику, к фабричному инспектору и к директору Путиловского завода.

а на 2-е января назначить новое экстренное собрание для обсуждения результатов, достигнутых депутациями. Хотя уже 30 декабря раз'яснением директора завода было установлено, что из числа поименованных четырех рабочих уволен с завода был только Сергунин за неумелую работу, из остальных же Субботин сам перестал посещать завод, Уколов только еще был предназначен к увольнению, но после данной им подписки оставлен на заводе, об увольнении же Федорова не было и речи, тем не менее 2-го января на экстренном собрании членов Путиловского отдела Общества в числе до 600 человек, при участии священника Гапона, об'яснения директора завода были признаны недостаточными и на открытом голосовании было решено „поддержать товарищей" и в этих видах, не приступая 3-го января к работам, без окриков, шума и насилия собраться в заводской конторе и потребовать от директора увольнения мастера Тетявкина и обратного приема указанных 4-х рабочих. При этом попытки некоторых из присутствовавших, видимо посторонних лиц, придать вопросу политический оттенок и разбросать нелегальные воззвания были встречены членами Собрания весьма недружелюбно.

3-го января, в 8 часов утра, действительно весь Путиловский завод забастовал. Личные же об'яснения с директором завода не привели ни к чему, так как приведенное требование рабочих было директором категорически отклонено. После этого состоялся ряд совещаний в помещении отдела, и священник Гапон привез туда составленный им проект требований рабочих к администрации Путиловского завода. Последние в течение дня читались и раз'яснялись рабочим в помещении Собрания, и хотя часть рабочих не сочувствовала вполне этому проекту, тем не менее было решено явиться 4-го января к началу работ, и если администрация согласится на требования, то приступить к работам.

4-го января путиловские рабочие пред'явили ряд дополнительных требований, а именно: 1) 8-часового рабочего дня, 2) работы на 3 смены, 3) отмены сверхурочных работ, 4) повышения платы чернорабочим, 5) улучшения санитарной части на заводе и 6) бесплатной врачебной помощи. В тот же день к директору завода явилась новая депутация рабочих с священником Гапоном во главе, но директор безусловно отказал,

как в увольнении мастера, так и в повышении заработной платы. Рабочие все время вели себя спокойно, но твердо.

В виду высказанного генерал-ад'ютантом Фулоном опасения, что возникшая на Путиловском заводе стачка перенесется и на другие промышленные заведения столицы, министром внутренних дел был поставлен генерал-ад'ютанту Фулону вопрос о том, какие меры предполагает он принять в отношении священника Гапона и его Общества, на что генерал Фулон заявил, что арестом их стачка едва ли будет остановлена, что аресты эти скорее вызовут в рабочих раздражение и что он может рассчитывать на спокойное течение стачки только при условии оставления священника Гапона и общества рабочих на свободе, так как через них воздержит рабочую массу от беспорядков.

Меры увещания, принятые со стороны чинов фабричной инспекции на Путиловском заводе, остались без результата, и вскоре, под влиянием агитации многочисленных отделов Собрания в заводских и фабричных районах столицы, произошли забастовки в других промышленных предприятиях, сначала ради поддержки „путиловцев", а затем и в целях добиться от хозяев, пользуясь этим случаем, некоторых частных льгот в свою пользу.

4-го января забастовал завод Франко-Русского общества (2.000 рабочих) и пред'явил администрации ряд требований и в том числе 8-часового рабочего дня.

5-го января прекратились работы на Невском судостроительном и механическом заводе в с. Смоленском, на бумагопрядильной и ниточной фабриках Штиглица и Екатерингофской бумагопрядильне, причем рабочие также пред'явили требование о 8-часовом рабочем дне и увеличении заработной платы.

В этот же день состоялось об'яснение депутации рабочих Путиловского завода с правлением акционеров, причем последнее согласилось удовлетворить главные требования рабочих: увеличение заработной платы, совместное обсуждение расценков, учреждение комиссии для разбора претензий, даровой медицинской помощи на дому, увольнение мастера Тетявкина и обратный прием уволенных рабочих. Относительно 8-часового рабочего дня правление отозвалось, что такая мера подлежит обсуждению совместно с другими заводовладельцами столицы.

7-го января с утра забастовали все крупные заводы и фабрики в С.-Петербурге и прекратили работы и многие мелкие производства, а равно и типографии, частью самостоятельно, а частью по принуждению забастовавших ранее. Так, около 10 часов утра на Васильевском острове толпа забастовавших до 300 человек прошла по 23-й и Косой линиям и остановила работы на всех местных мелких фабриках и заводах, а затем пыталась проникнуть на пироксилиновый завод Морского ведомства, но была не допущена туда угрозами начальника завода пустить в дело имеющиеся постоянно на заводе 2 роты моряков.

В начальной стадии своего развития рабочее движение, не вызванное какими-либо осложнениями в экономическом отношении и возникшее исключительно на почве общетоварищеской солидарности,—чем и об'ясняется столь быстрое его развитие,—было чуждо политических вожделений и влияния агитации подпольных революционных организаций. Это доказывается отношением самих рабочих к представителям революционного движения. На упомянутом выше экстренном собрании рабочих 27-го декабря рабочими был выгнан из залы еврей, пытавшийся произнести агитационную речь политического характера и разбросать прокламации, и были задержаны три еврейки, агитировавшие на политической почве, а на собрании того же отдела 8-го января один представитель партии социалистов-революционеров был избит самими рабочими и удален из собрания.

Но, по мере распространения стачки, требования рабочих становились более широкими и постепенно перешли к пред'явлению хозяевам одной общей в главных чертах программы с требованием сокращенной нормы рабочего дня, участия рабочих в заводоуправлении и т. п. Такие требования в письменном изложении, составленном Гапоном, были распространены среди рабочих и еще более усиливали среди забастовщиков противодействие возможным в отдельных случаях соглашениям с хозяевами промышленных предприятий. Собравшиеся на совещание хозяева забастовавших заводов и фабрик пришли к выводу, что удовлетворение некоторых из домогательств рабочих должно повлечь за собой полное падение отечественной промышленности, другие же из них могли бы быть рассмотрены и даже частью удовлетворены, но лишь при условии отдельных соглашений в каждом случае, а не в виде уступок

настояниям всей массы стачечников. В свою очередь, рабочие отказались от такого порядка обсуждения требований и настаивали на общем соглашении хозяев с уполномоченными от стачечной организации. При всем том порядок в столице нигде нарушен не был и не было никаких данных, указывающих на участие в агитации подпольных преступных организаций, которые, по агентурным сведениям, сами оказались застигнутыми врасплох стихийным характером забастовки. Тем не менее, главари этих организаций решили использовать ее в своих интересах и придать ей характер общего протеста против существующего государственного строя.

С другой стороны, священник Гапон, еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с упомянутыми главарями, постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы политического характера и по внесении в нее последовательно общеконституционных положений, закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства, что ни в каком случае не могло быть сознательно продиктовано рабочими. Ту же агитацию предприняли и революционные деятели, которые, наконец, проникли в собрание рабочих благодаря протекции, которую стали оказывать им рабочие, стоявшие вместе с Гапоном во главе „Собрания русских фабрично-заводских рабочих".

Зайдя так далеко в размерах и конечных целях им же вызванного по ничтожному случаю движения, Гапон, под влиянием подпольных политических агитаторов, решился закончить это движение чрезвычайным актом и, инспирируемый агитаторами, стал пропагандировать мысль о необходимости публичного представления государю императору петиции от забастовавших рабочих о их нуждах. Такая проповедь Гапона в среде рабочих не могла не увенчаться успехом и действительно вызвала поголовное желание у всех забастовавших идти 9-го января всей массой на площадь Зимнего дворца и вручить непосредственно его величеству, через Гапона и выборных, петицию об общих нуждах рабочего сословия. Вера в возможность осуществления такого способа подания петиции еще более укреплялась в сознании рабочих тем обстоятельством, что

в лице Гапона они видели не случайного подпольного агитатора, а духовное лицо, действующее как председатель законом разрешенного общества рабочих.

Так как имелись достаточно определенные указания на то, что главари существующих в столице противоправительственных организаций намерены воспользоваться настроением рабочих и их сборищем на площади Зимнего дворца для создания ряда противоправительственных демонстраций с пред'явлением требований об изменении существующего государственного строя, чтобы таким образом придать вполне мирному движению рабочих характер народной манифестации, направленной к ограничению самодержавия, и что масса рабочих не осведомлена о внесении в петицию политических требований, а обманно уверена о представлении его величеству ходатайства исключительно об удовлетворении некоторых нужд рабочего класса, то осуществление такого намерения ни в коем случае не могло быть допущено, и потому жители столицы были заблаговременно предупреждены о соблюдении порядка на улицах и о том, что всякие демонстративные сборища и шествия будут рассеяны воинской силой. Вместе с тем 8-го января министром внутренних дел было дано с.-петербургскому градоначальнику приказание об аресте Гапона. На предшествовавшем сему приказанию совещании министров внутренних дел, финансов, юстиции, товарищей министра внутренних дел Дурново, Рыдзевского, товарища министра финансов Тимирязева, директора департамента полиции и с.-петербургского градоначальника была высказана необходимость ареста и 19 стоявших во главе собрания рабочих, но генерал-ад'ютант Фулон заявил, что эти аресты не могут быть выполнены, так как для этого потребуется слишком значительное количество чинов полиции, которых он не может отвлечь от охраны порядка и так как аресты эти не могут не быть соединены с открытым сопротивлением. Приказание министра об аресте Гапона генерал-ад'ютантом Фулоном исполнено не было, так как в ночь на 9-е января Гапон оказался в одном из помещений Собрания под охраной 200 рабочих, сопротивление которых при аресте священника градоначальник побоялся вызвать. Между тем, именно в этот вечер Гапон распространил текст петиции от имени рабочих на высочайшее имя, в которой, независимо пожеланий об улучшении их экономических требований, были

включены дерзкие требования политического свойства. Петиция эта большинству забастовщиков осталась неизвестной, и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести царю челобитную о своих нуждах и малом заработке.

Проповедь Гапона и преступная пропаганда его пособников из состава местных революционных кружков возбудили рабочее население столицы настолько, что 9-го января огромные толпы народа, с разных концов города, начали направляться к центру столицы. И в то время, как Гапон, продолжая действовать на религиозные и верноподданнические чувства народа, предварительно начала шествия, отслужил в часовне Путиловского завода молебен о здравии их величеств и снабдил вожаков толпы иконами, хоругвями и портретами их величеств, для придания демонстрации в глазах народа характера крестного хода, в это же время в другом конце города, на Васильевском острове, незначительная группа рабочих, руководимая действительными революционерами, сооружала баррикаду из телеграфных столбов и проволоки и водружала на ней красный флаг. Такое зрелище было настолько чуждо общему сознанию рабочих, что тут же из направлявшейся к центру города громадной толпы раздавались восклицания: „Это уже не наши, нам это ни к чему, это студенты балуются".

Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных обще-полицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали сами нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием. Произведены были залпы на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. Как сказано выше, на 4-й линии Васильевского острова толпа устроила баррикаду с красным флагом. В этом же

районе были построены еще две баррикады из досок, и здесь же было произведено нападение на здание 2-го полицейского участка Васильевской части, помещение коего было разбито, а также были попытки порчи телефонного и телеграфного сообщения. Из окон соседних к баррикадам домов были произведены в войска выстрелы, и здесь же была разграблена фабрика холодного оружия Шаффа, причем толпа пыталась вооружиться похищенными клинками, большинство которых, однако, было отобрано. Руководивший толпою при устройстве баррикады мещанин Семен *Рехтзаммер* арестован и привлечен к дознанию.

После того, как пущено было в ход войсками огнестрельное оружие, толпы рабочих стали проявлять крайне враждебное отношение к полиции и военному сословию: в Кирпичном переулке толпа напала на двух городовых, из которых один был избит. На Морской улице нанесены побои генерал-майору Эльриху, на Гороховой улице нанесены побои одному капитану и был задержан фельдъегерь, причем его мотор был изломан. Проезжавшего на извозчике юнкера Николаевского кавалерийского училища толпа стащила с саней, переломила шашку, которою он защищался, и нанесла ему побои и раны. В тот же день на Петербургской стороне были разграблены 5 частных лавок, а на Васильевском острове 2 казенные винные лавки. Произведенные забастовщиками 10-го января, при участии столичных босяков, уличные беспорядки выразились в битье стекол, фонарей и попытках разгрома магазинов, чему много способствовала темнота, наступившая в некоторых частях города вследствие забастовки рабочих электрических станций, но все эти беспорядки были прекращаемы войсковыми частями без употребления в дело огнестрельного оружия.

11-го числа город принял свой обычный вид, и воинские наряды были сняты.

Всего 9-го января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек раненых, из коих умерли до 27-го января еще 34 человека (в том числе один помощник пристава).

Одновременно с забастовками в С.-Петербурге возникло волнение среди мастеровых Адмиралтейских Ижорских заводов в посаде Колпине. Руководителями этого волнения явились также члены организованного там священником Гапоном

по образу столичного, но еще не получившего утверждения „Собрания рабочих". 7-го января члены „Собрания" решили присоединиться к требованиям петербургских рабочих и пред'явить их начальству. 8-го января начальнику заводов был пред'явлен ряд требований, среди коих было и требование 8-часового рабочего дня, но наряду с этим, по агентурным сведениям, того же числа, в заседаниях членов „Собрания" обсуждались и раз'яснялись и требования общегосударственного характера, каковы: отобрание земли у помещиков, свобода совести, слова, печати, отмена административной высылки и т. п. Благодаря принятым мерам охраны, некоторым уступкам со стороны администрации заводов, закрытию „Собрания" и увещаниям местного священника, никаких беспорядков среди рабочих не возникло, а 14-го января в прошении на имя митрополита Антония уполномоченные от рабочих названных заводов просили владыку повергнуть к стопам государя императора их верноподданнические чувства и заявления, что они не желали вмешиваться ни в какие политические дела и только просили, в качестве рабочих, облегчения своего положения.

Виновник всего происшедшего, священник Гапон, по имеющимся сведениям, пользовался среди рабочих репутациею человека сверх'естественного. Рабочие были поражены грандиозными размерами забастовки и приписывали это силе Гапона. На последних собраниях он неоднократно зондировал настроение рабочих, стараясь узнать, как они отнесутся к нему, если он подвергнется преследованию или аресту, и неизменно получал ответ, что его поддержат. В Нарвском отделе он спросил: „Вот, товарищи, я стою за ваши интересы, а что я за это получу, темную карету от ваших врагов". На это рабочие закричали: „Разобьем мы эту карету. За тебя заступимся и тебя не выдадим". 9-го января перед началом шествия огромной толпы стачечников из-за Нарвской заставы ко дворцу Гапон обратился к рабочим со словами: „Если царь не исполнит нашей просьбы, то значит,—у нас нет царя". Сам он шел во главе рабочих и во время произведенного залпа был легко ранен в руку, но был укрыт рабочими. Имеются указания, что он переоделся в гражданское платье, остригся и обрился.

После прекращения забастовки, в рабочей среде, понявшей, что она сделалась жертвой обмана, появилось недружелюбное отношение к студенчеству, и 11-го января на Васильевском

острове значительною толпою рабочих была избита кучка студентов. Побоище было прекращено раз'ездом казаков.

Часть убитых 9-го января была погребена рано утром 10-го января на Преображенском кладбище в общей могиле. Когда последняя была уже засыпана, на кладбище нахлынула толпа рабочих и учащейся молодежи в несколько тысяч человек, требовала разрытия могилы и пыталась отнять у могильщиков лопаты. Порядок был восстановлен с прибытием трех рот пехоты и конного наряда. 13-го января днем на том же кладбище была устроена демонстрация с произнесением речей. Из числа участников ее 8 человек арестованы.

Независимо сего, возбужден ряд дознаний о лицах, в той или другой форме проявивших свою преступную деятельность во время вышеописанной забастовки и уличных беспорядков, как, например, попытка к распространению преступных воззваний, поощрение беспорядков, уговоры солдат не стрелять, дерзкие возгласы и т. п.

Применение крайних мер для прекращения беспорядков 9-го января, сопровождавшихся кровопролитием, послужило для подпольных организаций поводом к изданию целого ряда прокламаций возмутительного содержания к офицерам и солдатам с приглашением не употреблять оружия против народа и рабочих. Кроме того, заслуживает внимания воззвание, приписываемое священнику Гапону и будто бы выпущенное им 9-го января в 12 часов ночи. Проповедуя в этом воззвании уничтожение после выстрелов 9-го января всякой связи между царем и народом, Гапон приглашает рабочих всей России к самым крайним мерам в борьбе с существующим государственным строем. Выдержка из этого воззвания часто помещается в подпольных агитаторских листках последнего времени.

„ " февраля 1905 г.

Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го янв.

„Красная Летопись" № 1, стр. 330.

Показания гапоновца Янова.

ПРОТОКОЛ.

1905 года, января 13-го дня, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр фон-Котен, на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 г., расспрашивал нижепоименованного, который об'яснил:

Зовут меня Янов, Владимир Александров.

От роду имею 28 лет, вероисповедания православного.

Звание мое кронштадтский мещанин.

Проживаю угол Земской улицы и Петергофского шоссе, д. 35 а, кв. 48. На предложенные мне вопросы отвечаю: я состоял председателем кружка ответственных лиц 1 отдела собрания русских фабрично-заводских рабочих. На экстренном собрании выборных уполномоченных от всех отделов нашего общества, происходившем в 4 линии в д. № 35, 27-го декабря, было решено отправить 3 депутации с требованием уволить мастера Тетявкина и принять обратно 4-х рабочих. Там же был возбужден и решен утвердительно вопрос о забастовке сначала Путиловского завода, а затем и общей, в случае неисполнения требований. Я на этом собрании не был, но знаю о происходившем со слов других. 29 декабря состоялось экстренное собрание у нас, в 1-м отделе. На этом собрании были об'явлены результаты ходатайств депутаций. Затем подобные общие собрания происходили почти ежедневно вплоть до 8-го января, причем священник Гапон приезжал почти ежедневно, хотя и ненадолго. 6-го января он стал убеждать рабочих идти в воскресенье, 9-го января, на Дворцовую площадь, чтобы изложить свои нужды государю императору. 7 и 8-го числа у нас в собрании происходило ознакомление рабочих с содержанием петиции на высочайшее имя, причем редакция петиции неоднократно изменялась священником Гапоном, а к вечеру 8 числа в ней появились требования политического характера, как, напр., требование свободы слова, прекращения войны, созыва учредительного собрания и т. п. Ночь на 9-е число священник Гапон провел в соседнем доме с собранием. Последние слова, сказанные священником Гапоном утром 9-го января перед началом движения толпы к Нарвским воротам, были следующие: „Если царь не исполнит нашей просьбы,

то значит у нас нет царя". После него к толпе произнес речь бывший начальник инструментальной мастерской Путиловского завода, фамилия вроде Рутенберга. Речь его закончилась следующими, приблизительно, словами: „если нас не станут пропускать или будут делать какие притеснения, бросайтесь в стороны, ломайте, если встретите, оружейные лавки и с оружием в руках следуйте до своей цели". Священник Гапон стоял недалеко от Рутенберга и, несомненно, слышал его речь. Во время движения толпы я священника Гапона не видел, но слышал от других, что он был легко ранен в руку, после чего сейчас переоделся в одном из соседних домов и куда-то скрылся; говорят, что он в тот же день обрился и остригся. С священником Гапоном я познакомился в мае месяце и несколько раз бывал у него на квартире; последний раз я был у него в пятницу, 7-го числа, вечером: у него было человек 6—7 рабочих и сотрудник газеты „Наши Дни"—высокий седой старик с большой головой и окладистой бородой, поместивший 5, 6 или 7-го января в вечернем выпуске „Биржевых Ведомостей" статью об интервью с директором Путиловекого завода. Этот сотрудник составлял тогда петицию на высочайшее имя в окончательной редакции, т. е. в той, которую священник Гапон сообщил вечером 8-го января. Затем этот господин прочел нам эту петицию; в ней, как я теперь припоминаю, заключалось, между прочим, требование отделение церкви от государства; где переписывалась эта петиция, я не знаю, это должен знать один из братьев Кузиных, который состоял личным секретарем Гапона—беленький, малого роста. Раньше же священник Гапон для переписки составленных им требований обращался в салон переписки, находящийся рядом с залом Кононова у Полицейского моста, на самом верху. У священника Гапона в Петербурге есть дети: дочь лет 17—18, среднего телосложения, смуглая, чистое, овальное лицо, темные волосы, одевалась в черное, и сын лет 10, которого я видел в гимназической, черной рубашке. Эти дети живут у купца Михайлова, проживающего в д. № 5, кв. 25, по Горсткиной улице и имеющего магазин галантерейных товаров в Апраксином рынке в ягодных рядах. 8-го января, часов в 6, священник Гапон, я и некоторые другие рабочие, около 12 человек, собрались в квартире купца Михайлова, чтобы сняться общей группой, для чего был приглашен туда фотограф Булла,

но священник Гапон не захотел у него сниматься. Затем тут же священник Гапон составил письмо на имя министра внутренних дел, в котором от имени рабочих гарантировал безопасность государя императора; потом мы отправились в фотографию Здобнова д. № 10, по Невскому; я туда не поспел, а священник Гапон с несколькими человеками снялся. Местопребывание священника Гапона в настоящее время может быть известно вышеупомянутым купцу Михайлову, Кузину, сотруднику „Наших Дней", а также некоему Финкелю, еврею лет 40—48, небольшого роста, плешивому, носящему золотые очки. Этого Финкеля у нас в обществе считали юристом, он давал юридические советы и читал лекции по разным вопросам. Он же настаивал, главным образом, на необходимости подачи петиции. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: И. д. делопроизводителя *Красовский*.

„Красная Летопись" № 1, стр. 312.

Доклад комиссии,

избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 г.

по поводу событий 9—11 января.

9 января 1905 года на улицах Петербурга произошли события, которые взволновали все население столицы и привлекли всеобщее внимание не только в России, но и во всех странах света. Мирное рабочее движение, подготовлявшееся открыто, на глазах властей, и имевшее целью подачу всеподданнейшего прошения государю императору, разрешилось неожиданными действиями вооруженной силы — стрельбою в безоружных обывателей в разных частях города, причем в числе сотен убитых и раненых оказались также женщины и дети. Такие действия войск повторялись 10 и 11 января при участии полицейских чинов.

Среди петербургских присяжных поверенных естественно возник вопрос о способах оказания юридической помощи потерпевшим и их семействам; вопрос этот был тогда же внесен на обсуждение общего собрания присяжных поверенных, которое

постановлением 16 января 1905 года поручило особой комиссии из семи членов и двух к ним кандидатов составить заключение о юридических вопросах, возникающих из означенных событий.

Приступив к исполнению возложенной на нее задачи, комиссия считала своим долгом прежде всего выяснить фактические обстоятельства дела на основании многочисленных показаний лиц, пострадавших от действий военных и полицейских отрядов, а также заявлений свидетелей, бывших ближайшими очевидцами таких действий.

I.

Как видно из собранных сведений, шествие рабочих к Зимнему дворцу, назначенное на 9 января, с целью подачи всеподданнейшего прошения, было организовано законно учрежденным „Петербургским Обществом фабричных и заводских рабочих", официальное открытие которого состоялось в начале 1904 года, в присутствии градоначальника Фулона. Это „Общество рабочих" пользовалось особым покровительством администрации, так как оно было основано, между прочим, в видах „отвлечения рабочих от влияния преступной пропаганды". Делами Общества заведывал выборный комитет, председателем которого был священник Георгий Гапон, получивший при бывшем министре внутренних дел В. К. Плеве должность священника пересыльной тюрьмы. Общество имело свои отделы или „собрания" в главных центрах фабрично-заводского населения столицы; таких отделов с особыми выборными председателями из рабочих насчитывалось всего одиннадцать. В декабре 1904 года комитету Общества пришлось участвовать в попытках уладить возникшие недоразумения между рабочими и администрацией Путиловского завода по случаю увольнения нескольких рабочих, состоявших членами местного отдела Общества; попытки эти не имели успеха, и общее, все более распространявшееся брожение среди рабочих, недовольных тягостными условиями своего существования, выразилось в прекращении работ на многих фабриках и заводах Петербурга. „В виду того,—как сказано в правительственном сообщении от 10 января, напечатанном в „Правительственном Вестнике",—что стачка не была соединена с нарушением порядка, никаких репрессивных мер властями предпринимаемо

не было"; многие факты свидетельствуют о том, что власти относились не только безучастно, но и поощрительно к происходившему движению среди рабочих.

По мысли священника Гапона, встретившей единодушное сочувствие во всех отделах „Общества рабочих", решено было подписать и подать на высочайшее имя прошение или петицию" с подробным изложением нужд рабочего сословия и, отчасти, также всего трудящегося народа. В течение трех дней, с 6-го января, происходили значительные публичные сборища около помещений, занимаемых одиннадцатью отделами вышеозначенного Общества. Составленный священником Гапоном текст всеподданнейшей „петиции" поочередно прочитывался в собраниях при каждой смене присутствовавших рабочих, после чего собирались подписи.

Раз'яснения собиравшимся рабочим по поводу отдельных пунктов прошения давались членами комитета Общества, а также иногда самим председателем, священником Гапоном. Участие посторонних лиц в обсуждении петиции большею частью категорически отклонялось и только в некоторых отделах, как, напр., в Василеостровском, допускались отступления от этого общего правила. Общие политические ходатайства, изложенные в петиции, относительно созыва народных представителей путем „всеобщего, равного, прямого и тайного голосования", понимались большинством рабочих в том смысле, что выборные от всего населения должны участвовать в обсуждении и решении государственных дел, которыми не могут распоряжаться одни министры и чиновники.

На всех собраниях условлено было, что 9 января рабочие должны идти на Дворцовую площадь тихо и мирно, „с голыми руками", оставив дома перочинные ножи (показание рабочего Чудинова и др.), не допускать никакого шума и никаких столкновений с полициею, уничтожать незаконные флаги, если бы таковые кем-нибудь выставлялись, и рвать листки с прокламациями; наблюдение за порядком поручено было выборным депутатам, шедшим впереди, и при таком условии предполагалось, что войска и полиция не будут иметь повода к вмешательству для устранения беспорядков, о чем говорилось в расклеенном по городу об'явлении градоначальника.

По показанию одного из депутатов Петербургской стороны, после расклейки об'явления от градоначальника, депутаты рабочих ходили к нему, чтобы выяснить, в каких случаях будут „действовать войска, и в градоначальстве им об'яснили, что предупреждение относится только к нарушителям порядка, а в мирную толпу стрелять не будут. И, действительно, так, повидимому, понималось и применялось самими властями об'явление градоначальника до 9 числа. Нигде полицейская власть не заявляла рабочим о незаконности происходившего движения и не предлагала им расходиться ни в предшествующие три дня, ни с утра 9 января. Самый текст всеподданнейшего прошения доставлен был накануне министру внутренних дел, вместе с сообщением священника Гапона о предположенном шествии к Зимнему дворцу. Рабочие, участвовавшие в этом движении, имели, таким образом, полное основание считать законным и дозволенным предпринятое ими мирное шествие, организованное отчасти по образцу крестного хода.

Вследствие этого в шествии 9 января участвовало много женщин, девушек и мальчиков; семейные рабочие отправлялись со своими сыновьями и дочерьми (показания столяра Афанасия Соколова и его дочери Марии, раненых на Троицкой площади, и др.). Настроение было торжественное, „религиозное"; случавшиеся личные споры и резкие пререкания останавливались словами: „не такой сегодня день". Перед началом шествия в помещении одиннадцати отделов Общества служили молебен, пели „Отче наш" и „Спаси, господи, люди твоя". Шли с „чистою душою, с чистым намерением", с надеждою увидеть государя, чтобы—по выражению одного из потерпевших—„как дети выплакать на груди отца свое горе"; шли все вместе для того, чтобы подтвердить свою солидарность с выбранными депутатами и узнать о принятии или непринятии прошения (показания литейщика Винокурова, инструментального рабочего Мюхснберга, рабочего Соколова, столяра Щека и др.). Если и допускалась возможность вооруженного нападения войск, то только в случае какого-нибудь непредвиденного беспорядка или незаконного действия отдельных лиц, или по недоразумению; ибо войска, по мнению рабочих, выставлены были в известных пунктах „для того, чтобы рабочие не безобразничали", и, как видно из многих показаний, сами рабочие прилагали все усилия к тому, чтобы избежать неприятных инцидентов. По пути

полиция не только не мешала шествию, но сама давала дорогу, а в некоторых местах полицейские чины шли впереди, как при крестном ходе; в других местах полиция совершенно отсутствовала; нигде не было никаких предупреждений, никаких уговоров или попыток вмешательства со стороны властей. По показанию пострадавшего рабочего железопрокатного завода Ив. Павлова, за все время пути до Троицкой площади он „нигде не встретил хотя бы малейшего намека на грозившую ему опасность, так что, идя с чистою душой, имел полную надежду на свою безопасность, не имея даже и мысли подпасть под ружейные выстрелы". „Было вполне легальное дело", как говорит в своем показании потерпевший столярный мастер Степан Васильев, и это общее убеждение участников шествия 9 января систематически подкреплялось и поддерживалось всем поведением властей с 6 января до первых столкновений с войсками.

По удостоверению врача больницы, находящейся за Нарвскими воротами, за два-три дня до 9 января на дверях дома Общества рабочих вывешено было, написанное крупными буквами, об'явление о том, что рабочие должны явиться 9 января, чтобы отправиться с крестным ходом к его императорскому величеству государю императору для принесения прошения о своих нуждах. Об'явление это никем снято не было, и никакого распоряжения полицейской власти о том, что подача такого прошения, собрание для подачи его и самое шествие с крестным ходом запрещены или не будут допущены, не последовало.

Рабочие решились обратиться непосредственно к царю, в виду того, что „ни фабричная инспекция, ни градоначальник ничего для рабочих по их просьбам не сделали", и что также бесплодными оказались обращения священника Гапона с просьбами к министрам, после чего остался только один путь всеподданнейшего обращения к государю.

II.

В различных районах с утра 9 января положение дел представляется в следующем виде:

По Нарвскому шоссе. В 10 час. утра собралась у Нарвского отдела Петербургского Общества фабричных и заводских рабочих толпа тысячи в четыре-пять. Часть ее отправилась

за хоругвями и иконами к Болдыревой даче, в которой помещается „Беседа“ Общества трезвости. Сторож дачи выдал им иконы и хоругви, с которыми толпа и вернулась к отделу. У отдела был и отец Гапон. Он спросил рабочих, нет ли у кого оружия, и, получив отрицательный ответ, сказал: „Вот это и хорошо; мы безоружными пойдем к нашему царю“. Приблизительно в 12 часов шествие тронулось. Впереди несли иконы, хоругви и несколько портретов царя и царицы. Народ двигался спокойно, „тихим шагом“, с обнаженными головами, с пением „Спаси, господи, люди твоя“. Все участники шествия считали его ничем иным, как крестным ходом; так его и называют единогласно все свидетели. Население готовилась к этому акту, как к чему-то торжественному. Одна старуха, желая дать возможность сыну, мальчику 17 лет, видеть царя, дала ему икону и поставила перед толпою: мальчик был затем убит залпами солдат (показание рабочего Филиппова). Крестным ходом считала шествие и сама полиция: почти от самого помещения отдела ехало впереди толпы несколько конных городовых, подвигавшихся медленно вперед вместе с толпою. Впереди толпы шли с обнаженными головами помощник пристава Жолткевич и околоточный Шорников; они принимали меры к охране порядка, останавливали конку и заставляли встречавшиеся экипажи сворачивать в сторону, чтобы дать дорогу крестному ходу (показание рабочего Михалева). И когда затем раздался залп, помощник пристава крикнул: „Что вы делаете! Как можно стрелять в крестный ход, в портрет царя!“ По пути встречались изредка полицейские чины, которые, поравнявшись с крестным ходом, снимали шапки и крестились.

Когда толпа приблизилась шагов на 200—300 к Нарвским воротам, на нее вдруг со стороны Нарвских ворот бросился галопом, во весь опор и без всякого предупреждения, отряд конницы: впереди отряда скакал офицер с шашкою наголо. Толпа успела расступиться, и никто в этот момент не пострадал. Проскакав через всю толпу, отряд затем повернул и таким же аллюром поскакал назад к Нарвским воротам. Толпа опять сомкнулась и продолжала с пением двигаться по направлению к городу. В оба раза ничего толпе сказано не было и никакого предупреждения не было сделано. Шагов за сто до ворот вдруг послышался со стороны ворот звук трубы, который, впрочем, из-за пения, не всем был и слышен; и тотчас же

вслед за ним раздались залпы. Люди стали падать, часть толпы разбежалась, но за первым залпом последовал второй, третий, падали уже люди бегающие, падали успевшие скрыться во дворах, ибо выстрелы направлялись и во дворы. Первый залп был направлен в живот, второй—в ноги, так что людей, упавших от первого залпа, уже лежащих, добивал второй залп.

Все, без исключения, свидетели сходятся в том, что между звуком трубы и залпом не было никакого промежутка времени, так, что, если бы толпа даже понимала значение игры на трубе, и желала бы разойтись, то не было никакой для этого возможности. Доказательством тому служит, между прочим, и то, что даже помощник пристава и околоточный, которые больше рабочих могли бы понимать значение сигнала на трубе, не убежали, и один из них был ранен, а другой убит. Убиты были и старики, несшие царские портреты. Когда упал первый из стариков, Лаврентьев, другой старик выхватил у него царский портрет и понес, но и он был тут же убит следующим залпом. Умирая, старик говорил: „хотя умру, но в последний раз увижу царя". Хоругвеносцу раздробило руку. Фонарь крестного хода нес мальчик лет 10—11; после первого залпа он, раненый, упал; не выпуская фонаря из рук, он пытается подняться, но в эту минуту (должно быть, под действием второго залпа) вновь сваливается и через некоторое время умирает.

Во многих местах не пускали бегущих во дворы; впрочем, даже успевшие забежать во двор этим не спасались: войска, как сказано, стреляли и во двор, попадая даже в людей, вовсе в шествии не участвовавших. Свидетель Филин рассказывает, что „в крестном ходе не участвовал; стоял во дворе своего дома и смотрел на шествие; когда раздались выстрелы и ва двор стал забегать народ, войска без всякого предупреждения стали стрелять во двор". То же подтверждают свидетель Галиновский и другие.

Пули попадали в окна домов и ранили находившихся внутри; так, в ресторан „Ташкент" попало пять пуль и ранен был половой Яков Виноградов (его показание); в дом № 6 по Новосивковской улице попали три пули, причем ранен крестьянин Якубовский (его показание).

Стреляла армейская пехота, стоявшая на шоссе с обеих сторон Нарвских ворот; стреляли, повидимому, пачками (показание Михелева). Раненых и убитых не убирали; к ним

войска никого не подпускали и сами им помощи не оказывали. Через некоторое время стали взваливать на ломовые сани и куда-то увозили.

Никаких иных мер рассеяния толпы, кроме стрельбы,—например, попытки рассеять толпу, оцепить, арестовать,—предпринимаемо не было.

Из гражданских властей на месте преступления были упомянутые выше помощник пристава Жолткевич, околоточный Шорников и несколько конных городовых. Один из свидетелей (Творогов) упоминает еще о приставе Вербицком, кричавшем будто бы: „Негодяи знали, куда шли: собакам собачья смерть". Но когда появился этот пристав, каково было его отношение к действиям войск,—неизвестно.

Отрывок из „Красной Летописи", № 1. Стр. 137—142.

Царь „прощает" рабочих.

(Речь Николая II к „Депутации от рабочих" *).

Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. Приглашая вас идти подавать мне прошение о нуждах ваших, они подымали вас на бунт против меня и моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли

*) Петроградский генерал-губернатор, — известный жандарм — Трепов, рассчитывая „успокоить" рабочих, приказал заводской администрации, совместно с полицией, подобрать подходящих людей и отправить их в качестве „депутации от рабочих" к Николаю II. Рабочие не признали этой депутации за свою и отказались от „милостей" Николая II, выразившихся в пожертвовании 50.000 рублей „в пользу семей пострадавших" 9 января,—эти деньги они назвали „ценою крови".

и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливыми и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мне о ваших нуждах преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано, и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выявления назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет бог вам на помощь".

19 января 1905-года.